

**Археологические
памятники
Южной Сибири
и Центральной
Азии:**

от появления
первых скотоводов
до эпохи сложения
государственных
образований

Эльг Борисовн В децк я
(1936–2018)

Глеб Алексеевич М ксименков
(1930–1986)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTH SIBERIAN BRANCH OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

STATE HERMITAGE MUSEUM

PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (KUNSTKAMERA)

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

A. KH. MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE COMMITTEE FOR SCIENCE
OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

KEMEROVO STATE UNIVERSITY

ALTAY STATE UNIVERSITY

CHAIR OF ARCHAEOLOGY OF THE INSTITUTE OF HISTORY, SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

KRASNOYARSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE

KHAKASSIAN NATIONAL MUSEUM NAMED AFTER L. R. KYZLASOV

Archaeological sites of Southern Siberia and Central Asia: from the appearance of the first herders to the epoch of the establishment of state formations

Transactions of the International Scientific Conference
devoted to the 85th anniversary of Doctor of Historical Sciences
Elga Borisovna Vadetskaya (1936–2018)
and 90th anniversary of Doctor of Historical Sciences
Gleb Alekseyevich Maksimenkov (1930–1986)

April 19–21, 2021, Saint Petersburg

Saint Petersburg | 2021

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНОСИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (КУНСТКАМЕРА)
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЕВОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ХАКАССКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМ. Л. Р. КЫЗЛАСОВА

Археологические от появления памятники первых Южной Сибири скотоводов и Центральной до эпохи Азии: сложения образований государственных

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 85-летию доктора исторических наук
Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018)
и 90-летию доктора исторических наук
Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986).

19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург

Санкт-Петербург | 2021

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия: к.и.н. М. Т. Кашуба, В. М. Лурье (отв. секретарь), к.и.н. С. В. Панкова, д.и.н. А. В. Поляков (отв. ред.), к.и.н. Н. Ю. Смирнов (отв. ред.), В. Б. Трубникова, Е. Н. Учанева

Editorial board: M. T. Kashuba Candidate of History; V. M. Lur'ye (executive secretary); S. V. Pankova; A. V. Polyakov, Dr of History (executive editor); N. Yu. Smirnov, Candidate of History (executive editor); V. B. Trubnikova; E. N. Uchaneva

Рецензенты: к.и.н. В. А. Алёкшин, д.и.н. М. А. Дэвлет

Reviewers: V. A. Alyokshin, Candidate of History; M. A. Devlet, Dr of History

Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля, 2021 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов. — СПб.: ИИМК РАН, 2021. — 176 с. : ил.

Archaeological sites of Southern Siberia and Central Asia: from the appearance of the first herders to the epoch of the establishment of state formations: Transactions of the International Conference devoted to the 85th anniversary of Doctor of Historical Sciences Elga Borisovna Vadetskaya (1936–2018) and 90th anniversary of Doctor of Historical Sciences Gleb Alekseyevich Maksimenkov (1930–1986) (April 19–21, 2021, St. Petersburg) / executive eds. A. V. Polyakov, N. Yu. Smirnov. — St. Petersburg: IHMC RAS, 2021. — 176 p. : ill.

Сборник материалов Международной научной конференции «Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований», посвященной 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986), содержит работы участников конференции, состоявшейся 19–21 апреля 2021 г. в Санкт-Петербурге, в Институте истории материальной культуры РАН. Представленные в сборнике материалы хронологически охватывают обширный период от неолита до I тыс. н. э., а географически — пространство евразийской горностепной полосы, включающее Центральную Азию и Южную Сибирь. Основные направления работ отражают научные интересы Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова, к чьим памятным датам жизни была приурочена настоящая конференция.

Collection of works of the International Scientific Conference "Archaeological sites of Southern Siberia and Central Asia: from the appearance of the first herders to the epoch of the establishment of state formations: Transactions of the International Conference devoted to the 85th anniversary of Doctor of Historical Sciences Elga Borisovna Vadetskaya (1936–2018) and 90th anniversary of Doctor of Historical Sciences Gleb Alekseyevich Maksimenkov (1930–1986)" includes the works of the participants of the conference held on April 19–21, 2021, in Saint Petersburg, at the Institute for the History of Material Culture RAS. Chronologically, the studies presented in the collection comprise an expansive period — from the Eneolithic epoch to the 1st millennium AD, while geographically it is the space of the European mountain and steppe zone including Central Asia and Southern Siberia. The main scope of the works reflects the scientific interests of E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov to whose memorial dates this conference was devoted.

В оформлении обложки использованы: изображение окуневской личины из могильника Черновая VIII (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. Taf. 41, 114) и фотография хребта Оглахты с устья р. Тубы (фото Е. А. Миклашевич).

In the design of the cover were used: a representation of the 'Okunev mask' from the burial ground of Chernovaya VIII (after Leont'ev, Kapel'ko, 2002. Taf. 41, 114) and a photograph view at the Oglakhty mountain range from the mouth of the Tuba River (photo by E. A. Miklashevich).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
Institute for the History of Material Culture RAS, 2021

ISBN 978-5-907298-16-3

DOI: 10.31600/978-5-907298-16-3

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2021
Authors of the papers (the names noted in the contents), 2021

Содержание

От редакторов (А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов)	11
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИМЕНА, ИДЕИ, НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ	12
А. Л. Автушкова, Д. О. Плахута. Археологические исследования Г. О. Оссовского на юге Западной Сибири (на территории Новосибирской области) в 1894 г.	12
Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых. Археология Южной Сибири в диалоге С. А. Теплоухова и Г. Мергарта	14
Н. Ю. Смирнов. Краткий обзор фонда № 3 архива Российского этнографического музея: материалы Сергея Александровича Теплоухова	16
С. В. Красниченко. Э. Б. Вадецкая и М. П. Грязнов: ученик — учитель и оппоненты	19
Н. П. Макаров. Археологические коллекции Красноярского музея и научное наследие Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова	21
СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА И АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В НЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	24
А. А. Жданов, С. В. Шнайдер, М. В. Шашков, И. Е. Дедов, Н. Н. Сайфуллоев. Адаптационные стратегии древнего человека при освоении высокогорий (на примере кострищ из Истыкской пещеры, Памир)	24
С. Алишер кызы, С. В. Шнайдер. Неолитические комплексы на территории Восточного Прикаспия	26
Г. И. Марковский, С. Алишер кызы, С. В. Шнайдер. Экономические стратегии в гиссарской неолитической культуре (историографический обзор и современный взгляд)	28
С. В. Шнайдер, В. Тейлор, С. Алишер кызы, В. Рендю. Ранняя domestикация животных в горной части Центральной Азии по материалам памятника Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)	30
С. В. Жилич, С. В. Шнайдер. Признаки производящего хозяйства на памятниках Куртеке (Таджикистан) и Сурунгур (Киргизия)	32
ПЕРВЫЕ СКОТОВОДЫ В СТЕПЯХ ЮЖНОЙ СИБИРИ	34
Н. В. Цыденова. К проблеме раннего скотоводства в Забайкалье	34
Н. Ф. Степанова. Афанасьевская культура: об этапах ее изучения	36
И. В. Мерц. Афанасьевские памятники Восточного Казахстана	39
Н. Н. Серёгин, С. А. Васютин. К вопросу о кенотафах афанасьевской культуры Алтая (по материалам комплекса Нижняя Соору)	42
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В СРЕДЕ ДРЕВНИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ	44
В. М. Лурье. Очажные конструкции на поселениях афанасьевской культуры	44
И. А. Дураков. Особенности функционирования бронзолитейных участков на поселениях кротовской культуры эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи	47
И. А. Вальков, С. П. Грушин. Скребки из лопаток мелкого рогатого скота периода ранней бронзы из лесостепного Алтая (коллекция поселения Березовая Лука)	49
Вл. А. Семёнов. Стоянки Тоджинская и Усть-Собакинская (Тува — Красноярский край)	52

ОКУНЕВСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ:**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, ИСКУССТВО** 55

Е. А. Миклашевич. Памятники окуневской культуры
в археологическом наследии Оглахтинского хребта 55

В. И. Молодин, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева. Одиновская и кротовская культуры
периода ранней — развитой бронзы: хронологические позиции 58

В. И. Молодин. Пластическое искусство одиновской культуры 62

А. Л. Заика. Окуневские личины в петроглифах Шалаболинской писаницы 66

И. В. Ковтун. Антропоморф со «шпилем» с Томской писаницы 69

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ:**ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ И ВЕРТИКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ** 73

В. А. Новожёнов. О реконструкциях колесниц и колесничных сообществах
эпохи бронзы урало-казахстанских степей 73

С. В. Сотникова. Культурные традиции сейминско-турбинских
и синташтинско-петровских металлургов и литейщиков: опыт сопоставления 75

Л. С. Кобелева. Межкультурные контакты андроновского (фёдоровского)
и аборигенного населения лесостепной Барабы по материалам
погребального обряда 78

А. А. Горячев, Т. А. Егорова. Археологический комплекс эпохи бронзы
ущелья Мадьярсай 80

О. Н. Корочкова, Э. Р. Усманова. К интерпретации одного из атрибутов
погребального инвентаря фёдоровской культуры 83

П. В. Мандрыка. Красноярская археологическая культура 85

С. А. Ковалевский. К вопросу о датировке бронзовых ирменских долот 87

В. А. Кисель. К проблеме генезиса оленных камней монголо-забайкальского типа ... 89

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
ПОДВИЖНЫХ И ОСЕДЛЫХ СКОТОВОДОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА** 92

Д. А. Топал. Сверхдлинные мечи ранних кочевников Евразии 92

А. В. Субботин. К вопросу о назначении тагарских колоколовидных наконечников 94

Н. А. Сутягина, Н. Ю. Смирнов. Новые материалы о раскопках кургана № 24
в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) 96

В. Б. Трубникова. Перспективы разделения хуннского и сяньбэйского
культурного комплекса 99

М. Е. Килуновская, П. М. Леус. Изображение яка в искусстве хунну 104

ТАШТЫКСКАЯ КУЛЬТУРА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ И ЕЕ ПЕРИФЕРИЯ 107

И. Г. Широбоков, С. В. Панкова. Данные компьютерной томографии в изучении
головы мужской мумии из погребения № 4 Оглахтинского могильника 107

О. А. Митько. Таштыкские грунтовые могильники в устье р. Тесь 110

П. В. Герман. Новые материалы по таштыкской культуре Марининской лесостепи 113

И. С. Половников. Технология изготовления булавок из кости с гвоздевидной головкой
гунно-сарматского времени Хакасско-Минусинской котловины 115

П. О. Сенотрусова. Таштыкские вещи в комплексах финала
раннего железного века в нижнем течении Ангары 118

ПЕТРОГЛИФЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ	120
<i>И. А. Пономарёва.</i> Многокомпонентность селенгинской традиции наскального искусства Забайкалья	120
<i>А. А. Ковалёв.</i> Параболические и прямоугольные антропоморфы в древнем искусстве Монгольского Алтая, Западной Европы и Тибета	122
<i>В. И. Молодин, Д. В. Черемисин, Ю. Н. Ненахова, Н. Батболд.</i> Святынище чумурчкской культуры на северо-западе Монголии	127
<i>О. С. Советова, О. О. Шишкина.</i> Сцены с «роженицами» в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона	130
<i>К. И. Ташбаева.</i> Солярный культ в отражении петроглифов Саймалы-Таша	133
<i>А. В. Варёнов.</i> Звериный стиль в петроглифах Западного Тибета	135
<i>А. В. Варёнов.</i> Писаница с реки Муданьцзян в КНР и погребальные росписи Когурё . . .	138
<i>А. С. Гюнери.</i> Стили петроглифического искусства Монгольского Алтая: движения ног животных	141
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ: МЕТОДЫ, ОТКРЫТИЯ, КОНЦЕПЦИИ	145
<i>К. Н. Солодовников, Ц. Турбат.</i> Находка краниума человека европеоидного типа из погребения ранней бронзы в высокогорье Монгольского Алтая	145
<i>К. Н. Солодовников.</i> К проблеме определения половой принадлежности по черепу древнего человека (на материалах афанасьевской культуры Минусинской котловины)	149
<i>А. В. Громов, А. А. Казарницкий, Н. И. Лазаретова, А. А. Хохлов.</i> Население Минусинской котловины в эпоху бронзы по данным краниоскопии (к вопросу о происхождении окуневской культуры)	151
<i>К. Н. Солодовников, И. П. Лазаретов.</i> О различиях антропологического типа населения разных этапов окуневской культуры	154
<i>Г. А. Аксянова, Г. В. Рыкушина.</i> Сибирь в эпоху бронзы. Окуневцы — одонтологическая характеристика	155
<i>К. Н. Солодовников.</i> Сибирский компонент сложения антропологического состава населения андроновской культуры Среднего Енисея	158
<i>М. П. Рыкун.</i> Палеоантропологические материалы из тагарского могильника Кошкколь (материалы ЛОИА АН СССР из фонда Кабинета антропологии НИТГУ)	160
<i>Н. А. Лейбова.</i> Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени (по материалам каменной культуры)	163
<i>Е. Н. Учанева, А. А. Малютина, В. С. Бусова, Е. Ю. Гиря, Н. И. Лазаретова.</i> Результаты трасологического исследования посмертных трепанаций черепов из раннетесинских склепов	166
<i>А. В. Дедик.</i> Антропологические останки из захоронений по обряду кремации с территории могильника Пинчуга-6 (предварительные итоги)	168
<i>И. Р. Газимзянов.</i> К вопросу о генезисе одного своеобразного морфологического типа	170
Список сокращений	173

Contents

Editorial (A. V. Polyakov, N. Yu. Smirnov)	11
DISCOVERERS OF ANTIQUITIES OF SOUTHERN SIBERIA AND CENTRAL ASIA: NAMES, IDEAS, SCIENTIFIC SCHOOLS	12
A. L. Avtushkova, D. O. Plakhuta. Archaeological researches by G. O. Ossovskiy in the south of Western Siberia (Novosibirsk Oblast) in 1894	12
E. V. Detlova, S. V. Kuz'minykh. Archaeology of Southern Siberia in S. A. Teploukhov's and G. v. Merhart's dialogue	14
N. Yu. Smirnov. Brief overview of Manuscript Group No. 3 of the Archives of the Russian Ethnographic Museum: documents of Sergey Aleksandrovich Teploukhov	16
S. V. Krasnienko. E. B. Vadetskaya and M. P. Gryaznov: disciple — teacher and the opponents	19
N. P. Makarov. Archaeological collections of the Krasnoyarsk Museum and the scientific heritage of E. B. Vadetskaya and G. A. Maksimenkov	21
FORMATION OF THE FOOD-PRODUCING ECONOMY AND ADAPTATION STRATEGIES IN THE NEOLITHIC OF CENTRAL ASIA	24
A. A. Zhdanov, S. V. Shnaider, M. V. Shashkov, I. E. Dedov, N. N. Sayfulloev. Adaptation strategies of the occupation of mountain territories by early man (at the example of bonfire sites in Istyk Cave in Pamir)	24
S. Alisher kyzy, S. V. Shnaider. Neolithic complexes in the Eastern Caspian Sea region	26
G. I. Markovskiy, S. Alisher kyzy, S. V. Shnaider. Economic strategies in the Hissar Neolithic culture (historiographic review and the modern notions)	28
S. V. Shnaider, W. Taylor, S. Alisher kyzy, W. Rendu. Early domestication of animals in the mountain part of Central Asia after materials of the site of Obishir-5 (Fergana Valley, Kyrgyzstan)	30
S. V. Zhilich, S. V. Shnaider. Indications of the food-producing economy at sites of Kurteke (Tajikistan) and Surungur (Kyrgyzia)	32
FIRST HERDERS IN THE STEPPE OF SOUTHERN SIBERIA	34
N. V. Tsydenova. On the problem of the early pastoralism in the Transbaykal region	34
N. F. Stepanova. Afanasyevskaya culture: stages of its studying	36
I. V. Merts. Sites of the Afanasyevskaya culture in Eastern Kazakhstan	39
N. N. Seryogin, S. A. Vasyutin. On the problem of the cenotaphs of the Afanasyevskaya culture in Altay (after the materials of the complex of Nizhnaya Sooru)	42
FEATURES OF FUNCTIONING OF SETTLEMENTS AMONG THE EARLY HERDING SOCIETIES	44
V. M. Lur'ye. Hearth constructions at settlements of the Afanasyevskaya culture	44
I. A. Durakov. Specific features of functioning of bronze-casting workshops at settlements of the Krotovo culture of the Bronze Age in the Ob-Irtysh forest-steppe	47
I. A. Val'kov, S. P. Grushin. Bronze Age scrapers from scapulae of small-horned cattle in the forest-steppe Altay (collection from the site of Berezovaya Luka)	49
VI. A. Semyonov. Todzhinskaya and Ust-Sobakinskaya sites (Tuva — Krasnoyarsk Kray) ...	52

OKUNEV PHENOMENON AND ITS SURROUNDINGS:**MATERIAL CULTURE, FUNERARY TRADITIONS, ART** 55

E. A. Miklashevich. Sites of the Okunev culture in the archaeological heritage
of the Oglakhty Range 55

V. I. Molodin, I. A. Durakov, L. S. Kobeleva. The Odinoovo and Krotovo cultures
of the Early and Advanced Bronze Age: chronological positions 58

V. I. Molodin. Plastic art of the Odinoovo culture 62

A. L. Zaika. Okunev masks among petroglyphs of the Shalobolinskaya pisanitsa 66

I. V. Kovtun. The anthropomorph with a 'spire' from the Tomskaya pisanitsa 69

CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE BRONZE AGE:**HORIZONTAL AND VERTICAL TIES** 73

V. A. Novozhenov. On reconstructions of chariots and chariot societies
of the Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppe 73

S. V. Sotneykova. Cultural traditions of Seima-Turbino and Sintashta-Petrovo
metallurgists and foundrymen: essay of a comparison 75

L. S. Kobeleva. International contacts of the Andronov (Fedorovo) and aboriginal
populations of forest-steppe Baraba through the evidence of the burial rite 78

A. A. Goryachev, T. A. Egorova. Archaeological complex of the Bronze Age
from the Madyarsay gorge 80

O. N. Korochkova, E. R. Usmanova. About the interpretation of one attribute
of the funerary inventory of the Fedorovo culture 83

P. V. Mandryka. The Krasnoyarsk archaeological culture 85

S. A. Kovalevskiy. On the problem of dating of the bronze Irmen chisels 87

V. A. Kisel'. On the problem of the genesis of deer stones of the Mongol-Transbaykal type ... 89

MATERIAL CULTURE, ARTISTIC IMAGES AND FUNERARY PRACTICES OF MOBILE**AND SETTLE HERDERS OF THE EARLY IRON AGE** 92

D. A. Topal. Super long swords of the early nomads of Eurasia 92

A. V. Subbotin. About the purpose of the Tagar bell-shaped finials 94

N. A. Sutyagina, N. Yu. Smirnov. New information on excavations of kurgan No. 24
in the burial ground of the Suzukte ravine (Noin-Ula, Mongolia) 96

V. B. Trubnikova. Prospects of distinguishing between the Xiongnu
and Xianbei cultural complexes 99

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus. Representations of yaks in the Xiongnu art 104

TASHTYK CULTURE ON THE MIDDLE YENISEY RIVER AND ITS PERIPHERY 107

I. G. Shirobokov, S. V. Pankova. Data of computer tomography in studies of the head
of a masculine mummy from burial No. 4 at the Oglakhty burial ground 107

O. A. Mit'ko. Tashtyk flat-grave cemeteries in the mouth of the Tes River 110

P. V. Herman. New evidence on the Tashtyk culture of the Mariinsky forest-steppe 113

I. S. Polovnikov. Technology of manufacture of pins from bone with a nail-shaped head
of the Hun-Sarmatian time in the Khakassia-Minusinsk hollow 115

P. O. Senotrusova. Tashtyk objects among the complexes of the final stage
of the Early Iron Age in the lower reaches of the Angara River 118

PETROGLYPHS OF SOUTHERN SIBERIA AND CENTRAL ASIA: INNOVATION METHODS OF RESEARCHES AND NEW APPROACHES TO THE INTERPRETATION	120
<i>I. A. Ponomaryova.</i> The polycomponent nature of the Selenga tradition of rock art of the Transbaykalia	120
<i>A. A. Kovalyov.</i> Parabolic and rectangular anthropomorphs in the early art of the Mongol Altay, West Europe and Tibet	122
<i>V. I. Molodin, D. V. Cheremisin, Yu. N. Nenakhova, N. Batbold.</i> Sanctuary of the Chemurchek culture in the north-west of Mongolia	127
<i>O. S. Sovetova, O. O. Shishkina.</i> Scenes with 'women in childbirth' in the rock art of the Tepsey archaeological microregion	130
<i>K. I. Tashbaeva.</i> The solar cult represented in petroglyphs of Saymaly-Tash	133
<i>A. V. Varyonov.</i> Animal style in petroglyphs of Western Tibet	135
<i>A. V. Varyonov.</i> Pisanitsa (petroglyphs) from the Mudanjiang River in PRC and funerary paintings in Goguryeo	138
<i>A. S. Güneri.</i> Styles of the petroglyph art of Mongol Altay: movements of the legs of animals	141
PALAEOANTHROPOLOGY OF SOUTHERN SIBERIA, METHODS, DISCOVERIES, CONCEPTS	145
<i>K. N. Solodovnikov, Ts. Turbat.</i> A finding of the cranium of a human of the Caucasoid type from a burial of the Early Bronze Age in the Mongol Altay mountains	145
<i>K. N. Solodovnikov.</i> On the problem of identification of the sex through the cranium of an ancient man (after the materials of the Afanasyevskaya culture in the Minusinsk Hollow)	149
<i>A. V. Gromov, A. A. Kazarnitskiy, N. I. Lazaretova, A. A. Khokhlov.</i> The population of the Minusinsk Hollow during the Bronze Age after the data of craniology (to the question of the origin of the Okunev culture)	151
<i>K. N. Solodovnikov, I. P. Lazaretov.</i> On the differences in the anthropologic type of the population at different stages of the Okunev culture	154
<i>G. A. Aksyanova, G. V. Rykushina.</i> Siberia in the Bronze Age. The Okunev people — odontologic features	155
<i>K. N. Solodovnikov.</i> The Siberian component of the formation of the anthropologic composition of the population of the Andronovo culture of the Middle Yenisey	158
<i>M. P. Rykun.</i> Palaeoanthropologic materials from the Tagar cemetery of Koshkol (collection of LOIA AS USSR from the Cabinet of Anthropology of the National Research Tomsk State University)	160
<i>N. A. Leybova.</i> Odontologic features of the population of the forest-steppe Altay of the Scythian period (through the evidence of the Kamenskaya culture)	163
<i>E. N. Uchaneva, A. A. Malyutina, V. S. Busova, E. Yu. Giry, N. I. Lazaretova.</i> Results of a trace-wear study of post-mortem trepanations of skulls from early Tes-culture tombs	166
<i>A. V. Dedik.</i> Anthropologic remains from cremation burials in the area of the burial ground of Pinchuga-6 (preliminary results)	168
<i>I. R. Gazimzyanov.</i> On the problem of the genesis of one peculiar morphologic type	170
Abbreviations	173

От редакторов

В 2020–2021 гг. Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) отмечает две памятные даты: 90-летие доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) и 85-летие доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) — двух знаменитых исследователей древностей Южной Сибири, многолетних сотрудников института, изучавших археологические памятники широкого хронологического диапазона от энеолита до I тыс. н. э., открывших новые археологические культуры и типы памятников или обосновавших новые хронологические границы известных культур и уточнивших их периодизацию и содержание.

Этим знаменательным событиям посвящена Международная научная конференция «Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований», состоявшаяся 19–21 апреля 2021 года в Санкт-Петербурге.

Конференция была организована Институтом истории материальной культуры РАН и Южносибирским филиалом ИИМК РАН при поддержке Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Института археологии и этнографии СО РАН, Института археологии РАН, Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан, Кемеровского государственного университета, Алтайского государственного университета, кафедры археологии Института истории СПбГУ, Красноярского краевого краеведческого музея и Хакасского краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова.

Представленные в сборнике материалы конференции посвящены широкому кругу проблем, связанных с изучением археологических памятников неолита, энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века, этнополитических образований I тыс. н. э., и отражают основные научные интересы Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова.

А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИМЕНА, ИДЕИ, НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Археологические исследования Г. О. Оссовского на юге Западной Сибири (на территории Новосибирской области) в 1894 г.

А. Л. Автушкова¹, Д. О. Плахута²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.12-14>

К числу забытых достойных исследователей, оставивших значительный след на широких просторах Российской империи, относится Г. О. Оссовский. Сибирский период (1893–1897) деятельности Г. О. Оссовского остается малоизученным. В качестве единственной известной нам работы назовем статью П. В. Германа, где кратко рассмотрены основные направления и результаты работ Г. О. Оссовского в Сибири (Герман, 2013). Целью настоящей работы является изучение археологической деятельности Г. О. Оссовского на территории Новосибирской области.

В марте 1893 г. по приезду в Сибирь, в г. Томск, получив должность дорожно-го техника сибирского почтового тракта, Г. О. Оссовский завязывает контакты с Томским Обществом естествоиспытателей и врачей. Уже в 1894 г. Обществом было отправлено прошение в ИАК о выдаче Открытых листов на имя и Г. О. Оссовского и С. К. Кузнецова (Письмо, 1894).

11 апреля 1894 г. он получил Открытый лист на раскопки в Томской губернии, а именно по берегам р. Шегарки, левого притока Оби; на границе Мариинского и Ачинского округов; в Бийском округе, вдоль Чуйского тракта (Открытый лист, 1894).

¹ 630099, Россия, Новосибирск, Красный пр., д. 23. Новосибирский государственный краеведческий музей, с.н.с. Адрес электронной почты: alinet@gmail.com.

² 630039, Россия, Новосибирск, ул. Добролюбова, д. 160. Новосибирский государственный аграрный университет, кафедра истории и философии, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: plahuta_do74@mail.ru.

Прибыв на место летом 1894 г., Г. О. Оссовский был вынужден отказаться от своих планов по исследованию археологических памятников р. Шагарки из-за нехватки рабочих и из-за сохранности курганов. Он выбирает для раскопок курганы на берегах оз. Мышайлы Вознесенской волости Каинского округа. Раскопки курганов начаты в конце июня 1894 г. Вскоре их пришлось прервать из-за страды, и он решил возобновить их до начала октября. Раскопки Мышайловских курганов были подробно освещены в отчете, посланном Г. О. Оссовским в ИАК и изданном ею впоследствии (Оссовский, 1894; 1896).

В отчете о раскопках Мышайловских курганов Г. О. Оссовский дает подробные сведения о местонахождении памятника. По описанию автора, могильник состоит из двух неравных групп курганов: восточной, включающей 17 курганов, и западной из 5 курганов, т. е. всего исследователь выявил 22 насыпи.

По наблюдениям Г. О. Оссовского, углубления в насыпях всех курганов являлись не следами грабежа, т. к. нет следов вторичной насыпи, а были провалами насыпи от естественного оседания почвы.

Интересна логика выбора исследователем объектов раскопок: по одному крупному кургану в каждой группе, три — средней величины, в которых два — с остатками рвов, и, наконец, два кургана маленьких, по одному в каждой группе.

Исследованные курганы Г. О. Оссовский делит на два типа: курганы «древнейших времен» некрупные, не превышающие в высоту 1,5 аршина (1,066 м), и курганы «новых времен», насыпь которых была сложена из блоков дерна наподобие кирпичной кладки. Оба типа исследователь по погребальному обряду относит к типу «похоронных» (со скелетом).

Долгое время местонахождение Мышайловских курганов оставалось неизвестным. Подробные привязки и ориентиры Г. О. Оссовского устарели. В 2011 г. А. Л. Автушкова провела разведочные работы у д. Комбар Татарского района Новосибирской области. Старожилом деревни была указана Мышайловская грива — ее южная часть спускается к озеру, названия которого местные не знают. Расчеты расстояний по привязкам Г. О. Оссовского подтвердили местонахождение памятника. Грива активно распаивается для посева зерновых. Курганные насыпи, некогда имевшиеся на гриве, не сохранились. Вследствие этого курганный могильник «Мышайловские курганы» можно считать утраченным. Остался только содержательный отчет Г. О. Оссовского.

Литература и источники

Герман, 2013 — Герман П. В. Сибирский период научной деятельности Г. О. Оссовского // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 116–119.

Оссовский Г. О. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. Г. О. Оссовским в Каинском округе Томской губернии. НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 41/1894.

Оссовский, 1896 — Оссовский Г. О. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. Г. О. Оссовским в Каинском округе Томской губернии // ОАК за 1894 год. 1896. С. 139–147.

Открытый лист, выданный Г. О. Оссовскому Императорской Археологической комиссией 11 апреля 1894 г. НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 41/1894. Л. 7–8.

Письмо Томского Общества естествоиспытателей и врачей в Императорскую Археологическую комиссию. НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 41/1894. Л. 2.

Археология Южной Сибири в диалоге С. А. Теплоухова и Г. Мергарта¹

Е. В. Детлова², С. В. Кузьминых³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.14-16>

Летом 1920 г. в Абаканской степи близ с. Батени встретились преподаватель Томского университета Сергей Александрович Теплоухов, возглавлявший Минусинский археологический отряд географической экспедиции Томского университета, и зав. археологическим отделом Музея Приенисейского края Геро фон Мергарт. Эта встреча ознаменовала начало диалога, не слишком продолжительного, но крайне важного для сибирской археологии.

За первой встречей последовала еще одна в феврале 1921 г. в Томске, куда Мергарт был делегирован на несостоявшийся в итоге съезд по организации изучения Сибири. О содержании этих встреч, которое осталось за рамками официальных протоколов, мы можем только догадываться. Но из упоминаний в письмах и документах явствует, что общение ученых строилось главным образом вокруг вопросов, связанных с первыми результатами их минусинских разысканий. Несмотря на горячее обоюдное желание, ученым больше не довелось встретиться лично. Диалог продолжился в письмах.

Переписка Теплоухова и Мергарта охватывает период с 1920 по 1929 г. Она не слишком обширна: пять писем советского археолога и машинописный дубликат ответа Мергарта на одно из писем коллеги. Эти документы сохранились в личном архиве ученого в Марбургском университете. В отличие от обсуждения личных и новостных тем и просьб о литературе, типичных для писем Мергарта

¹ Исследование проведено в рамках грантов РФФИ № 19-59-23008 РЯИК_а и 18-09-40115 Древности.

² 660049, Красноярский край, Красноярск, ул. Дубровинского, д. 84. Красноярский краевой краеведческий музей, с.н.с. Адрес электронной почты: detlova2012@yandex.ru.

³ 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН, вед.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: kuzminykhsv@yandex.ru.

с корреспондентами из России, на первый план здесь выходят вопросы сибирской археологии.

Три первых письма Теплоухова 1920 г. относятся еще ко времени пребывания Мергарта в Красноярске. В них сообщается о начале и продолжении раскопок близ с. Батени. В отличие от Мергарта, который в ходе обследования дюн в данном районе обнаружил лишь признаки культур палеолита и железного века, его томскому коллеге удалось выявить здесь погребения эпох неолита, раннего металла и железа. Автор писем описывает признаки вскрытых им захоронений. Более развернутую характеристику культур микрорайона Батени Теплоухов, к тому времени переехавший в Петроград, дает в письме 1924 г., первом после четырехлетнего перерыва в переписке. В нем он знакомит Мергарта с результатами раскопок на юге края, проведенных на протяжении пяти лет, информирует о количестве вскрытых погребений и их распределении по культурным ступеням. В тексте фигурируют вполне конкретные их обозначения: афанасьевская, андроновская, культура гробниц, первая и вторая курганные, переходные от культуры гробниц к курганным культурам и от бронзового века к железному, культуры раннего железного века, а также «хакасская» (поздний железный век) и «настоящая кочевническая». Среди явлений, на которых ученый фокусирует внимание, упоминаются «звериный стиль» и погребальные маски.

В единственном сохранившемся письме (ответ на послание 1924 г.) Мергарт излагает свои соображения относительно некоторых выделенных Теплоуховым культур — афанасьевской, андроновской, курганных. По некоторым позициям он полемизирует с коллегой из Петрограда (например, относительно очага происхождения и датировки скифо-сибирского звериного стиля). Само послание — бесспорный рекордсмен по объему среди всех адресованных Мергартом писем русским коллегам.

Точку в переписке ставит короткое послание Теплоухова 1929 г., написанное после длительного перерыва, с сообщением об исследованиях в Урянхайском крае, начатых в 1926 г. Одной строкой он известил Мергарта о масштабах трехлетних работ в Туве и просил его сообщить любую известную информацию о регионе.

Никто из участников этого эпистолярного диалога не мог предполагать, что переписка оборвется так внезапно. О трагической судьбе Теплоухова Мергарт узнает много позже. Имя Сергея Александровича, однако, неоднократно возникает в его общении с русскими коллегами (Н. К. Ауэрбах, Б. Э. Петри, Г. П. Сосновский, А. Я. Тугаринов, А. В. Шмидт, В. А. Городцов) и зарубежными коллегами (А. М. Тальгрэн, В. Ляймбах, Б. Цунода). В последний раз имя Теплоухова, «превосходного специалиста, усердного работника и великолепного человека», который был «самым коллегальным, сердечным и любезным собратом по профессии», упоминается в очерке «Некоторые воспоминания о Сибири», который Мергарт опубликует на склоне лет (Merhart, 1958. S. 229).

Литература

Merhart, 1958 — Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. Osaka, 1958. № 7. S. 227–229.

Краткий обзор фонда № 3 архива Российского этнографического музея: материалы Сергея Александровича Теплоухова¹

Н. Ю. Смирнов²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.16-19>

Фонд № 3 архива Российского этнографического музея (далее — РЭМ, музей) был сформирован в качестве доступной для исследователей совокупности документов в начале 1960-х гг., после обработки научных материалов С. А. Теплоухова, переданных в музей его сестрой, Н. А. Теплоуховой, еще в 1937 г. (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 23–24).

В процессе принятия архивных материалов была составлена их первичная (передаточная) опись (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 70–72об.), согласно которой все рукописные, печатные и фотографические документы С. А. Теплоухова поступали на хранение в Государственный музей этнографии (ныне — РЭМ). Важным дополнением к этой описи является собственноручная записка Н. А. Теплоуховой, в которой сказано следующее: «*При передаче [материалов. — Н. С.] ставлю непременно условием, чтобы при всех возможных публикациях в печати этих рукописей и материалов было полностью сохранено имя моего брата, как автора данных исследований*» (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 73).

Отмечу, что условие, поставленное Н. А. Теплоуховой, не всегда в должной мере соблюдалось позднейшими исследователями (например, Иессен, Соснов-

¹ Доклад подготовлен частично в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)» — часть, касающаяся источниковедческого анализа фонда С. А. Теплоухова в архиве РЭМ в целом, и частично при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005 Монг_а — часть, касающаяся выявления в фондах архива РЭМ документов, связанных с работами экспедиции П. К. Козлова в Ноин-Уле.
Acknowledgments: Part of this study was funded by RFBR and MECSS, project no. 20-59-44005.

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

ский, 1940; Сосновский, 1940). При этом некоторые из них явно имели доступ к архиву С. А. Теплоухова еще до начала его обработки или в ее процессе, а не только после окончания формирования фонда. Это привело к своеобразным последствиям. Целый ряд материалов, полученных во время экспедиций С. А. Теплоухова, был использован во второй половине XX в. в трудах специалистов по археологии Тувы и Минусинских котловин действительно со ссылками на источник происхождения и, таким образом, введен в науку (например, *Полторацкая*, 1966; *Кызласов*, 1969; 1979; *Поляков*, 2010). Однако в качестве обобщенных результатов работ самого Теплоухова эти материалы не были никогда изданы. Особенно удручает в этом случае то, что все полевые дневники, зарисовки и фотографии сохранились в архиве РЭМ, полевые отчеты — в НА ИИМК РАН, а сами находки — в фондах Государственного Эрмитажа; и ко всей этой массе источников коллеги неоднократно обращались.

Нельзя не упомянуть и о специфических особенностях фонда № 3, выявившихся в полной мере при детальном ознакомлении с ним. Так, при сравнении первичной (передаточной) описи с описью фонда С. А. Теплоухова, созданной при его научной обработке в 1960-х гг., стало понятно, что по неизвестным причинам некоторые интересные материалы не были включены в существующий фонд. Например, в фонде отсутствуют переводы на русский язык книг или отдельных глав из книг (?) Арне Тальгрена и Геро Мергарта, упомянутые в передаточной описи (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 72об.). Известно, что какая-то часть материалов С. А. Теплоухова осталась «в россыпи» (в основном рисунки и фотографии) и будет доступна только после атрибуции, обработки и включения в фонд. Вероятно, в ее составе еще обнаружатся интересные и важные документы.

К сожалению, необходимо признать, что архивная обработка материалов С. А. Теплоухова, проведенная в 1960-е гг., была достаточно формальным мероприятием, что повлекло за собой неверную атрибуцию целого ряда дел и, отчасти, механическое их формирование. С одной стороны, это изрядно запутывает исследователя, пользующегося существующей описью фонда, — заголовок дела не всегда соответствует его содержанию. С другой стороны — порождает приятную возможность архивных открытий даже спустя десятилетия после формирования фонда и работы с ним многих коллег.

В результате тщательного изучения всех имеющихся в фонде С. А. Теплоухова материалов мной было выявлено определенное количество документов, относящихся к другим лицам — А. В. Адрианову, Г. И. Боровке, М. П. Грязнову, возможно В. С. Адрианову и А. Н. Глухову. Среди них встречаются как отдельные единичные листы рукописей, рисунков и чертежей, отпечатки фотоснимков, так и полевые дневники или тематические подборки фотоснимков из экспедиций. Кроме того, мной были переатрибутированы некоторые документы, относящиеся и к самому

С. А. Теплоухову, — полевые дневники, заметки о работах с музейными коллекциями, экспедиционные фотографии.

Важным архивным открытием стало обнаружение считавшихся утраченными полевых дневников С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, написанных в 1924 г., в период их работы в составе Монголо-Тибетской экспедиции РГО под начальством П. К. Козлова (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60, 63, 64, 148). Они попеременно (из-за болезни С. А. Теплоухова) руководили раскопками кургана № 12(24) в могильнике Ноин-Ула, проведенными на высочайшем для того времени научном уровне и давшими замечательные материалы.

Эти дневники являются долгожданным и необходимым дополнением к известным отчетам о раскопках ноин-улинских курганов. В настоящее время содержащиеся в них данные (записи и зарисовки) готовятся к публикации в рамках совместного проекта ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа «П. К. Козлов и Ноин-Ула. Археологическое наследие Монголо-Тибетской экспедиции в архивных и музейных собраниях России и Монголии», поддержанного РФФИ.

Кроме того, в составе фонда № 3, а также в составе некоторых других фондов архива РЭМ мной были выявлены все документы, относящиеся к процессу раскопок С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в горах Ноин-Ула в 1924 г., обработке полученных археологических находок (реставрация, фотосъемка, подготовка к экспонированию) и передаче их в Государственный Эрмитаж. Среди них имеются материалы как известные и дублирующиеся в архивных собраниях ИИМК РАН и РГО, так и уникальные документы, в том числе автографы, беловые чертежи и подписанные рукой С. А. Теплоухова отпечатки фотоснимков — ранее неизвестные или считавшиеся утраченными.

Литература и источники

Иессен, Сосновский, 1940 — Иессен А. А., Сосновский Г. П. К истории использования олова в Приенисейском крае // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 45–47.

Кызласов, 1969 — Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.

Материалы (протоколы, объяснительная записка, акты и др.), относящиеся к деятельности помощника хранителя С. А. Теплоухова. Девять фотографий надмогильных сооружений // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35.

Полторацкая, 1966 — Полторацкая В. Н. Памятники археологии ранних кочевников в Туве (по раскопкам С. А. Теплоухова) // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л.; М.: Советский художник, 1966. С. 78–102. (АСГЭ. Вып. 8).

Поляков, 2010 — Поляков А. В. Карасукские могильники Окунев Улус I–II (раскопки С. А. Теплоухова 1926–1928 гг.) // Материалы и исследования по археологии Ев-

разии. Памяти Я. В. Доманского / Отв. ред. А. Ю. Алексеев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 30–49. (АСГЭ. Вып. 38).

Сосновский, 1940 — Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. 1940. Вып. VII. С. 86–90.

Теплоухов С. А. Дневник археологических раскопок в районе Тубы. 1924 г. // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60.

Теплоухов С. А. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. 1924 г. // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63.

Теплоухов С. А. Дневник археологических раскопок в районе Монголии. Ч. 2. 1924 г. // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64.

Теплоухов С. А. Дневник археологических раскопок в районе Ноин-Ула (Монголия) // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148.

Э. Б. Вадецкая и М. П. Грязнов: ученик — учитель и оппоненты

С. В. Красниенко¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.19-21>

1. Работа посвящена отношению Э. Б. Вадецкой к научному опыту и наследию М. П. Грязнова — «учителя многих» (Вадецкая, 1981. С. 50). Творчески освоив этот интеллектуальный и информационный массив данных, Э. Б. Вадецкая сделала много для развития археологии Южной Сибири и сама, в свою очередь, передала опыт вместе с опытом своих предшественников ученикам, направив и вдохновив их на новые открытия, поддержав их усилия для вывода археологии на новый уровень.

2. Выпускница кафедры археологии МГУ Э. Б. Вадецкая справедливо называла своими учителями С. В. Киселёва и Л. Р. Кызласова. Это признание принадлежности к научно-педагогической школе, обусловившей выбор научных интересов, и признательность тем, кто оставался долгие годы образцом ученого для Э. Б. Вадецкой.

3. Сотрудничество — научное и экспедиционное руководство — и работа в одном секторе связывали М. П. Грязнова и Э. Б. Вадецкую более 22 лет. В 1962 г. Э. Б. Вадецкая поступила в аспирантуру ЛО ИА АН СССР. Тогда же началась работа в Красноярской экспедиции под руководством М. П. Грязнова. Таким образом, ее научный руководитель стал одновременно и начальником экспедиции.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, н.с. Адрес электронной почты: krasnienkos@mail.ru.

4. Длительное время работы в этой экспедиции позволило Эльге Борисовне получить бесценный опыт, который сопровождал ее всю жизнь и оставался для нее эталонным. В первую очередь это заслуга М. П. Грязнова, но и коллег по экспедиции и институту, находившихся рядом.

5. Э. Б. Вадецкой достаточно рано пришло понимание этого опыта. Уже в 1960–70-х гг. она постоянно обращается к полевым работам М. П. Грязнова, его наблюдениям, его интерпретациям. Но это было не просто перечисление сделанного, а осмысление на новом уровне, с учетом новых данных, новых мнений.

6. Позднее Э. Б. Вадецкой удалось обобщить и признать значение сделанного М. П. Грязновым. Прежде всего, это общая хронологическая шкала археологических культур Южной Сибири (или Среднего Енисея), пришедшая от С. А. Теплоухова через С. В. Киселёва и М. П. Грязнова, дополненная и усовершенствованная работами Красноярской экспедиции (Комплекс..., 1979; *Вадецкая*, 1986). По мнению Э. Б. Вадецкой, М. П. Грязнов, изучая памятники афанасьевской культуры, сделал важный вклад в исследовании именно погребального обряда (*Вадецкая и др.*, 2014. С. 293): раскопки широкими площадями, расчистка оград и надмогильных сооружений, выявление их конструкции и этапов строительства, подсчет трудозатрат при сооружении погребальных комплексов, наблюдения о половозрастных характеристиках и брачно-семейных отношениях погребенных, версия об определенном летнем периоде одновременных захоронений. Ранее ею же отмечено: «Подробности обряда создают "этнографический" фон сочинениям М. П. Грязнова, особенно когда они суммируются и образно описываются. В этой традиции продолжают исследования и его учениками» (*Вадецкая*, 1987. С. 15). С другой стороны, интересно признание М. П. Грязновым профессионализма, эрудиции и квалификации Э. Б. Вадецкой, выразившейся в совместном авторстве главы «Афанасьевская культура» в фундаментальной «Истории Сибири».

7. Э. Б. Вадецкую, всегда интересовавшуюся этнографией, особенно привлекал «этнографический» взгляд М. П. Грязнова. Тщательно исследовав таштыкскую культуру, Э. Б. Вадецкая сформировала целое направление в изучении погребальных практик древнего населения гунно-сарматского времени (*Вадецкая*, 1999).

8. Тем не менее Вадецкая подмечала как «досадные ошибки» то, что не соответствует новым наблюдениям и новым данным, полученным в результате новых раскопок. Вклад Михаила Петровича в изучение археологии Южной Сибири выдающийся. Эльга Борисовна осознавала и собственную роль в этой сфере. Это осознание приводило ее к тому, что она не копировала слепо наблюдения, логику, умозаключения М. П. Грязнова. Требования научного поиска заставляли ее двигаться вперед, признавая несовершенство некоторых позиций и требуя их дальнейшего развития. Это касалось, в частности, дальнейшего исследования тагарской культуры, более детальной ее хронологии, установления явлений, иллюстрирующих переход от скифского времени к гунно-сарматскому в ходе

дальнейшего осмысления тесинского этапа. Погребальному обряду и похоронной практике таштыкской культуры Эльга Борисовна уделяла особое внимание в последние годы жизни. Часть этой работы осталась «в столе» исследователя в виде почти подготовленной к изданию рукописи.

9. И последнее. Грустное совпадение: и Михаил Петрович, и Эльга Борисовна скончались в одном возрасте и в один день с разницей в 34 года — 18 августа.

Литература

- Вадецкая*, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. 113 с.
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая*, 1987 — *Вадецкая Э. Б.* Методологические разработки М. П. Грязнова. // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. [апр. 1987 г.]. Омск: ОмГУ, 1987. Ч. 1. С. 14–17.
- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana. VII).
- Вадецкая и др.*, 2014 — *Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Комплекс..., 1979 — Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 167 с.

Археологические коллекции Красноярского музея и научное наследие Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова

Н. П. Макаров¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.21-23>

Красноярский краевой краеведческий музей вот уже более столетия поддерживает тесные научные связи с археологическими центрами Санкт-Петербурга (*Вдовин, Макаров*, 2012. С. 81–86).

Ярким примером этого является участие археологов Красноярского музея в работах экспедиций ЛОИА АН СССР. В течение трех десятилетий XX в. Н. В. Нашекин, Р. В. Николаев, Н. П. Макаров работали в составе экспедиций под руководством Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой. Итогом этого сотрудничества стали новые

¹ 660049, Красноярский край, Красноярск, ул. Дубровинского, д. 84. Красноярский краевой краеведческий музей, Отдел археологии и этнографии, зав. отделом, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: mnp1955@bk.ru.

оригинальные материалы по древней истории Енисея от неолита до железного века и средневековья (Там же. С. 121–130). При этом в обобщающую монографию по афанасьевской, окуневской, андроновской и таштыкской культурам вошли как новейшие материалы, полученные в ходе совместных раскопок ленинградских и красноярских археологов, так и коллекции, накопленные за столетие в фондах Красноярского музея. Г. А. Максименков критически подошел к выводам археологов музея Г. К. Мергарта и В. Г. Карцова об отставании в развитии древних культур Красноярского археологического района. Исследователь не ограничился изучением накопленных коллекций, организовав повторные раскопки стоянки Усть-Собакино (Максименков, 1966).

Знаковой стала статья Г. А. Максименкова по археологии района Красноярска. В ней автор пришел к выводу, что в лесостепной полосе Красноярского края никакого отставания нет и что здесь издавна развивались культуры, отличные от культур Минусинской котловины (Максименков, 1961). Более чем полвека спустя эти выводы для неолита и бронзового века Красноярской лесостепи подтверждаются современными исследованиями (Макаров, 2005. С. 148–162).

Для самой Минусинской котловины особое значение имело выделение самобытной окуневской культуры (Максименков, 1965. С. 168–174). Это вызвало необходимость ее отражения в экспозиции Красноярского музея. Основными источниками для этого послужили оригинальные материалы из раскопок Э. Б. Вадецкой могильника Красный Яр.

В монографии Г. А. Максименкова по андроновской культуре и в обобщающей сводной работе Э. Б. Вадецкой нашли отражение результаты работ 1964–1969 гг. археолога музея Н. В. Нащокина по могильнику Соленоозерная (Максименков, 1978. С. 15–17; Вадецкая, 1986. С. 48). Сегодня эти материалы нуждаются в дополнительном изучении, так как наряду с типичными артефактами андроновской культуры в могильнике зафиксированы окуневские каменные изваяния и плиты перекрытий с антропоморфными окуневскими личинами.

Опыт автора в исследованиях тагарских курганов, полученный в экспедиции Э. Б. Вадецкой, позволил обратиться к характеристике уникального Ново-пятницкого клада (Макаров, 2014). Прочитанный в стенах ЛОИА АН СССР доклад вызвал оживленную дискуссию. Предложенная мною датировка раннетагарским временем вызвала возражения Э. Б. Вадецкой, так как наряду с полноразмерными чеканами и кинжалами ею были отмечены и несколько ножей уменьшенных размеров. В то же время была высказана и другая точка зрения о датировке клада позднекарасукским временем. Особый интерес вызвала коллекция из 10 кельтов с разным геометрическим орнаментом, что свидетельствовало об одновременности данной группы артефактов. Это вносило определенные коррективы и в типологию кельтов красноярско-ангарского типов, предложенную Г. А. Максименковым (Максименков, 1960).

Следует отметить научно-популярный стиль изложения ряда книг Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой. Особенно литературный талант проявился в книгах Э. Б. Вадецкой, посвященных окуневским изваяниям, таштыкским маскам и другим археологическим загадкам (Вадецкая, 1967; 1981; 2009). Эти книги стали настольными для сотрудников Красноярского музея в популяризации достижений древних культур Енисея. Они пользуются неизменным успехом и наряду с коллекциями в экспозиции музея являются лучшей памятью этим выдающимся исследователям.

Литература

- Вадецкая, 1967 — Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 78 с.
- Вадецкая, 1981 — Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, 1981. 112 с.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 178 с.
- Вадецкая, 2009 — Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. Красноярск; СПб.: Версо, 2009. 188 с.
- Вдовин, Макаров, 2012 — Вдовин А. С., Макаров Н. П. К истории научных связей Петербурга и Красноярска // Культуры степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 81–86.
- Макаров, 2005 — Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 149–171.
- Макаров, 2014 — Макаров Н. П. Ранний железный век Средней Сибири // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань, 2014. С. 437–454. (Археология евразийских степей. Вып. 20).
- Макаров, Вдовин, 2018 — Макаров Н. П., Вдовин А. С. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 208 с.
- Максименков, 1960 — Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1. С. 148–162.
- Максименков, 1961 — Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1961. С. 301–315.
- Максименков, 1965 — Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 168–174. (МИА. № 130).
- Максименков, 1966 — Максименков Г. А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Древняя Сибирь. Сибирский археологический сборник / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966. Вып. 2. С. 77–83.
- Максименков, 1978 — Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 192 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА И АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В НЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Адаптационные стратегии древнего человека при освоении высокогорий (на примере кострищ из Истыкской пещеры, Памир)¹

А. А. Жданов², С. В. Шнайдер³, М. В. Шашков⁴, И. Е. Дедов⁵,
Н. Н. Сайфуллоев⁶

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.24-26>

Заселение экстремальных зон высокогорий является одной из дискуссионных тем в современной археологии. В Центральной Азии известны археологические памятники Восточного Памира. Одним из основных объектов является Истыкская пещера, где представлено практически непрерывное заселение человеком данной территории начиная с 13,8 тыс. л. н. (*Shnaider et al.*, 2020). Памятник расположен в юго-западной части Восточного Памира (ГБАО, Таджикистан)

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-40081.

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 5. Институт катализа им. Г. К. Борескова СО РАН, н.с., к.х.н. Адрес электронной почты: roamlight@inbox.ru.

³ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: sveta.shnayder@gmail.com.

⁴ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 5. Институт катализа им. Г. К. Борескова СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, вед.н.с., к.х.н. Адрес электронной почты: shashkov@catalysis.ru.

⁵ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, лаборант. Адрес электронной почты: dedov.com@gmail.com.

⁶ 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Рудаки, д. 33. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, зав. отд. археологии, к.и.н. Адрес электронной почты: sayfulloev.nuritdin@gmail.com.

на левом берегу р. Сулистык на 7–12 м террасе, абсолютная высота над уровнем моря — 4060 м. Истыкская пещера как археологический объект была обнаружена в 1975 г. В. А. Жуковым и исследовалась им в течение нескольких полевых сезонов (Жуков, 1982).

В 2018–2019 гг. исследования объекта проводились международной российско-таджикской экспедицией. В ходе работ на памятнике было выделено 5 литологических подразделений, нижний слой стерилен в археологическом отношении. Слои 0–3 содержат артефакты, фаунистический материал и каскад пеплосодержащих прослоев. По предварительным данным, первый культурный слой относится к периоду бронзы — средневековья, второй, вероятнее всего, к неолиту, третий — к финальной стадии эппалеолита (*Шнайдер и др.*, 2019).

В ходе данного цикла работ на памятнике выделена серия пеплосодержащих прослоев, которые были изучены методами газовой хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (ГХ/МС) и рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) с целью определения использовавшихся типов топлива. Всего было отобрано 13 образцов, полученных с трех различных выделенных слоев Истыкской пещеры. Для них были получены данные об основном неорганическом составе (РФА), о суммарных содержаниях спиртов, алканов и альдегидов (ГХ/МС). Значения определенных производных от содержания упомянутых органических компонентов могут указать на присутствие в золе следов высших (трава, солома) или древесных растений. Содержание же таких неорганических элементов, как кремний, фосфор, калий и кальций, определенное методом РФА, при правильном выборе образца сравнения способно также указать на тип использованного топлива. В частности, для золы древесных растений более характерно повышенное содержание кальция, в то время как для золы после сжигания соломы или навоза характерно более высокое содержание кремния и фосфора (*Усманов*, 1964). Из всей выборки наиболее подходящими образцами сравнения оказались образцы третьего слоя, так как они практически не содержат пеплосодержащих прослоев. Состав этих образцов принимался за состав вмещающего грунта, и относительно их проводился расчет содержания элементов в остальных пробах.

Сопоставление результатов двух методов позволило определить, что практически для всех отобранных образцов, за некоторыми исключениями, характерно использование смешанного типа топлива, в котором содержатся следы как соломы / навоза, так и древесины. Что говорит о том, что в экстремальных условиях высокогорий не было избирательности при выборе топлива.

Литература

- Жуков, 1982 — Жуков В. А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1982. Вып. 16. С. 31–40.
- Усманов, 1964 — Усманов Ю. А. Агрохимию — на службу урожаю: учебное пособие для слушателей школ агрохимического всеобуча. Уфа: Башкиргоиздат, 1964. 174 с.
- Шнайдер и др., 2019 — Шнайдер С. В., Сайфуллоев Н. Н., Алишер-кызы С., Рудая Н. А., Дедов И. Е., Зоткина Л. В., Жуков В. А., Караев А., Наврузбеков М., Алексейцева В. В., Кривошапкин А. И. Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 293–298.
- Shnaider et al., 2020 — Shnaider S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., Krivoshapkin A. I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // Quaternary International. 2020. Vol. 535. P. 139–154.

Неолитические комплексы на территории Восточного Прикаспия¹

С. Алишер кызы², С. В. Шнайдер³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.26-28>

Географическое положение Каспийского региона играет ключевую роль в понимании исторических процессов, происходивших на территории Передней и Центральной Азии. Особенную роль здесь играет территория Восточного Прикаспия, которая служит мостом между этими регионами. На настоящем этапе известны стратифицированные неолитические памятники в предгорных районах Большого Балхана (Джебел (слои Va, IV, III), Дам-Дам-Чешме 1 (слои 3 и 2) и 2 (слои 3 и 2)), Кубадагского хребта (Кайлю (слой 7) и Куба-Сенгир (пункт 2)) и памятники с поверхностным залеганием в системе больших и протяженных слоев в юго-западной части Красноводского плато (Джанурпа). Нами был проведен технико-типологический анализ коллекций этих памятников, который показал,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-39-90052.

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, м.н.с. Адрес электронной почты: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com.

³ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: sveta.shnayder@gmail.com.

что в период неолита на данной территории сосуществовали две традиции обработки камня.

Первая традиция представлена материалами памятников Большого Балхана и Кайлю. Первичное расщепление здесь характеризуется призматическими и конусовидными нуклеусами, направленными на получение пластинчатых сколов шириной 7–18 мм с применением ударной техники скола. Орудийный набор характеризуется геометрическими микролитами в виде треугольников и трапеций, также выделяются выемчатые орудия, концевые скребки и единичные резцы (Алишер кызы, Шнайдер, 2020).

Вторая традиция представлена материалами памятников Джанурпа и Куба-Сенгир. Данные материалы характеризуются микропластинчатым расщеплением с призматических, конусовидных и торцовых ядрищ, направленным на получение микропластин шириной 3–7 мм. Орудийный набор комплекса представлен пластинками с притупленным краем, ассиметричными остриями, микроскребками и узкими треугольниками. Единичными экземплярами представлены микропластины с вентральной ретушью и наконечники стрел с бифасиальной обработкой (Алишер кызы и др., 2020). Схожие характеристики отмечаются также для нижеузбойских и оюклинских комплексов (Коробкова, 1969).

К сожалению, для данных памятников пока не получено абсолютных датировок. Однако на основе палеогеографических реконструкций и технико-типологического анализа можно определить относительную хронологию памятников. Неолитические комплексы со схожими технико-типологическими характеристиками на сопредельных территориях (джейтунская культура, оюклинские и нижеузбойские комплексы) датируются в пределах от 9 тыс. л. н. до 5 тыс. л. н. Если говорить о палеогеографических данных, то в раннем голоцене наиболее комфортные климатические условия отмечаются в первой фазе новокаспийской трансгрессии (7500–5600 л. н.), когда уровень Каспийского моря достиг своего максимума (–19 м) (Bezrodnikh, Sorokin, 2016). Вследствие этого произошел подъем грунтовых вод, обеспечивший доступ к источникам пресной воды, увеличилось разнообразие растительности и животного мира, что благоприятствовало обитанию здесь человека.

Таким образом, на настоящем этапе исследования мы можем говорить о заселении Восточного Прикаспия в период неолита (8–5 тыс. л. н.) двумя различными популяциями с отличительной материальной культурой.

Литература

Алишер кызы, Шнайдер, 2020 — Алишер кызы С., Шнайдер С. В. Каменная индустрия неолитических слоев грота Дам-Дам-Чешме-2 (по материалам раскопок А. П. Окладникова) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 16–23.

Алишер кызы и др., 2020 — Алишер кызы С., Шнайдер С. В., Янина Т. А. Новая интерпретация каменной индустрии местонахождения Сай Джанурпа (Восточный Прикаспий) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 52–68.

Коробкова, 1969 — Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л.: Наука, 1969. 214 с. (МИА. № 158).

Bezrodnykh, Sorokin, 2016 — Bezrodnykh Yu. P., Sorokin V. M. On the age of the Mangyshlakian deposits of the Northern Caspian Sea // Quaternary Research. 2016. No. 85 (2). P. 245–254.

Экономические стратегии в гиссарской неолитической культуре (историографический обзор и современный взгляд)¹

Г. И. Марковский², С. Алишер кызы³, С. В. Шнайдер⁴

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.28-30>

Формирование новых экономических традиций в хозяйстве древнего населения Центральной Азии началось в период раннего неолита. Наиболее ярко свидетельства производящего хозяйства прослеживаются в материалах джейтунской культуры, экономика которой базировалась на земледелии (Массон, 1971). В основе хозяйства представителей кельтеминарской культуры лежали охота и рыбная ловля, хотя в быту использовались немногочисленные орудия, характерные для инвентаря племен с производящим типом экономики (Виноградов, 1981). Археологические материалы гиссарской культуры специфичны и не дают возможности однозначно соотнести их с определенным экономическим укладом (Коробкова, 1996).

Гиссарская культура была распространена на территории Гиссаро-Алая и датируется с VI по II тыс. до н. э. С конца 1950-х гг. исследователи старались определить тип хозяйства носителей этой культуры. Первооткрыватель, А. П. Окладников, характеризовал ее как «культуру земледельцев и скотоводов»

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-78-10053.

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, м.н.с. Адрес электронной почты: markovskyyu@gmail.com.

³ 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, м.н.с. Адрес электронной почты: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com.

⁴ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: sveta.shnayder@gmail.com.

(Окладников, 1959). В. М. Массон считал, что для атрибуции гиссарцев как земледельцев материалов недостаточно: отсутствие в инвентаре орудий с четко выраженными функциями, орудий земледельческого труда, малая мощность культурного слоя на стоянках, отсутствие основательных жилых построек «наводят скорее на мысль о том, что мы имеем дело, видимо, со стоянками бродячих охотников или в лучшем случае скотоводов» (Массон, 1966). По мнению В. А. Ранова и Г. Ф. Коробковой, земледелие у гиссарцев только начинало складываться, хозяйство базировалось на кочевом скотоводстве, о чем свидетельствовали топографические особенности стоянок, а также наличие в археологических материалах большого количества костей МРС (Ранов, 1985; Коробкова, 1996).

На данный момент концепция о присутствии скотоводства у представителей гиссарской культуры выглядит наиболее убедительной. Определение скотоводческого уклада часто основывается на косвенных или даже отрицательных свидетельствах, связанных со спецификой ведения хозяйства (Adams, 1981; Hole, 1978; Rosen, 2016).

В случае с гиссарской культурой положительными свидетельствами кочевого скотоводства являются: 1) благоприятное расположение стоянок гиссарской культуры для круглогодичного использования пастбищ; 2) наличие в археологических материалах большого количества костей МРС; 3) существование как долговременных поселений с мощными археологическими слоями, так и кратковременных стоянок с развешенными культурными остатками.

Также существуют косвенные отрицательные свидетельства, дополняющие характеристику кочевого скотоводческого уклада: 1) за длительный временной промежуток так и не сформировалась устойчивая традиция изготовления керамических сосудов; 2) в археологических коллекциях практически полностью отсутствуют орудия охоты; 3) на поселениях гиссарской культуры не зафиксированы долговременные жилые и хозяйственные постройки.

Однако данная гипотеза требует современной комплексной проработки собранного археологического материала, в том числе с применением биоархеологических методов исследования.

Литература

- Виноградов, 1981 — Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднего междуречья. М.: Наука, 1981. 176 с. (Тр. ХАЭЭ. Т. XIII).
- Коробкова, 1996 — Коробкова Г. Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 149–174. (Археология СССР/Археология).
- Массон, 1971 — Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). М.: Наука, 1971. 208 с. (МИА. № 180).

- Массон, 1996 — Массон В. М. Гиссарская культура в западном Таджикистане // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 145–148.
- Окладников, 1959 — Окладников А. П. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. (в Гиссарской и Дангаринской долинах) // Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1959. Вып. 5. С. 5–20.
- Ранов, 1985 — Ранов В. А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1985. С. 10–35.
- Adams, 1981 — Adams R. McC. Heartland of cities: surveys of ancient settlement and land use on the central lood plain of the Euphrates. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 162 p.
- Hole, 1978 — Hole F. D. Pastoral nomadism in western Iran // Explorations in ethnoarchaeology / Ed. R. Gould. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1978. P. 127–179.
- Rosen, 2016 — Rosen S. A. Revolutions in the desert: The rise of mobile pastoralism in the southern Levant. Walnut Creek: Taylor and Francis, 2016. 330 p.

Ранняя domestикация животных в горной части Центральной Азии по материалам памятника Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)¹

С. В. Шнайдер², В. Тейлор³, С. Алишер кызы⁴, В. Рендю⁵

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.30-32>

Происхождение производящего типа экономики является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в археологии. На настоящий момент установлено, что раннее одомашнивание пшеницы, ячменя, коз и овец началось не позднее 11,5 тыс. л. н. на территории Плодородного полумесяца (Zeder, 2011), откуда рас-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 19-78-10053.

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: sveta.shnayder@gmail.com.

³ СО 80526, США, Колорадо, Форт Коллинс, д. 2545. Университет Колорадо, ассистент проф. Адрес электронной почты: William.Taylor@colorado.edu.

⁴ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, м.н.с. Адрес электронной почты: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com.

⁵ 33000, Франция, Бордо, ул. Лео-Сайгна, д. 146. Университет Бордо, исследователь. Адрес электронной почты: willrendu@gmail.com.

пространилось на Ближний Восток и в Европу (*Bar-Yosef*, 2004). Одним из больших белых пятен в исследованиях по этой теме остается область Центральной Азии.

На территории Центральной Азии выделяются следующие основные неолитические культуры: джейтунская, кельтеминарская и гиссарская, отдельно упоминались центральноферганские комплексы (*Коробкова*, 1996). Относительно производящей экономики достаточно большое количество данных было накоплено по джейтунской культуре (*Массон*, 1971). Для кельтеминарской культуры отмечается несколько косвенных фактов, которые могут указывать на производящий тип экономики (*Виноградов*, 1981). Для гиссарской культуры из-за найденных костей МРС предполагалось использование скотоводства (*Ранов, Коробкова*, 1971). Однако подобные реконструкции не были проведены для центральноферганских комплексов. Необходимо отметить, что в целом для раннеголоценовых комплексов данного региона ранее не проводилось специализированных зооархеологических (за исключением материалов джейтунской культуры) и биоархеологических исследований.

В последнее десятилетие активно проводится изучение раннеголоценовых объектов на территории Центральной Азии. Наиболее хорошо изученным объектом сейчас является памятник Обишир-5. Ранее памятник изучался в 1960–70 гг. под руководством У. И. Исламова (*Исламов*, 1980), в 2015 г. исследования возобновились.

Материалы памятника сейчас датируются в пределах 13–7 тыс. л. н. Полученные палеофаунистические материалы были подвергнуты целому ряду биоархеологических анализов: зооархеологический, ZooMS и cementum analysis. В результате было установлено, что большая часть костей относится к таксонам *Ovis* и *Capra*, единичные кости принадлежат *Canis*, *Cervidae*, *Lagomorph* и *Rodentia*. Большая часть проанализированных образцов указывает на то, что животные были убиты в возрасте от одного до двух лет поздней осенью — ранней зимой.

Таким образом, мы можем поставить вопрос о существовании скотоводства в Ферганской долине в период 8,5–7 тыс. л. н.

Литература

- Виноградов*, 1981 — *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднего междуречья. М.: Наука, 1981. 176 с. (Тр. ХАЭЭ. Т. XIII).
- Исламов*, 1980 — *Исламов У. И.* Обиширская культура. Ташкент: ФАН, 1980. 178 с.
- Коробкова*, 1996 — *Коробкова Г. Ф.* Средняя Азии и Казахстан // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 149–174. (Археология СССР/ Археология).
- Массон*, 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). М.: Наука, 1971. 208 с. (МИА. № 180).

- Ранов, Коробкова, 1971 — Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.
- Bar-Yosef, 2004 — Bar-Yosef O. Agricultural origins and dispersal into Europe // Current Anthropology. 2004. No. 45. P. 1–4.
- Zeder, 2011 — Zeder M. A. The origins of agriculture in the Near East // Current Anthropology. 2011. No 52. P. 221–225.

Признаки производящего хозяйства на памятниках Куртеке (Таджикистан) и Сурунгур (Киргизия)¹

С. В. Жилич², С. В. Шнайдер³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.32-33>

История появления производящего хозяйства и распространения культурных знаков является одним из открытых вопросов современной археологии. В частности, на территории Центральной Азии известно несколько памятников из равнинных территорий, а горные районы остаются практически неисследованными. Нами получены новые данные с двух памятников, находящихся в горных районах Таджикистана (Куртеке) и Киргизии (Сурунгур).

Многослойный памятник Куртеке находится на Восточном Памире, в 40 км юго-восточнее поселка Мургаб. Многослойная стоянка Сурунгур находится в окрестностях с. Эшме, в 10 км от г. Айдаркен в Ферганской долине. На памятниках проведены комплексные исследования, включающие палинологический анализ и радиоуглеродное датирование (Жилич и др., 2019; Шнайдер и др., 2021 (в печати)).

При проведении палинологического анализа наибольшее внимание уделялось палинологическим свидетельствам присутствия domesticiрованных культур и индикаторным непыльцевым палиноморфам (НПП). Образцы грунта, отобранные с памятников, обрабатывались в лаборатории по стандартным методикам. Готовые препараты изучались под микроскопом с увеличением

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства в горной части Центральной Азии».

² 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет; 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, н.с., к.г.-м.н. Адрес электронной почты: snezhy@yandex.ru.

³ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: sveta.shnayder@gmail.com.

4 001 000 раз. При проведении палинологического анализа наибольшим потенциалом для обнаружения признаков производящего хозяйства обладает пыльца культурных злаков (Рябогина, 2006; Сергушева и др., 2016) и споры копрофильных грибов — индикаторов присутствия травоядных животных. Пыльца культурных злаков отличается большим размером и большим диаметром проростковой поры, а также наличием пятнистого рисунка на пыльцевых зернах проса обыкновенного и проса итальянского. Для определения такой пыльцы выполнялось микрофотографирование и измерением диаметра пыльцевого зерна и поры.

В верхнем образце с памятника Куртеке, датированном около 3,5–2 тыс. л. н., обнаружены зерна культурных злаков, предположительно проса обыкновенного и проса итальянского. Они составляют 12 % от всей пыльцы, подсчитанной в образце.

Для памятника Сурунгур установлено присутствие травоядных животных на территории памятника начиная с 7,5–6 тыс. л. н. В верхнем образце из разреза, датированного около 2,5 тыс. л. н., обнаружена пыльца культурных злаков. Она составила 9 % от всей суммы пыльцы, подсчитанной в образце.

Другими методами также были получены первые свидетельства производящего хозяйства на данных памятниках.

Литература

- Жилич и др., 2019 — Жилич С. В., Шнайдер С. В., Рудая Н. А. К вопросу о выделении пыльцы культурных злаков в археологических памятниках на примере памятника Куртеке (Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 388–395.
- Рябогина, 2006 — Рябогина Н. Е. Очаги культивирования злаков в древности на территории Западной Сибири по палеоботаническим данным // Вестник ВОГиС. 2006. Т. 10, № 3. С. 572–579.
- Сергушева и др., 2016 — Сергушева Е. А., Рябогина Н. Е., Лящевская М. С., Гольева А. А. Аргументация земледелия на археологических памятниках Приамурья и Приморья: результаты применения палеоботанических методик // Вестник ТомГУ. 2016. Т. 402. С. 99–108.
- Шнайдер и др., 2021 — Шнайдер С. В., Алишер кызы С., Жилич С. В., Федорченко А. Ю., Рендю В., Пархомчук Е. В., Оленченко В. В., Цибизов Л. В., Зеленков Н. В., Чаргынов Т. Т., Кривошапкин А. И. Сурунгур — новый памятник финального плейстоцена — раннего голоцена в Ферганской долине // Stratum plus. 2021. № 2 (в печати).

ПЕРВЫЕ СКОТОВОДЫ В СТЕПЯХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

К проблеме раннего скотоводства в Забайкалье

Н. В. Цыденова¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.34-36>

Появление первых скотоводов в Забайкалье исследователи связывали с периодом конца неолита и начала бронзового века (*Сосновский, 1933; Ивашина, 1979; 1996; Окладников, Кириллов, 1980; Цыбиктаров, 2006; Данилов, 2013*). Основанием для этого выступали находки костей domesticiрованных видов животных на поселениях неолита — раннего бронзового века Кулькисон, Харга I, Нижне-Березовское и др. С учетом этих материалов было обосновано начало самостоятельного перехода к производящему хозяйству на данной территории (*Цыбиктаров, 2006*). Однако ревизия материалов этих поселений, анализ литературы и новые абсолютные даты обнаруживают наличие некоторых проблем.

Нижне-Березовское поселение изучалось в 1928–1929 гг. Г. П. Сосновским. На памятнике наряду с каменными изделиями и неолитической керамикой были обнаружены кости домашних животных, на основании чего делался вывод о ранней неолитической доместики (*Сосновский, 1933*). Позднее возобновленные Бурят-Монгольской археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова в 40-е гг. XX в. раскопки Нижне-Березовского поселения уточнили стратиграфию культурных слоев и определили двухслойность памятника. Нижний слой был отнесен к неолиту, а верхний — к развитому бронзовому веку. Кости домашних животных оказались привязаны к верхнему слою, и вопрос о свидетельствах доместики в неолите на данном памятнике потерял актуальность (*Окладников, 1952; Ивашина, 1979*).

Поселение Кулькисон, расположенное на юго-востоке Бурятии, было открыто в 1977 г., раскапывалось в 1978 г. Л. Г. Ивашиной. Комплекс описан как однослойный,

¹ 670047, Россия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, н.с. Адрес электронной почты: tsydenova@mail.ru.

и его возраст определен в границах конца III — первой половины II тыс. до н. э. Раскопки дали большую коллекцию каменных и керамических материалов, а также остеологических остатков. Палеонтологические определения выявили наличие в коллекции костей домашних животных: коровы и лошади (*Ивашина, 1983*).

При изучении коллекции поселения Кулькисон нами замечено, что в части раскопа 1978 г. выделены два слоя распределения материалов. В слое № 1 зафиксирована керамика с налепными расщепленными валиками, характерная для культуры плиточных могил, а в слое № 2 отмечается ее полное отсутствие. Кроме того, Д. А. Бутковская отметила в материалах фрагмент трипода (*Бутковская, 2000*). Данный вид керамики за Байкалом принято датировать временем развитого бронзового века (*Окладников, 1959*). Все это ставит под сомнение однородность комплекса и принадлежность костей домашних животных к раннему периоду.

Поселение Харга I расположено на северо-востоке Бурятии, открыто и раскапывалось в 70-е гг. XX в. Л. Г. Ивашиной (*Ивашина, 1979; 1983*). Ею выделен один комплекс, датированный ранним бронзовым веком по фрагменту бронзовой трубочки-пронизки. Однако полученные недавно абсолютные даты указывают на возраст около 6 тыс. л. н. Таким образом, возникает проблема хронологического определения памятника, а значит, и костей домашних животных (лошадь, корова).

Единственная бесспорная находка костных остатков раннего domesticiрованного животного относится к глазковской группе могильника Фофаново, где в погребении № 20 вместе со скелетом молодого мужчины был зафиксирован скелет овцы в анатомическом порядке (*Герасимов, Черных, 1975*). Однако этот факт остается единственным для глазковских памятников и, следовательно, свидетельствует скорее о факте обмена, а не о зачатках скотоводства.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о domestикации животных на территории Забайкалья не решен и существует необходимость поиска и изучения комплексов с костными останками домашних животных. Это делает актуальной проблему происхождения одомашненных животных для данной территории, являющейся одной из крупнейших областей, включенных в кочевую ойкумену на протяжении тысячелетий.

Литература

- Бутковская, 2000* — Бутковская Д. А. Анализ керамических материалов поселения у озера Кулькисон // Материалы 40-й РАЭСК «Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии». Новосибирск: НГУ, 2000. Т. I. С. 115–116.
- Герасимов, Черных, 1975* — Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.

- Данилов, 2013 — Данилов С.В. О ранних этапах появления и становления кочевого скотоводства в Центральной Азии // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. № 1 (9). С. 7–17.
- Ивашина, 1979 — Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.
- Ивашина, 1983 — Ивашина Л. Г. Поселения эпохи позднего неолита — раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1983. С. 52–57.
- Ивашина, 1996 — Ивашина Л. Г. Предпосылки к зарождению производящих отраслей хозяйства в эпоху позднего неолита — ранней бронзы (на материале археологических памятников Бурятии) // Тез. докл. междунар. науч. конф. «100 лет гуннской археологии» / Отв. ред. С. В. Данилов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 23–25.
- Окладников, 1952 — Окладников А. П. Работы Бурят-Монгольской экспедиции в 1947–50 гг. // КСИИМК. 1952. Вып. 45. С. 40–47.
- Окладников, 1959 — Окладников А. П. Триподы за Байкалом // СА. 1959. № 3. С. 114–132.
- Окладников, Кириллов, 1980 — Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Сосновский, 1933 — Сосновский Г. П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье // ИГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 210–222.
- Цыбиктаров, 2006 — Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (кон. III — перв. пол. II тыс. до н. э.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. 236 с.

Афанасьевская культура: об этапах ее изучения¹

Н. Ф. Степанова²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.36-39>

Афанасьевская культура занимает особое место в древней истории: интерес к ней высок среди отечественных и зарубежных исследователей. В изучении культуры наблюдается несколько этапов, которые имеют хронологические различия в зависимости от региона, где расположены памятники. Открытие первых памятников связывают с раскопками В. В. Радлова 1865 г. в Горном Алтае (Грязнов, Вадецкая, 1968). Выделил культуру по материалам раскопок на Енисее С. А. Теплоухов (Теплоухов, 1927).

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания: тема № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

² 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Алтайский государственный университет. Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: nstepanova10@mail.ru.

Начало одного из этапов в изучении афанасьевских памятников связано с серединой 1970-х гг., когда различными научными учреждениями одновременно начались исследования древностей Горного Алтая. Афанасьевские памятники Горного Алтая были единодушно признаны локальным вариантом афанасьевской культуры и, на основании радиоуглеродных дат, — более древними по сравнению с енисейскими. В этот период происходило накопление материалов других археологических культур, были выделены окуневская, елунинская, каракольская и подобные культуры, датировка которых частично или полностью совпадала с афанасьевской. Несмотря на это, хронологические рамки афанасьевской культуры были обозначены в пределах конца IV — начала II тыс. до н. э. Была высказана гипотеза о сосуществовании нескольких культур на протяжении 1000–1500 лет или даже более, не оказывающих заметного влияния друг на друга (Абдулганеев и др., 1982). Основывалось это утверждение на радиоуглеродных датах. В целом характеристика этой культуры, ранее данная С. В. Киселёвым, М. П. Грязновым и Э. Б. Вадецкой по материалам афанасьевских памятников Среднего Енисея, оставалась неизменной (Киселев, 1951; Грязнов, Вадецкая, 1968).

Новый этап в изучении афанасьевской культуры связан с началом 2000-х гг. С этого времени целенаправленно вводятся в научный оборот неопубликованные материалы, меняется подход и проводится одновременное сравнительное изучение памятников Горного Алтая и Енисея (Афанасьевский сборник, 2010; Афанасьевский сборник, 2012; Вадецкая и др., 2014). Получены новые радиоуглеродные даты, результаты палеогенетических исследований, проанализирован погребальный обряд и керамика, изучены более полно антропологические материалы. Новые данные подтвердили ряд ранее высказанных гипотез, например о том, что афанасьевское население — пришлое в Сибири. Результаты анализа погребального обряда продемонстрировали, что даже на одной территории выделяются обрядовые группы. Выявлены объекты, не относящиеся к афанасьевской культуре и отражающие процесс взаимодействия населения с разными традициями (Степанова, 2012). На основании результатов изучения керамики и полученных новых радиоуглеродных дат был поставлен вопрос о значительно более коротком сроке существования афанасьевской культуры (Поляков и др., 2019). Собраны сведения о находках афанасьевского типа на других территориях (Синьцзян, Зеравшан). Проведены раскопки в Монголии и Восточном Казахстане (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010; Мерц и др., 2020). В результате территория, где найдены и исследованы памятники афанасьевского типа, или, по мнению некоторых исследователей, относящиеся к данной культуре (Мерц и др., 2020), оказалась во много раз больше, чем считалось ранее.

Основываясь на результатах исследований последних лет, можно утверждать, что памятники из разных регионов, удаленные на сотни километров друг от друга, имеющие значительные отличия в погребальном обряде и инвентаре,

относятся не к одной археологической культуре, а к одной культурно-исторической общности. Ранее, когда основное количество памятников было найдено в пределах Горного Алтая и на Среднем Енисее, можно было говорить о двух локальных вариантах одной культуры, но в настоящее время ясно, что локальных вариантов больше и что между ними существуют значительные различия и они расположены на большом расстоянии. В целом, по-видимому, прослеживается ситуация, аналогичная древнеямной культурно-исторической общности, памятники которой также занимают огромную территорию и имеют наряду с общими признаками ряд существенных различий. С древнеямной культурно-исторической общностью из Нижнего Поволжья часто связывают появление афанасьевцев в Сибири. Однако находки памятников на территориях, удаленных от Горного Алтая и Среднего Енисея, позволяют считать, что происхождение афанасьевской культуры не так однозначно, как считается. Происхождение афанасьевского населения непосредственно от древнеямного Нижнего Поволжья маловероятно, так как слишком велики различия в погребальном обряде и инвентаре.

Литература

- Абдулганеев и др.*, 1982 — *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // *Археология и этнография Алтая* / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1982. С. 52–77.
- Афанасьевский сборник, 2010 — *Афанасьевский сборник* / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. 293 с.
- Афанасьевский сборник, 2012 — *Афанасьевский сборник* / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. 226 с.
- Вадецкая и др.*, 2014 — *Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Грязнов, Вадецкая*, 1968 — *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура // *История Сибири*. Л.: Наука, 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 159–165.
- Киселев*, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 653 с.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2010 — *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // *Афанасьевский сборник* / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 91–108.
- Мерц и др.*, 2019 — *Мерц И. В., Мерц В. К., Шакинов С. А.* Могильник Сапа — первый памятник афанасьевской культуры в Тарбагатае (первые результаты исследований) // *Материалы Междунар. науч.-методич. конф. «XII Оразбаевские чтения» по теме: «Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: проблемы изучения, интерпретации и сохранения»*. Алматы: Қазақ-университеті, 2020. С. 47–52.
- Поляков и др.*, 2019 — *Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф.* Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // *Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути куль-*

турного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Степанова, 2012 — Степанова Н. Ф. К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Кн. 2. С. 203–208.

Теплоухов, 1927 — Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 57–112.

Афанасьевские памятники Восточного Казахстана

И. В. Мерц¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.39-42>

Афанасьевская культура представлена в Восточном Казахстане двумя горными выработками (Каршига, хребет Бесбугу и, возможно, Каргоин, Калбинский хребет) и могильниками: Черновая II — в долине Бухтармы, Айнабулак-Темирсу 1 — на Сауре, Сапа — в Тарбагатае; а также случайными находками каменных сверленных топоров (Семипалатинские Дюны, Уланка, Курчум) и керамикой с развешенной стоянкой в юго-западной Кулунде — Есенбай (Мерц, 2014а; 2014б; Оразбаев, Омаров, 1998; Толеубаев и др., 2017; Мерц и др., 2020). Данные памятники и отдельные находки существенно расширяют на запад и юг ареал распространения афанасьевской общности (рис.).

Афанасьевские некрополи Восточного Казахстана устраивались на берегах ручьев или рек. На данном этапе можно выделить три типа погребальных сооружений:

1. Курганы диаметром 5,6×5,8–6,5×6,5 м и высотой 0,5–0,6 м с плоской насыпью, по периметру которой лежали крупные камни. В центре находились овальные могилы размерами 2×1,8–2,2×1,3 м и глубиной до 1,77 м. В заполнении встречаются кости МРС и зола. На дне находился посыпанный охрой скелет человека, ориентированный на северо-восток в положении на спине с подогнутыми влево ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Возле костей правой руки лежали плоскодонный сосуд и курительница (Черновая II) (Оразбаев, Омаров, 1998. С. 28, 33). Данные объекты относятся к куротинскому типу погребений (Мерц, 2014. С. 369).

2. Плоский курган диаметром 15 м, выложенный в один слой камней. В его центре расположена округлая могила глубиной 1,5 м, возле которой мог находиться развал сосуда. На дне могилы находились ориентированные на запад

¹ 140008, Республика Казахстан, Павлодар, ул. Ломова, д. 64. Торайгыров университет. Центр археологических исследований им. А. Х. Маргулана, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: barnaulkz@mail.ru.

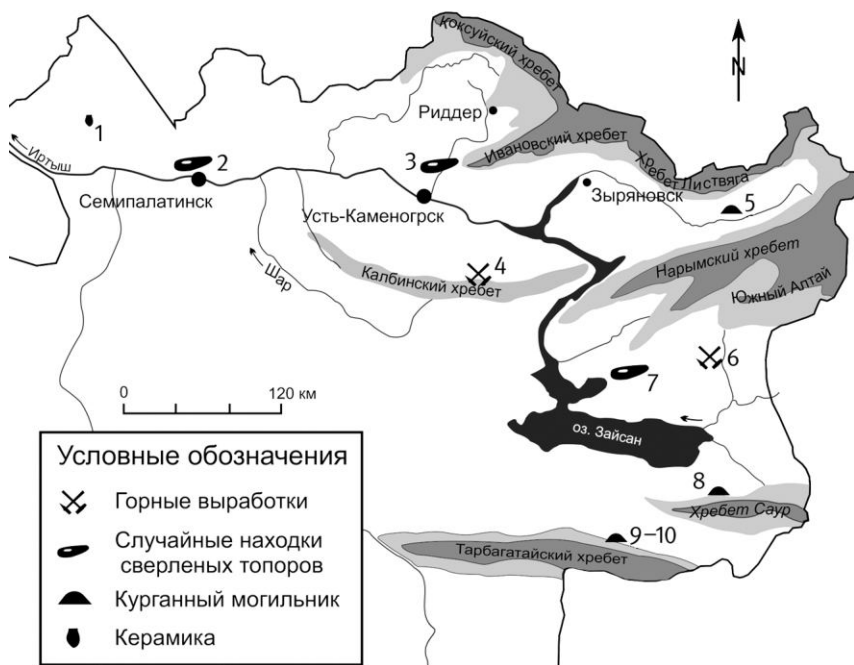

Рис. Памятники и случайные находки финно-угорской культуры Восточного Казахстана. 1 — Есенбей; 2 — Семипалатинские Дюны; 3 — Улунк; 4 — Кургон; 5 — Черновья II; 6 — Кршиг; 7 — Курчум; 8 — Темирсу; 9 — Сп; 10 — Жн ул 4

и развернутые друг к другу два скелета человека, посыпанные охрой, в положении на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми ногами. У черепа первого скелета лежали два черешковых кинжала, скопление охры, два кольца в 1,5 оборота и кусочек графита. У второго скелета, в районе шейных позвонков, были найдены два спиралевидных кольца, ожерелье из перламутра, а в ногах курильница (Айнабулак-Темирсу 1, курган 11) (Толеубаев и др., 2017. С. 613, 617).

3. Ограды диаметром 10–15 м, высотой 0,2–0,5 м из вертикально поставленных плит, заполненные крупными, хорошо подогнанными друг к другу камнями в 3 слоя. В насыпи могли находиться кости МРС и обломки посуды. Под насыпью зафиксированы прокалы, сажистые пятна. В центре устраивалась могила округлой формы размерами 1,7×1,45–1,69×1,4 м и глубиной 1,4–1,25 м. Для перекрытия использовались большие плиты, встроенные в конструкцию насыпи. Видимо, сооружение надмогильной конструкции происходило от центра, слой за слоем. В заполнении могилы встречается древесный уголь. На дне находились скелеты людей, ориентированные на запад, в положении на спине, с согнутыми влево

ногами и вытянутыми вдоль туловища руками, посыпанные охрой. Погребенных могли сопровождать новорожденные дети, скопления охры, металлические предметы (кольца, шилья, пуговицы, сопло), 1–3 сосуда, окрашенные астрагалы МРС. Зафиксированы ритуальные проникновения с целью совершения манипуляций с черепом, а также захоронения отдельных черепов. С южной стороны оград могли устраиваться округлые пристройки с детскими погребениями (Сапа) (*Мерц и др.*, 2020. С. 50). Близкую конструкцию к данному типу сооружений имеют курган № 22 Айнабулака-Темирсу 1 (ограда диаметром 8 м) и объекты Жанаула 4 (*Толлеубаев и др.*, 2017. С. 619; *Мерц и др.*, 2017. С. 56).

Афанасьевские погребальные памятники Восточного Казахстана отличаются синкретизмом, разнообразием инвентаря и сложным погребальным обрядом, включающим ритуальные манипуляции с черепами. Погребальные конструкции и посуда, с одной стороны, проявляют сходство с комплексами Синьцзяна и Западной Монголии, с другой — с Горным Алтаем. Металлокомплекс представлен как типичными, так и уникальными изделиями (сопла, пуговицы). На основании AMS-дат в настоящее время период существования оград типа Сапа определяется в пределах XXX–XXIX вв. до н. э., несколько позже существовали куротинские памятники региона.

Важнейшей задачей, которая стоит перед исследователями, является поиск и изучение новых афанасьевских памятников в регионе и далее на юго-запад — вдоль горных систем Тарбагатай и Тянь-Шаня.

Литература

- Мерц*, 2014а — *Мерц И. В.* Памятники афанасьевского типа Восточного Казахстана // Э. Б. Вадецкая, А. В. Поляков, Н. Ф. Степанова. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. С. 369–372.
- Мерц*, 2014б — *Мерц И. В.* Объекты горного дела афанасьевской культуры Восточного Казахстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 52–60.
- Мерц и др.*, 2017 — *Мерц И. В., Мерц В. К., Ковалёв А. А.* Новые памятники эпохи бронзы Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области (результаты археологической разведки 2016 г.) // IX Оразбаевские чтения: Материалы междунар. науч.-метод. конф. по теме «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран», приуроченной к 95-летию А. М. Оразбаева / Отв. ред. Г. К. Омаров. Ч. I. Алматы: Қазақ-университеті, 2017. С. 55–58.
- Мерц и др.*, 2020 — *Мерц И. В., Мерц В. К., Шакенов С. А.* Могильник Сапа — первый памятник афанасьевской культуры в Тарбагатае (первые результаты исследований) // XII Оразбаевские чтения: Материалы междунар. науч.-метод. конф. по теме «Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: проблемы изучения, интерпретации и сохранения» / Отв. ред. Р. С. Жуматаев. Алматы: Қазақ-университеті, 2020. С. 47–52.
- Оразбаев, Омаров*, 1998 — *Оразбаев А. М., Омаров Г. К.* Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения

исторического наследия / Отв. ред. А. Т. Толеубаев. Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 1998. С. 9–70.

Толеубаев и др., 2017 — Толеубаев А. Т., Жуматаев Р. С., Шакенов С. А. Новые оригинальные памятники энеолитической эпохи в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 611–625.

К вопросу о кенотафах афанасьевской культуры Алтая (по материалам комплекса Нижняя Соору)¹

Н. Н. Серёгин², С. А. Васютин³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.42-43>

В ходе раскопок археологических памятников афанасьевской культуры на Алтае выявлена серия объектов без захоронений. Возможности интерпретации таких комплексов представлены в ряде публикаций (Цыб, Владимиров, 1982; Шульга, 2006. С. 71; Тюрина, 2007; Вадецкая и др., 2014. С. 321; и др.). Возвращение к этому вопросу вызвано анализом материалов раскопок двух объектов некрополя Нижняя Соору.

Погребально-поминальный комплекс Нижняя Соору расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Каракол, в 3 км к югу — юго-востоку от с. Кулада Онгудайского р-на Республики Алтай. Памятник состоит из более 170 курганов различных размеров, около 20 подквадратных оградок, а также нескольких кольцевых оград и одиночных стел. Часть сооружений некрополя раскопана участниками Алтайского отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина (Васютин, 1983. С. 192) в 1981 г. Здесь рассмотрены результаты исследований объектов № 50–51, расположенных в юго-восточной части комплекса Нижняя Соору. Приведем их краткое описание.

Ограда № 50, сооруженная из одного ряда вертикально поставленных плит различных размеров, имеет диаметр 3,26 м. В центре конструкции выявлена крупная каменная плита (0,84×1,3 м), один край которой был сильно углублен, а рядом фиксировался развал камней меньших размеров. Под центральной плитой была расчищена яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФ (проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»).

² 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 44. Алтайский государственный университет, д.и.н. Адрес электронной почты: nikolay-seregin@mail.ru.

³ 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет, д.и.н. Адрес электронной почты: vasutin2012@list.ru.

север–юг, размерами 1,56×1,04 м и глубиной 0,82 м. В ходе раскопок каких-либо находок или дополнительных конструкций не обнаружено.

Ограда № 51, расположенная к северу от предыдущего объекта, была исследована отдельным раскопом для уточнения характера подобных сооружений. Диаметр кольца из вертикально поставленных плит составлял 7,8 м. После расчистки дернового слоя в центральной части конструкции зафиксировано скопление плит, фрагментов обломочных пород и булыжников. В центре, как и на объекте № 50, расчищена довольно крупная плита (0,84×0,48 м). Под каменной конструкцией находилась яма размерами 3×3,72 м и глубиной 0,84 м. Ее северная стенка была укреплена массивной вертикально поставленной плитой, южная и западная стенки выложены горизонтальной кладкой из булыжника и обломочных пород. В южной части ямы была расчищена плита-ступенька размерами 2,12×0,6 м. Каких-либо находок или других сооружений не обнаружено.

Конструктивные особенности сооружений, зафиксированные в ходе раскопок объектов № 50–51, позволяют уверенно связывать их с населением, соотносимым с афанасьевской археологической культурой. Дополнительным фактором, косвенно подтверждающим правильность представленной культурно-хронологической интерпретации, является наличие в урочище Нижняя Соору поселения эпохи энеолита.

Важно, что ограды могильника Нижняя Соору демонстрируют практически полное соблюдение норм погребальной обрядности, характерных для представителей афанасьевской культуры. Не исключено, что в могильных ямах присутствовали и какие-то изделия из органики или элементы тризны, которые не сохранились. В связи с этим имеются веские основания для отнесения раскопанных объектов № 50–51 к своего рода кенотафам. Уточнению или корректировке представленной интерпретации могут способствовать дальнейшие раскопки подобных сооружений на комплексе Нижняя Соору.

Литература

- Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Васютин, 1983 — Васютин А. С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 192.
- Тюрина, 2007 — Тюрина Е. А. Ритуальные сооружения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 85–87.
- Цыб, Владимиров, 1982 — Цыб С. В., Владимиров В. Н. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии / Отв. ред. А. К. Конопацкий, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 55–62.
- Шульга, 2006 — Шульга П. И. Погребения эпохи энеолита–бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая / Отв. ред. Н. Ф. Степанова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 47–72.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В СРЕДЕ ДРЕВНИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Очажные конструкции на поселениях афанасьевской культуры¹

В. М. Лурье²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.44-47>

На поселениях, относящихся к афанасьевской культуре, встречается особый тип очажных конструкций — ямки глубиной около 0,15–0,3 м и диаметром 0,5–1,2 м, обложенные по периметру камнями или плитами песчаника, расположенными немного под углом к центру ямки. Такие конструкции характерны для афанасьевских поселений, что было ранее отмечено (Грязнов, 1999; Вадецкая и др., 2014; и др.), однако они не становились предметом отдельного исследования.

Подобные очаги зафиксированы практически на всей территории распространения афанасьевских памятников: в Горном Алтае — Подсинюшка (рис., 1), Балыктыюль I (рис., 3, 4), Унезя I (рис., 5), Малый Дуган и Кара-Тенеш (Вадецкая и др., 2014. С. 24–25, 27, 31, 36; рис. 36; 46; 53); в Минусинских котловинах — Гляден VIII (Красниченко, 2002. С. 172), Тепсей X (рис., 7–9), Итколь III (Поляков, 2010. С. 156); на Верхнем Енисее — Хадынных I (рис., 2).

Каменная обкладка позволяла накапливать в ямке слой золы и угля, который быстро нагревался. Также в такие очаги было удобно устанавливать остродонные и круглодонные сосуды (рис., 6, 7). Распределение нагара на сосудах в верхней части с внутренней и внешней стороны (рис., 9) свидетельствует о том, что сосуды были до середины, а иногда и выше вкопаны в очаги. На поселении Балыктыюль I

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Южно-Сибирский филиал Института истории материальной культуры РАН, м.н.с.; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., д. 5. Институт истории СПбГУ, кафедра археологии, магистрант. Адрес электронной почты: verqa@list.ru.

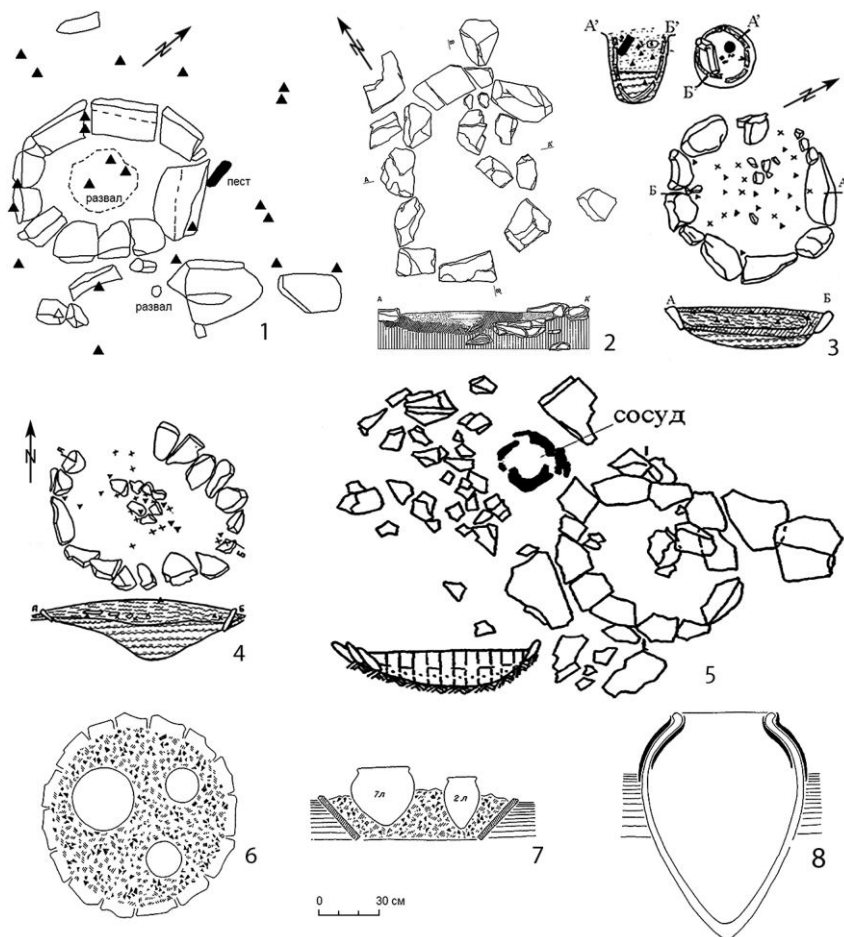

Рис. Оч. г. з. фиксированные стоянки ф. н. с. культуры. 1 — Подсинюшк (по: Грушин, 2009. Рис. 1); 2 — Х. дынных I (по: Семенов, 2018. Рис. 273); 3 — Б. лыктыюль, оч. г. № 2; 4 — Б. лыктыюль, оч. г. № 1 (по: В. децк. я и др., 2014. Рис. 53); 5 — Узнезя I, оч. г. (по: В. децк. я и др., 2014. Рис. 46); 6, 7 — схем. использов. ния ф. н. с. посуды н. оч. ге. н. примере Тепсея X; 8 — р. простр. нение н. г. р. н. посуде (по: Грязнов и др., 1979. Рис. 15)

рядом с одним из очагов была зафиксирована яма (**рис., 3**), в которую был установлен сосуд яйцевидной формы. Внутри сосуда находился обломок обугленного дерева, в нижней части ямы — спекшаяся глина (Абдулганеев и др., 1982. С. 64–67). Возможно, в эту яму ставили сосуд, после того как его снимали с огня.

Рассматриваемые очаги, скорее всего, предназначались для приготовления пищи и, возможно, для обогрева помещения. Свидетельств производственной деятельности, связанной с такими очагами, не обнаружено.

Другие конструкции на поселениях афанасьевской культуры не зафиксированы, поэтому судить о расположении очагов в жилищах пока что не представляется возможным. На всех поселениях было обнаружено по одному очагу, кроме поселения Балыктыюль I, где два очага располагались по линии ЮЗ–СВ на расстоянии около 5 м друг от друга (Там же).

На более поздних памятниках раннего бронзового века очаги с каменной обкладкой известны в Восточном Казахстане (Мерц, 2012. С. 155), однако они имеют квадратную, а не круглую форму. В лесостепном Алтае на памятниках елунинской культуры зафиксированы очаги с глиняной обмазкой, которые также имеют подквадратную форму (Грушин, 2018. С. 56–59). Выбор материала для обкладки может быть связан с природными или культурными особенностями, на памятниках афанасьевской культуры глиняная обмазка очагов не обнаружена.

Круглые очаги с каменной обкладкой встречаются только на афанасьевских поселениях и, вероятно, связаны в первую очередь с яйцевидной и шаровидной формами сосудов. Можно предположить, что такие очажные конструкции характерны именно для афанасьевской культуры, и предварительно отнести к ней подобные очаги, обнаруженные в смешанных слоях на многослойных памятниках.

Литература

- Абдулганеев и др., 1982 — Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1982. С. 52–77.
- Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры / Под ред. В. И. Молодина. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Грушин, 2009 — Грушин С. П. Исследование афанасьевского поселения Подсинюшка в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 18 / Отв. ред. Л. А. Никитина, В. П. Семибратов. Барнаул: Алт. полиграф. комб., 2009. С. 193–198.
- Грушин, 2018 — Грушин С. П. Очажные конструкции периода ранней бронзы Лесостепного Алтая // Человек и Север. Антропология, археология, экология / Отв. ред. А. Н. Багашев. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 56–59.
- Грязнов и др., 1979 — Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Красниенко, 2002 — Красниенко С. В. Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 171–175.

Мерц, 2012 — Мерц И. В. Очажные устройства раннего бронзового века на поселении Шидертинское 2 // Человек и Север. Антропология, археология, экология. / Отв. ред. А. Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 152–155.

Поляков, 2010 — Поляков А. В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник / Отв. ред. А. В. Поляков, Н. Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2010. С. 144–158.

Семенов, 2018 — Семенов Вл. А. Тоора-Даш — многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 340 с.

Особенности функционирования бронзолитейных участков на поселениях кротовской культуры эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи¹

И. А. Дураков²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.47-48>

Кротовская культура является наиболее крупным социально-этническим объединением эпохи ранней — развитой бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. Территория ее распространения охватывает Обь-Иртышское междуречье и Среднее Приишимье.

В настоящее время исследована целая серия кротовских поселений со следами металлургического производства. В Прииртышской лесостепи к таким можно отнести Венгерово-2, Преображенку-3, Абрамово-10, Карьер Тай-2.

Выявленные на этих поселениях производственные участки можно разделить на два типа: внутрижилищные и открытые. Расположение литейных участков внутри жилых или хозяйственных полуземлянок является наиболее типичным для кротовской металлообработки. Они найдены в шести жилищах Венгерово-2 (Молодин и др., 2012), в трех жилищах поселения Преображенка-3 и в одном строении памятника Абрамово-10. Участок, как правило, состоит из очага и хозяйственных ям для утилизации производственного мусора. Для плавки металла на поселениях Венгерово-2, Абрамово-10 и Преображенка-3 использовались заглубленные в землю подпрямоугольные очаги с футеровкой стен и дна фрагментами керамики или глиняной обмазкой (Молодин и др., 2018). Размеры такого очага варьируют в пределах 1,6–1,8×0,8–0,9 м и глубиной до 0,2–0,5 м.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-40051 Древности «На заре металлургии: технология бронзолитейного производства населения Обь-Иртышской лесостепи в III–II тыс. до н.э.».

² 630126, Россия, Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28. Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной и всеобщей истории, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: idurakov@yandex.ru.

Отмечено также использование еще двух типов плавильных горнов. Один из них представлял собой небольшую круглую или овальную яму (0,4–0,5 м в диаметре) с дном и стенами, облицованными обожженной глиной или фрагментами керамики. Два таких горна найдены на поселении Венгерово-2, один — в Преображенке-3 (Молодин, 1977). Третий тип горна встречен только на поселении Преображенка-3. Он наземный и представляет собой невысокую (0,15–0,2 м) круглую стенку, толщиной 0,1–0,15 м, окружающую кострище. В заполнении всех очагов присутствуют жженные кости. Они при сжигании горят медленнее, чем дерево, и при этом обладают большей теплоотдачей. Такое свойство было известно в древности и широко использовалось для усиления температурного режима (Гришин, 1980). Судя по находкам каменных и керамических сопел (Молодин, Гришин, 2016), плавка проводилась при искусственном нагнетании воздуха.

Основная производственная активность фиксируется по рассеиванию производственного мусора: обломков форм, тиглей, жженных костей, угля и пепла, рассыпанных при чистке очага. Он, как правило, концентрируется вокруг очага в центре жилища и между очагом и стенкой котлована, противоположной входу. У этой стенки, видимо, хранилось литейное оборудование. В двух случаях именно в этих местах в поселении Венгерово-2 найдены целые тигли. Разлив металла производился рядом с горном, чаще всего у его западной или северо-западной стенки. Это место фиксируется по находкам медных сплесков.

Общая площадь участков занимает от 22 до 50 кв. м. Можно предположить, что здесь работала небольшая группа из 2–3 человек. Именно такое количество работающих отмечено в древневосточных мастерских, что документируется дошедшими до нашего времени изображениями II тыс. до н. э. (Гришин, 1980). Единая планировка литейных участков, однотипность используемых горнов и концентрация производства в отдельных жилищах указывает на его специализацию и организацию в рамках семейных или небольших клановых групп.

Литература

- Гришин, 1980 — Гришин Ю. С. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 186 с.
- Молодин, 1977 — Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 1977. 171 с.
- Молодин, Гришин, 2016 — Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
- Молодин и др., 2012 — Молодин В. И., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. Вып. 5. 2012. С. 104–119.
- Молодин и др., 2018 — Молодин В. И., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // АЭАЕ. 2018. Т. 46, № 3. С. 44–53.

Скребки из лопаток мелкого рогатого скота периода ранней бронзы из лесостепного Алтая (коллекция поселения Березовая Лука)

И. А. Вальков¹, С. П. Грушин²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.49-52>

В костяной индустрии бронзового века лесостепного Алтая значительное место занимают орудия кожевенного дела. Наиболее представительной является коллекция поселения Березовая Лука (свыше 700 костяных предметов), относимая к елунинской культуре XXII–XVIII вв. до н. э. (Грушин, 2013. С. 7). Не менее 83 % от общего числа изделий из кости можно однозначно связывать с разными этапами обработки шкур. Если некоторые категории орудий можно считать хронологически типичными (проколки, струги, игольники), то другие — явление редкое или вовсе уникальное. Примером последнего является набор скребков из лопаток МРС. В результате работ на памятнике было получено 175 экз., представленных фрагментами и всего четырьмя целыми предметами. Однако если считать по сохранившимся суставным частям лопаток, то орудий было никак не менее 102 экз.

Среди анатомически определимых артефактов 62 % (88 экз.) изготовлено из левых лопаток, остальные 38 % (53 экз.) — из правых. Очевидно, предметы из левых лопаток были удобны для использования в правой руке, а правые — в левой. Работать орудием в иной плоскости не позволит ость (даже срезанная), а кинематика движений «на себя» не будет эффективной. Маркируют рабочую плоскость и следы от контакта с обрабатываемым материалом на медиальной стороне лопатки. Примечательны случаи оформления левых лопаток для использования в левой руке, для чего рабочий край формировался из предостной, а не заостренной части лопатки (рис., 2). Ни одного противоположного случая (оформления правых лопаток для правой руки) выявлено не было. Эти наблюдения наталкивают на мысль о практически равной потребности в орудиях для кожевников-левшей.

Технология производства скребков была проста, включая в себя максимум три операции: 1) вырезку рабочего края на заостренной части лопатки; 2) удаление гребня ости; 3) подрезку суставной части (оформление рукояти). Только одно орудие имеет отверстие в центральной части лопасти. Наиболее логичным объяснением этого является подвешивание орудия к руке в процессе работы.

¹ 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Алтайский государственный университет, преподаватель. Адрес электронной почты: valkow92@mail.ru.

² 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Алтайский государственный университет, д.и.н., проф. Адрес электронной почты: gsp142@mail.ru.

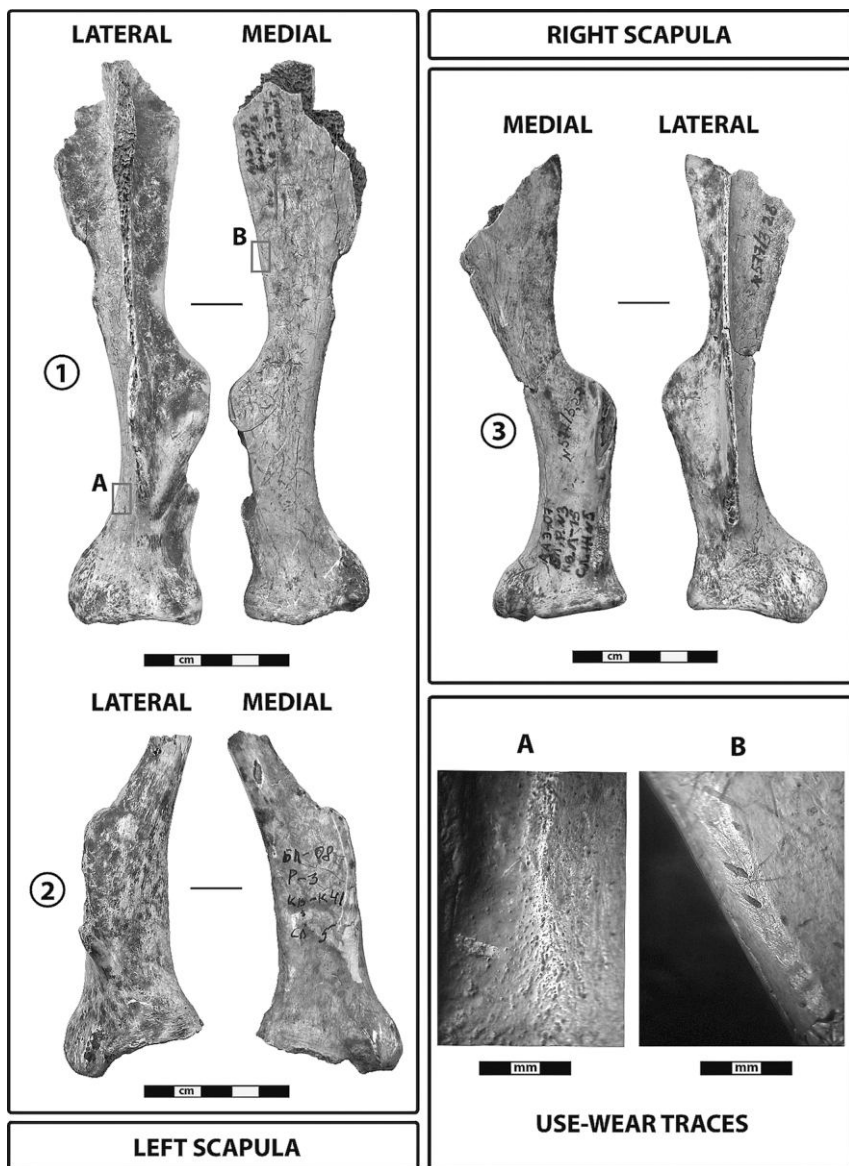

Рис. Скрепки из лопток МРС с поселения Березовая Лука : 1, 2 — из левых лопток; 3 — из правой лоптки; А — з полировка на рукояточной части; В — следы использования в качестве. Автор фотографий И. А. Вильков

М. П. Грязнов (1956. С. 77) предлагал считать подобные изделия трепалами для растительных волокон. Н. Ю. Кунгуровой, которая изучала часть коллекции Березовой Луки, указывались различные интерпретации — шпатели, кочедыки, скребки (Кунгурова, 2005. С. 227–228). Нам же представляется, что во всех случаях речь идет об обломках функционально идентичных изделий — скребков для обработки шкур. Аналогичным образом Г. Ф. Коробкова определяла орудия Джейтуна (Коробкова, 1960. С. 127). Подтверждают такое назначение исследования материалов бронзового века Восточной Европы (Norhe, 2001. Р. 181–182. Fig. 6; Choyke, 2005, Р. 136. Fig. 6). О выполнении функции скребков по коже свидетельствует характерная заполировка рабочей кромки и перпендикулярные ей линейные следы (**рис., В**). Впрочем, проведенные нами эксперименты показали низкую эффективность таких орудий для мездрения шкур крупных животных. Не исключено, что они могли использоваться для выделки шкур небольших диких зверей.

Примечательно, что такой многочисленный комплекс орудий не имеет аналогий на территории Западной Сибири. Сопоставимая по количеству орудий коллекция (около 70 экз.) происходит лишь с неолитического поселения Джейтун в Средней Азии (Массон, 1971. С. 34). Наиболее близким хронологически является упоминание В. И. Молодиным о подобном орудии среди кротовских древностей (Молодин, 1985. С. 46), а также две находки с памятников периода поздней бронзы Жарково-3 и Рублево-VI.

Таким образом, столь многочисленный набор скребков из лопаток МРС — уникальное для сибирских памятников эпохи бронзы явление. Учитывая немалое количество обнаруженных на поселении Березовая Лука стругов из ребер, тупиков, проколов и игл, нам представляется возможным говорить о высоком уровне функциональной специализации костяных орудий кожевенного дела.

Литература

- Грушин, 2013 — Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III — первой четверти II тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Барнаул, 2013. 54 с.
- Грязнов, 1956 — Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (МИА. № 48).
- Коробкова, 1960 — Коробкова Г. Ф. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // Тр. Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Вып. 10 / Отв. ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1960. С. 110–133.
- Кунгурова, 2005 — Кунгурова Н. Ю. Определение функций костяных орудий // Ю. Ф. Кирюшин, А. М. Малолетко, А. А. Тишкин. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Т. I. С. 227–231.
- Массон, 1971 — Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). М.: Наука, 1971. 207 с.

Молодин, 1985 — Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 199 с.

Choyke, 2005 — Choyke A. M. Bronze Age Bone and Antler Working at the Jászdózsza-Kápolnahalom Tell // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth: Manufacture and Use of Bone Artifacts from Prehistoric Times to the Present: Proceedings of the 4th meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group. Muíasaja Teadus 15: Tallinn, 2005. P. 129–156.

Northe, 2001 — Northe A. Notched implements made of scapulae — still a problem // Crafting Bone: Skeletal Technologies through Time and Space. Oxford: Archaeopress, 2001. P. 179–184. (BAR, IS 937).

Стоянки Тоджинская и Усть-Собакинская (Тува — Красноярский край)¹

Вл. А. Семёнов²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.52-54>

Тоджинская стоянка, приуроченная к протоке Тонмак, которая соединяет озеро Тоджа и Хочжир-Холь, была открыта С. И. Вайнштейном в 1955 г. Впоследствии она была переименована в стоянку Азас 1, поскольку чуть ниже по течению Тонмака М. А. Дэвлет открыла стоянку, получившую название Азас 2, которая, по сути дела, являлась продолжением стоянки Азас 1. Переименование стоянки произошло в связи с уточнением гидронима озера Тоджа, т. е. переименованием его в озеро Азас (рис., 2).

В 1989–1991 гг. я провел на Азасе археологические исследования в целях уточнения стратиграфии памятника и его культурной принадлежности. Культурный слой на стоянках Азас 1 и 2 достигает 0,8 м. Он однороден, но полученные в процессе раскопок материалы представлены небольшой серией палеолитических орудий, декорированной керамикой эпохи бронзы, сопровождаемой микролитическими орудиями, а также более поздней гладкостенной керамикой. Помимо этого поселенческого материала в слое были выявлены погребения в разновременных каменных сооружениях, т. е. небольших по размеру курганчиков (Семёнов, 2018. С. 290–302).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2009-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: ranbov@yandex.ru.

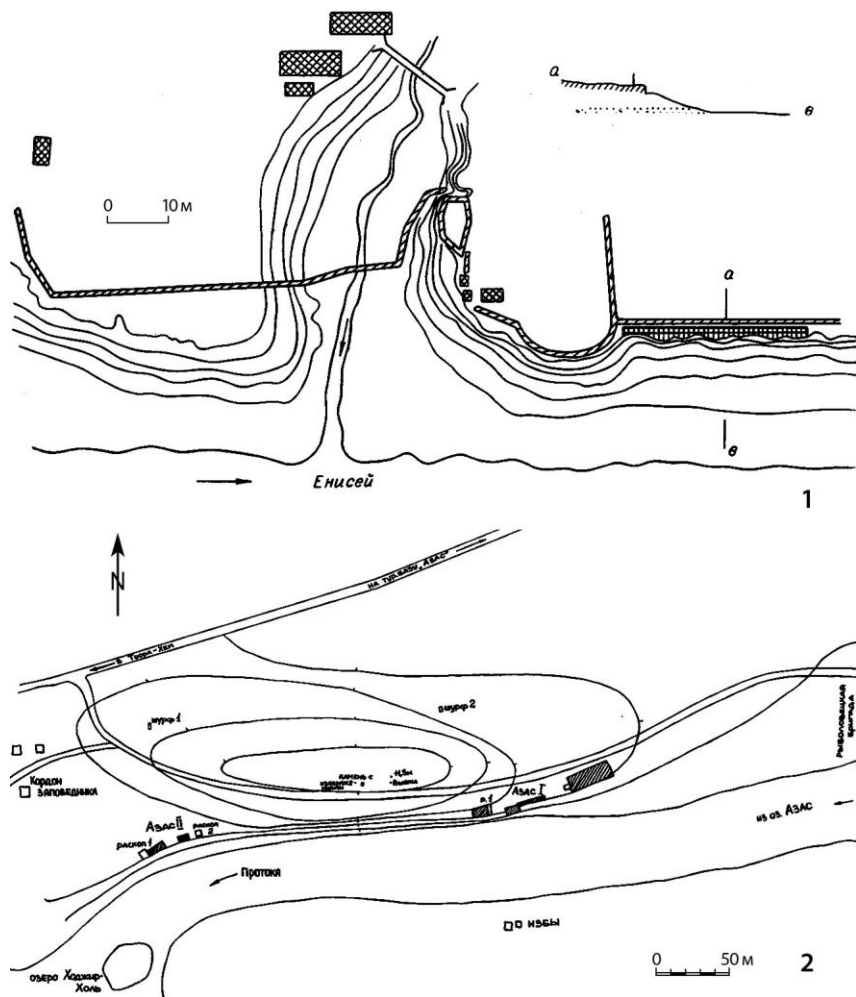

Рис. Пл ны стоянок: 1 — Усть-Собакинск я (по: М ксименков, 1966); 2 — Аз с 1 и 2

С. И. Вайнштейн в одной из своих статей, опубликованной в 1956 г, сделал заключение, что «ближайшие аналогии инвентарю Тоджинской стоянки мы находим в нижнем слое Усть-Собакинской стоянки, исследованной В. Г. Карцевым, что позволяет датировать стоянку поздненеолитическим временем» (Вайнштейн, 1956. С. 33–40). В 1960 г. Г. А. Максименков посетил Усть-Собакинскую стоянку и произвел на ней свое личное исследование (рис., 1). Усть-Собакинская стоянка

находилась на краю первой надпойменной террасы р. Енисей в 25 км вверх по течению реки. Теперь она — на дне Красноярского водохранилища. На стоянке трижды производились раскопки. В 1920 или 1921 г. работал Г. П. Сосновский, в 1929 г. — В. Г. Карцов, в 1960 г. — Г. А. Максименков. Последним было установлено, что четкой стратиграфии на Усть-Собакинской стоянке не было. В. Г. Карцов разделил культурный слой на четыре горизонта по 20 см толщиной. Материал, полученный из этих слоев, был смешанный. Больше всего находок происходит из нижнего 4-го горизонта, включая русскую керамику XVIII–XIX вв., но С. В. Киселев отнес этот нижний слой к позднеазильскому периоду (*Киселев, 1949. С. 11–13*).

Также, как и стоянки на озере Азас, материалы Усть-Собакинской стоянки показывают, что их надо рассматривать как памятники нескольких эпох. Изучать материалы этих стоянок можно только выделяя отдельные комплексы, опираясь главным образом на керамику, тогда как каменный инвентарь более статичен — т. е. представлен типологически сходными сериями изделий на обширных территориях Южной Сибири и Тувы. В результате своего исследования Г. А. Максименков сделал заключение, что стоянка в устье р. Собакиной интересна и ценна тем, что содержит материалы различных исторических эпох, но она не позволяет проследить четкой смены культур в лесостепи (*Максименков, 1966*). Большое значение для анализа материалов этих памятников имеет материал стратифицированных стоянок Тувы и Красноярского края, и в первую очередь стоянки Тоора-Даш.

Литература

- Вайнштейн, 1956* — *Вайнштейн С. И.* Археологические исследования в Туве в 1955 г. // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1956. Вып. 4. С. 33–40.
- Максименков, 1966* — *Максименков Г. А.* Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения истории района Красноярска // Сибирский археологический сборник / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: б. и., 1966. С. 77–83. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 2).
- Киселев, 1949* — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. № 9).
- Семенов, 2018* — *Семенов Вл. А.* Тоора-Даш. Многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2018. 340 с.

ОКУНЕВСКИЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ: МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, ИСКУССТВО

Памятники окуневской культуры в археологическом наследии Оглахтинского хребта

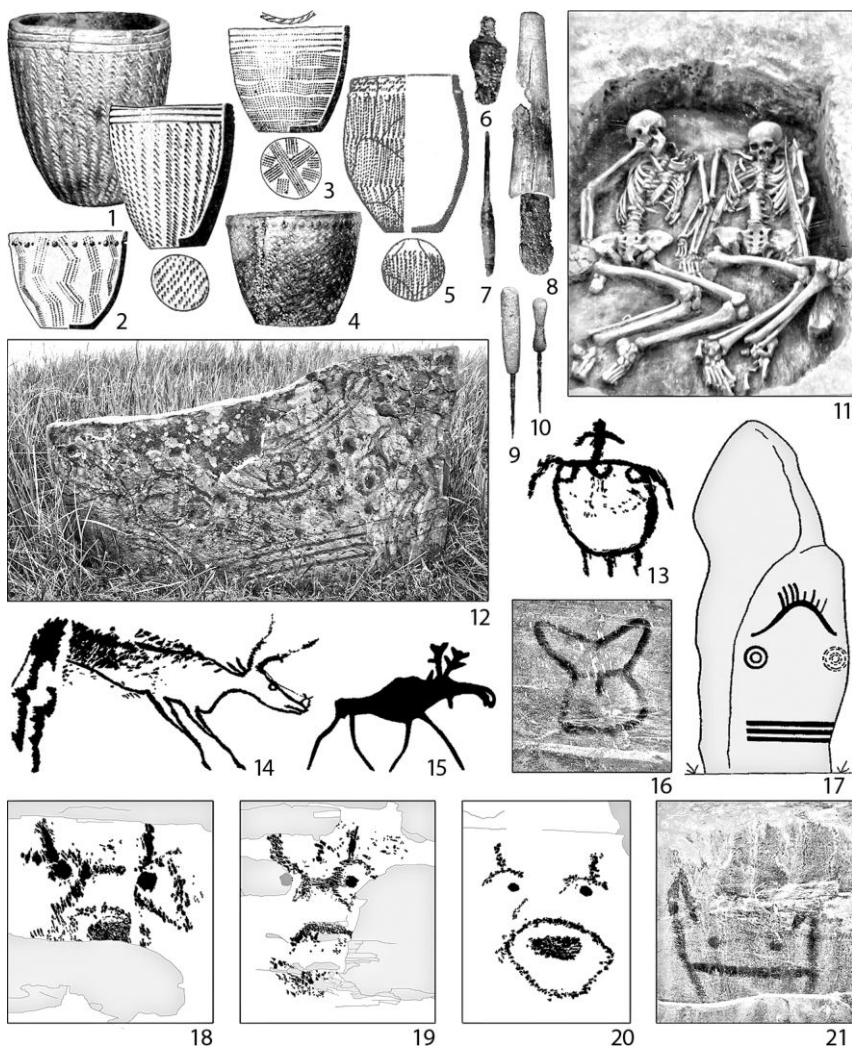
Е. А. Миклашевич¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.55-58>

Окуневская культура занимала важнейшее место в научной деятельности Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова. Один из исследованных Эльгой Борисовной памятников: могильник Красный Яр (**рис., 1–11**) в южных предгорьях Оглахты в Хакасии — содержал редкие артефакты окуневской культуры, а для ее относительной хронологии важным было то обстоятельство, что окуневские погребения здесь были найдены не только самостоятельными группами (мог. Красный Яр II), но и впускными в ограды и могилы афанасьевской культуры (мог. Красный Яр I) (Вадецкая, 1972; 1981). Раскопки афанасьевского могильника были начаты в 1930 г. В. Н. Левашевой, и уже тогда было обнаружено, что один из курганов нарушен впускным погребением, которое автором раскопок было отнесено к «раннеандроновским» (Левашева, 1962. С. 71), а Г. А. Максименковым — к «окуневскому этапу» (Максименков, 1965. С. 206). Самостоятельная окуневская культура им была выделена позднее. Всего в могильнике Красный Яр раскопано 9 окуневских могил, и это до сих пор единственные известные погребальные памятники этой культуры среди огромного количества курганов, встречающихся в межгорных долинах и степных предгорьях Оглахтинских гор.

Оглахты — один из крупнейших комплексов наскального искусства Минусинской котловины (к настоящему времени здесь выявлено уже 15 памятников), однако среди тысяч разновременных изображений лишь единичные можно отнести к окуневской культуре. Одно изображение характерной маски-личины (**рис., 13**) было зафиксировано экспедицией Я. А. Шера в 1960-х гг. на береговых скалах перед их затоплением (Sher *et al.*, 1994. 61.6). Не менее типичный образ «тощего» быка (вола) с петлей в носу (**рис., 14**) зафиксирован Б. Н. Пяткиным

¹ 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Центр палеоискусства, Институт археологии РАН; 650000, Россия, Кемерово, ул. Томская, д. 5а. Музей-заповедник «Томская Писаница», н.с. Адрес электронной почты: elena-miklashevich@yandex.ru.

и нами в 1990 г. на скалах горы «Сорок Зубьев». С меньшей уверенностью к окуневским можно отнести изображение бегущего лося на этом же памятнике (рис., 15), нарисованные охрой знаки (рис., 16) в Бугаевом логу (памятник Оглахты Берг) и две маски-личины на плите из урочища Кизань (Есин, 2013. С. 78. Рис. 11).

Недавнее открытие нового памятника Оглахты Моховский Лог (Миклашевич, 2015. С. 305–307) добавило к известным окуневским рисункам серию масок-личин,

Рис. Пмятники окуневской культуры в археологическом следе Оглахтинского хребта. 1–11 — могильник Красный Яр: 1–4, 6–10 — из раскопок Э. Б. Вадецкой, впускные погребения в фнсьевском могильнике Красный Яр I, погребения Красный Яр II; 5 — из раскопок В. П. Левашевой, впускное погребение в фнсьевском могильнике; 12, 17 — стелы и изваяние, переиспользованные в оградах ханских курганов, северные предгорья Оглахты; 13–21 — наскальные рисунки: 13, 16 — береговые скалы; 14, 15 — гор «Сорок Зубьев»; 18–21 — Моховский Лог (1–3 — по: Вадецкая, 1981; 5 — по: Леонтьев, 2006; 1, 4, 6–10 — Красноярский краевой музей, фото автор; 11 — по: Вадецкая, 1972; 12–16, 18–21 — фото, прорисовки и пигментные копии автор; 17 — по: Вадецкая и др., 1980). 1–5 — керamik; 6–10 — кость, бронза; 12–15, 17–20 — наскальные рисунки, выполненные выбивкой; 16, 21 — наскальные рисунки, выполненные краской

выполненных выбивкой (**рис., 18–20**) и краской (**рис., 21**). К большому сожалению, от всех обнаруженных изображений сохранились лишь фрагменты. Фриз с выбитыми личинами находится под мощным скальным навесом в укромном месте в глубине лога, перед ним есть площадка, которая наводит на мысли о «святилище» и выглядит перспективной для раскопок.

Статуарных окуневских памятников из этого района тоже известно не много. Одно изваяние (**рис., 17**) с личиной обнаружено в северных предгорьях Оглахтинского хребта на землях совхоза Советская Хакасия М. П. Грязновым и зарисовано по его фотографии (*Вадецкая и др., 1980. № 148*). Скорее всего, оно стояло в ограде тагарского кургана на той территории, которая сейчас затоплена водохранилищем. Другая, недавно нами обнаруженная стела с крупной сложной окуневской личиной (**рис., 12**) также переиспользована в ограде тагарского кургана одного из могильников в степных предгорьях.

Как видим, пока свидетельств окуневского присутствия в Оглахте не очень много. Это кажется странным, учитывая изобильность археологического наследия здесь в целом и наличие многих ярких окуневских памятников в непосредственной близости от Оглахты, как на левом, так и на правом берегах Енисея: могильники Красный Камень, Мохов, Лебяжье, Моисеиха; стелы на чаа-тасе Красный Камень; наскальные рисунки Усть-Тубы, Моисеихи, Суханихи и др. Нет сомнений, что окуневское население активно осваивало и Оглахты, причем, судя по представленным материалам, на разных этапах развития культуры. Открытия последних лет, продолжение обследования территории и применение современных методов поиска и документирования археологических памятников (в том числе наскальных изображений) позволяют надеяться на пополнение корпуса источников по окуневской культуре в горах Оглахты.

Литература и источники

- Вадецкая Э. Б. Отчет о раскопках 1972 г. под горой Оглахты (левый берег Енисея). НОА ИА РАН. Р. – 1, № 5568.
- Вадецкая, 1981 — Вадецкая Э. Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 33–62.
- Вадецкая и др., 1980 — Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры / Отв. ред. М. П. Грязнов. Л.: Наука, 1980. 148 с.

- Есин, 2013 — Есин Ю. Н. Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 66–81.
- Левашева, 1962 — Левашева В. Н. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологический сборник [К 60-летию со дня рождения и 35-летию науч., пед. и обществ. деятельности А. В. Арциховского] / [Под ред. Д. А. Авдусина, В. Л. Янина]. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 62–73.
- Леонтьев, 2006 — Леонтьев С. Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, Н. Л. Подольский. СПб.: Эликсис Принт, 2006. С. 260–272.
- Максименков, 1965 — Максименков Г. А. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 204–208.
- Миклашевич, 2015 — Миклашевич Е. А. Новые местонахождения наскального искусства в горном массиве Оглахты (Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 303–307.
- Sher et al., 1994 — Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. No. 1: Sibirie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994. 156 p.

Одиновская и кротовская культуры периода ранней — развитой бронзы: хронологические позиции¹

В. И. Молодин², И. А. Дураков³, Л. С. Кобелева⁴

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.58-61>

Одиновская и кротовская культуры являются наиболее крупными этническими образованиями периода ранней — развитой бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. Территория распространения одиновской культуры, кроме Приомья и Прииртышья, включает Среднее Притоболье и Приишимье (рис., 1).

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 20-18-00111 «Мобильность и межкультурные контакты в становлении и развитии социумов Западной Сибири (Древность — Средневековье — Новое время)».

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, советник директора, зав. Отделом археологии палеометалла, академик, д.и.н., проф. Адрес электронной почты: molodin@archaeology.nsc.ru.

³ 630126, Россия, Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28. Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной и всеобщей истории, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: idurakov@yandex.ru.

⁴ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, Отдел археологии палеометалла, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: lilyakobeleva@yandex.ru.

Зона распространения кротовской культуры занимает все пространство между средним течением рек Обь и Иртыш (рис., 2). Таким образом, основным ареалом обитания носителей обеих культур является Барабинская лесостепь. Данные археологии позволяют надежно дифференцировать одиновскую и кротовскую культуры, обладающие специфическими керамикой и погребальной практикой (Молодин, 1985). Чрезвычайно важно, что носители культур различались на антропологическом (Чикишева, 2012) и палеогенетическом (Молодин и др., 2013) уровнях.

К настоящему времени обе культуры имеют представительную серию калиброванных радиоуглеродных дат. Согласно этим данным, одиновские комплексы Барабинской лесостепи существовали в пределах первой половины III тыс. до н. э. (Молодин, 2012. С. 191–192). Кротовские памятники датируются периодом всего III тыс. до н. э. (Молодин, 2013. С. 321). Сопоставления радиоуглеродных дат обеих

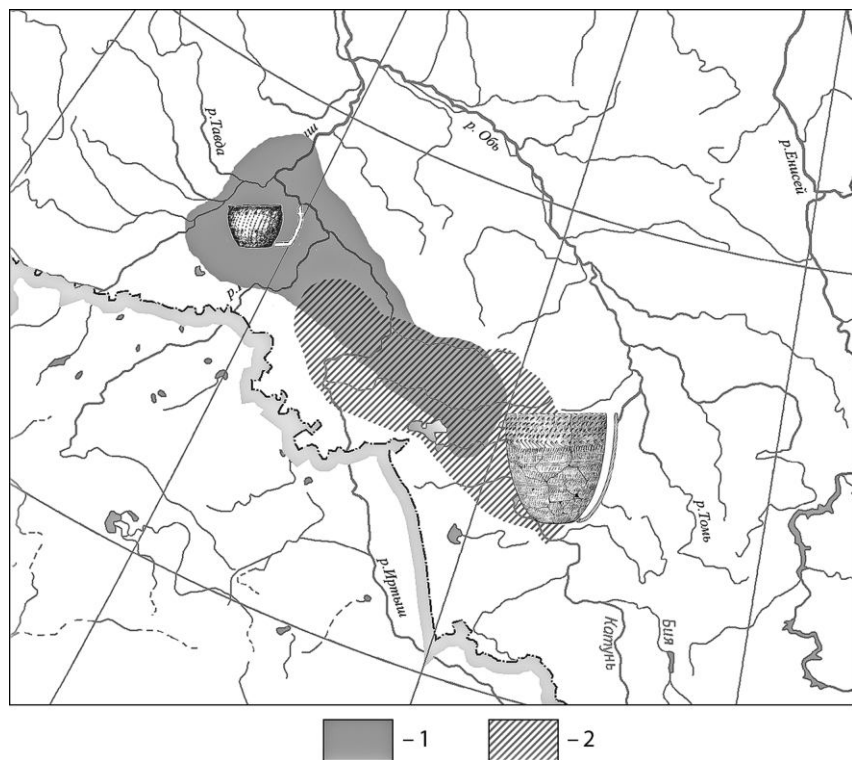

Рис. К р т р спростр нения одиновской и кротовской культур: 1 — одиновск я культур ; 2 — кротовск я культур

культур одного и того же памятника (Сопка-2) говорят о синхронности одиновских и раннекротовских объектов по крайней мере в течение первой половины III тыс. до н. э. (*Молодин и др.*, 2010а. С. 242).

Следует отметить, что все наиболее крупные могильники этих культур на территории Барабы (Сопка-2, Тартас-1, Усть-Тартас-2) имеют как кротовский, так и одиновский комплексы. Данная ситуация скорее противоречит представлению о синхронности культур, чем подтверждает ее. Такой же вывод можно сделать и при анализе стратиграфической ситуации на этих памятниках. Ранее мы уже останавливались на уникальном стратиграфическом комплексе могильника Тартас-1, в котором удалось проследить наложение погребений всех основных раннебронзовых культур региона (*Молодин и др.*, 2011). На этом участке могильника четыре погребения одиновской культуры (№ 382–384, 410) перекрыты двумя кротовскими (№ 381 и № 409) (*Молодин и др.*, 2010б. С. 264–266). На другом участке Тартасского некрополя эта ситуация повторяется еще раз: кротовская могила № 330Б перерезает одиновское погребение № 330А (*Молодин, Дураков*, 2018. С. 31–32. Рис. 12, 1).

Анализируя стратиграфическую ситуацию на других памятниках Барабы, мы можем проследить вышеописанную схему еще дважды. На территории некрополя Сопка-2 одиновское погребение № 159 перерезано кротовской могилой № 160 (*Молодин, Гришин*, 2016. С. 63–64). На многослойном памятнике Абрамово-10 одиновское погребение № 75 перекрыто котлованом строения № III кротовского поселения.

Таким образом, исходя из стратиграфических наблюдений, мы можем предположить, что на территории Барабы носители кротовской культуры появляются позже одиновцев.

Прослеживаются и непосредственные контакты данных культур, выраженные в появлении смешанных типов керамики, обнаруженной на поселении Карьер Таи-1 (*Кобелева и др.*, 2019. С. 407). Такие контакты прослежены и на поселении кротовской культуры Венгерово-2, где в одном из жилищ отмечено совместное залегание кротовской и одиновской посуды. На контакты указывает и явно сходный характер датирующего инвентаря в виде изделий сейминско-турбинского круга, луновидных подвесок (*Молодин*, 2019. С. 6).

Все это позволяет предполагать, что на каком-то отрезке времени эти культуры (вероятнее всего, ближе к середине III тыс. до н. э.) сосуществовали друг с другом на одной территории. В начале II тыс. до н. э., с усилением давления с запада носителей андроновской (фёдоровской) культуры, кротовцы вступают с мигрантами в длительные контакты, сформировав в конечном итоге синкретичную позднекротовскую (черноозёрскую) культуру (*Молодин*, 2014). Носители одиновской культуры были вытеснены на север, в экологически близкую им среду.

Литература

- Кобелева и др., 2019 — Кобелева Л. С., Ненахов Д. А., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Молодин В. И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 402–408.
- Молодин, 1985 — Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин, 2012 — Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.
- Молодин, 2013 — Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии / Отв. ред. М. В. Шуньков, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.
- Молодин, 2019 — Молодин В. И. Современное состояние проблемы относительной и абсолютной хронологии Обь-Иртышской лесостепи в эпоху неолита и бронзы // Мультидисциплинарные исследования в археологии / Гл. ред. Н. Н. Крадин. 2019. № 1. С. 3–12.
- Молодин, 2014 — Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // АЭАЕ. 2014. № 1 (57). С. 49–54.
- Молодин, Гришин, 2016 — Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
- Молодин, Дураков, 2018 — Молодин В. И., Дураков И. А. Захоронения с литейными формами на могильнике позднекротовской (черноозёрской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии / Гл. ред. А. П. Деревянко. 2018. Т. 46. № 2. С. 25–34.
- Молодин и др. 2010а — Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Орлова Л. А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 240–246.
- Молодин и др. 2010б — Молодин В. И., Хансен С., Мыльникова Л. Н., Наглер А., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И., Ненахов Д. А., Ковыршина Ю. Н., Нестерова М. С. Тартас-1 — открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 262–266.
- Молодин и др. 2011 — Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьёв А. И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // АЭАЕ. 2011. № 3. С. 40–56.
- Молодин и др., 2013 — Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А. и др. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Чикишева, 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Пластическое искусство одиновской культуры¹

В. И. Молодин²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.62-66>

В 1975 г. на защите своей докторской диссертации Г. А. Максименков закрепил в отечественной археологии понятие «окуневская культура» (Максименков, 1975). Ярчайшей особенностью культуры является пластическое и монументальное искусство, отличающееся спецификой стилистических особенностей (Подольский, 1997; Савинов, 1997) и мифологическим подтекстом, который улавливается едва ли не в каждом произведении.

Открытие окуневской культуры стало во многом побудительным моментом к поиску и углубленному изучению целой свиты культур эпохи бронзы на территории Западной Сибири, синхронных окуневской и обладающих несомненной спецификой.

Одной из таких культур стала выделенная автором одиновская культура (Молодин, 2008), локализованная на обширных пространствах западносибирской лесостепи. Изучение значительного количества погребальных комплексов носителей этой культуры предоставило в распоряжение исследователей ряд изделий, которые можно квалифицировать как предметы пластического искусства.

Все выявленные произведения, особенно обнаруженные в неповрежденных комплексах, определенно свидетельствуют об их иррациональной нагрузке, которая, впрочем, была различной.

На двух памятниках, Сопка-2/4а и Преображенка-6, обнаружены птицевидные навершия жезлов, сделанные из рога (Молодин, Чемякина, 2010). Головки птиц (фламинго?) (рис., 2, 3) выполнены в объемной реалистической манере. Кроме того, найдены составные жезлы, где рукоять изготовлена из кости собаки или птицы (цапля). При этом в одном случае (Сопка-2/4а) рукоять увенчана плохо сохранившейся головкой из конкреции (птица или животное) (рис., 4) (Молодин, 2012), в другом (Усть-Тартас-2) — оригинально оформлена сама рукоять. Каменный жезл в виде массивной скульптуры рептилии (рис., 1) обнаружен на памятнике Преображенка-6 и происходит из разрушенного захоронения.

Появление жезлов с разнообразными антропоморфными, зооморфными, орнитоморфными навершиями характерно для ряда культур ранней — развитой

¹ Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, советник директора, зав. Отделом археологии палеометалла, академик, д.и.н., проф. Адрес электронной почты: molodin@archaeology.nsc.ru.

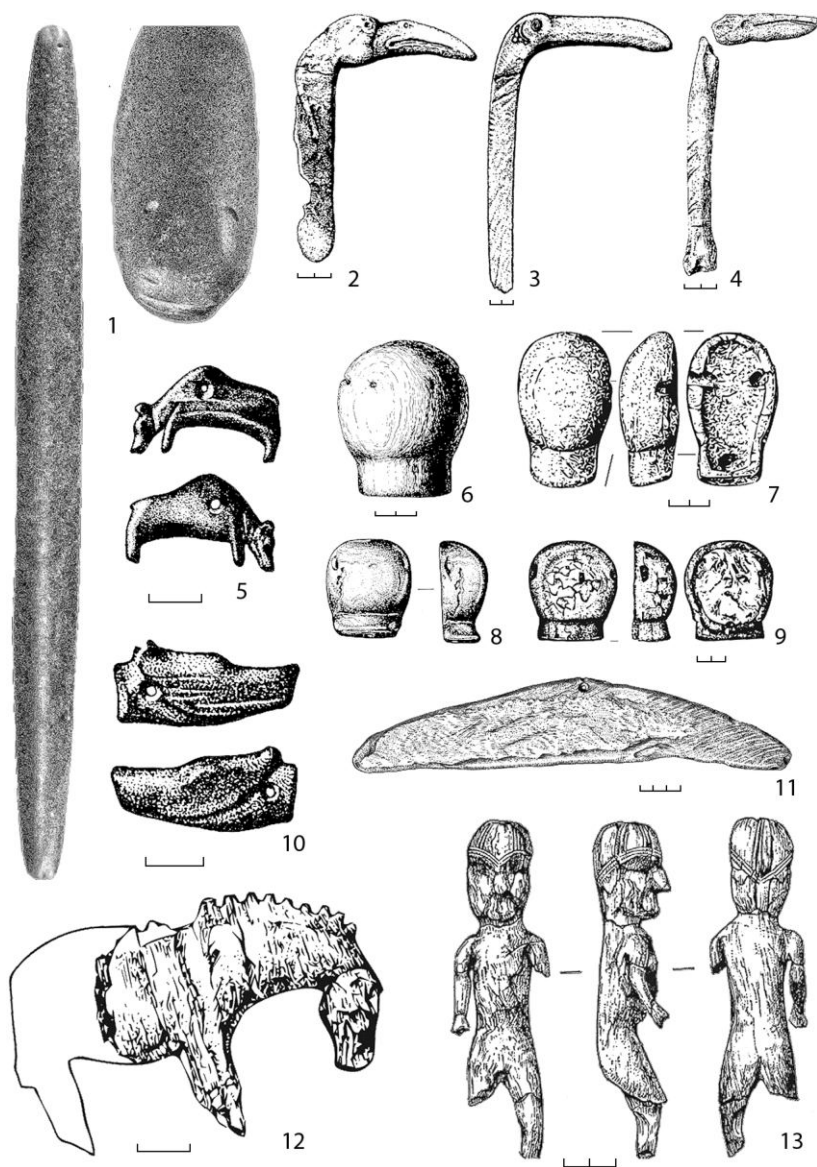

Рис. Предметы пл стического искусств одиновской культуры: 1, 3 — Преобр женк -6; 2, 4-6, 10 — Сопк -2/4 ; 7, 9 — Крох левк -5; 8 — Абр мово-11; 11-13 — Усть-Т рт с-2. 1, 5, 6, 11 — к мень; 2, 3, 12, 13 — рог; 4 — кость, конкреция; 6-9 — к п

бронзы Западной Сибири и Центральной Азии и связано с зарождением института вожества в скотоводческой среде (Головнев, 2009; Molodin, 2015).

Вторая серия сакральных предметов относится к числу украшений-оберегов. Эти шейные украшения, входящие в состав женского ожерелья, представляют собой великолепно выполненные из камня фигурки медведя и его головы (рис., 5, 10 — Сопка 2/4а; Молодин, 2012), включенные в состав импортного набора бус-крестовиков. Это поясные пряжки, выполненные из капа, изображающие стилизованную голову медведя (рис., 6–9). При этом оригинальные пряжки, найденные *in situ*, встречены на трех различных могильниках одиновской культуры: Сопка-2/4а; Абрамово-11 (Молодин, 1994; 2012) и Крохалевка-5 (Галямина, 2015; Гришин и др., 2016). Их высокая степень стандартизации и бесспорное назначение в качестве статусной мужской поясной гарнитуры указывает на культурно-ритуальный контекст (Молодин, 2012; Молодин и др., 2000).

К подвескам на одежду и головные уборы относятся так называемые луновидные или сегментовидные изделия различной величины и пропорций, изготовленные преимущественно из камня (рис., 11). Они характерны для целой свиты культур этого периода Западной, Восточной и Южной Сибири (Молодин, 2013) и связаны с лунарным культом (Есин, 2010; Маточкин, 2006).

Наконец, к недавно выявленным произведениям из рога и глины относится антропоморфная скульптура (рис., 13). Это практически целое изображение мужчины (?) явно европеоидного типа в головном уборе (Молодин и др., 2017). Человек трактован стоящим на слегка согнутых в коленях ногах, что сопоставимо с антропоморфными изображениями в грибовидных головных уборах с петроглифов эпохи бронзы Южной Сибири (Кубарев, 1987).

Замечательно профильное изображение фигурки лошади из кости (рис., 12 — Усть-Тартас-2; Молодин и др., 2018). Поза животного и трактовка гривы напоминает изображение лошади окуневской культуры из Сулекской писаницы (Leont'ev, Kapel'ko, 2002. Tab. 54).

Литература и источники

- Галямина Г. И. Отчет «Исследования курганного могильника Крохалевка-5 в Коченевском районе Новосибирской области в 1997 г. Новосибирск, 2015. Архив НПЦ НСО.
- Головнев, 2009 — Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УРО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Гришин и др., 2016 — Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Кишкурно М. С., Галямина Г. И., Назарова Л. В. Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобье (Работы 2016 года в Кудряшовском бору) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 269–273.
- Есин, 2010 — Есин Ю. Н. Предметы сегментовидной формы поселения Самусь-4 из коллекции МАЭС ТГУ и их аналоги // Материалы и исследования древней, средневе-

- ковой и новой истории Северной и Центральной Азии. Томск, 2010. С. 90–104. (Тр. Музея археологии и этнографии Сибири. Т. III).
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство / Под ред. Р. С. Васильевского. Новосибирск: Наука, 1987. С. 158–169.
- Максименков, 1975 — Максименков Г. А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 — археология / АН СССР. Сиб. отд. Объедин. Учен. Совет по ист.-филол. и филос. наукам. Новосибирск: б. и., 1975. 39 с.
- Маточкин, 2006 — Маточкин Е. П. Петроглифы Зеленого озера — памятник эпохи бронзы Алтая // АЭАЕ. 2006. № 2 (26). С. 104–115.
- Молодин, 1994 — Молодин В. И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и западносибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / Под ред. В. Е. Ларичева. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–86. (История и культура Востока Азии).
- Молодин, 2008 — Молодин В. И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития / Под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: Изд-во ИИиА УрО РАН, 2008. С. 9–13.
- Молодин, 2012 — Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.
- Молодин, 2013 — Молодин В. И. Каменные «луновидные» подвески в не потревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // Monumentum Gregorianum. Сб. науч. статей памяти академика Григория Максимовича Бонгарда-Левина / Под ред. А. И. Иванчика. М.: Граница, 2013. С. 135–153.
- Молодин, Чемякина, 2010 — Молодин В. И., Чемякина М. А. Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. 2010. № 1. С. 5–14.
- Молодин и др., 2000 — Молодин В. И., Октябрьская И. В., Чемякина М. А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 23–36.
- Молодин и др., 2017 — Молодин В. И., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Борзых К. А., Швецова Е. С. Могильник Усть-Тартас-2 — новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 363–367.
- Молодин и др., 2018 — Молодин В. И., Хансен С., Мыльникова Л. Н., Райнхольд С., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ефремова Н. С., Ненахова Ю. Н., Селин Д. В., Демахина М. С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 310–314.
- Подольский, 1997 — Подольский М. Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 168–201.

Савинов, 1997 — Савинов Д. Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Там же. С. 202–212.

Leont'ev, Kapel'ko, 2002 — Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F. Steinstelen der Okunev-kultur. Mainz: Verlag Phillip von Zabern, 2002. 109 S. (AE. Bd. 13).

Molodin, 2015 — Molodin V. I. Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia // Kunst der Bronzezeit: Materialien des internationalen Symposiums. April 15–19, 2013, Stralsund, Deutschland / Hrsg. S. Hansen, V. I. Molodin. Novosibirsk; Berlin, 2015. S. 189–210.

Окуневские личины в петроглифах Шалаболинской писаницы

А. Л. Заика¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.66-69>

Окуневская культура выделена сравнительно недавно, в чем несравненная заслуга Г. А. Максименкова (Максименков, 1975). Э. Б. Вадецкая уделила много внимания изучению окуневского искусства, особенно антропоморфным образам на изваяниях окуневской культуры (Вадецкая, 1967). Эльгой Борисовной проведена не только каталогизация образов, но и классификация личин, рассмотрены вопросы семантики сюжетов (Вадецкая, 1980; 1983). Учитывая типологические принципы исследователя и привлекая авторские разработки классификации антропоморфных образов (Заика, 2010; 2012), рассмотрим в данном ключе окуневские личины Шалаболинской писаницы.

В петроглифах Шалаболинской писаницы выделен широкий пласт окуневских петроглифов (Пяткин, Мартынов, 1985). Среди них к настоящему времени выявлен представительный ряд личин, которые встречаются как самостоятельно, так и в виде масок антропоморфных фигур, нанесенных охрой, выбивкой, гравировкой. Различаются они по наличию и виду внешнего контура, характеру и уровню сложности внешнего и внутреннего оформления. Большинство личин имеют округлый контур, обрамленный веером линий-лучей. У сложных образов добавлено вертикальное навершие, «рога», иногда — дополнительный контур (рис., 1–4). Внутреннее оформление — горизонтальная, реже вертикальная или наклонная линия. Простые личины — маски фронтальных, реже профильных фигур (рис., 6–9), среди которых встречаются своеобразные персонажи (рис., 6, 7). Сложные личины — образы самостоятельные, иногда имеют аморфные «туловища». Практически все они соответствуют тас-хазинскому типу личин (Леонтьев, 1976). Приме-

¹ 660049, Россия, Красноярск, ул. Лебедевой, д. 89. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, к.и.н., доцент.
Адрес электронной почты: zaika_al@mail.ru.

чательны две личины (простая и сложная), внешнее обрамление которых идентично, как и по смыслу, видимо, в их основе — фигура (рис., 1, 5).

Неоконтуренные личины сконцентрированы на западном участке писаницы. Выявленный недавно ряд сложных крашенных образов характеризует стилистические и иконографические черты различных групп окуневских личин: черновская (второй вариант), Кок-Хаинская, джойская (Савинов, 2006), они гармонично сочетаются на одном изобразительном полотне (Заика, Солодейников, 2018. Рис. 10; 11). Это может быть как следствием культурного межтерриториального взаимодействия, так и эволюционного развития. Необычен и известный лик без внешнего контура (Пяткин, 1985. Табл. 39. Рис. 6). Простые образы представлены личинами джойского типа (рис., 10, 13); ликами с «татуировкой» в виде косо́го креста, прямой с развилкой линии; наверху в виде прямой черты (рис., 11, 14–16). Интерес вызывают последние. Подобные лаконичные образы зафиксированы не только в Минусинской котловине, но и на Ангаре (рис., 17–21). Трудно

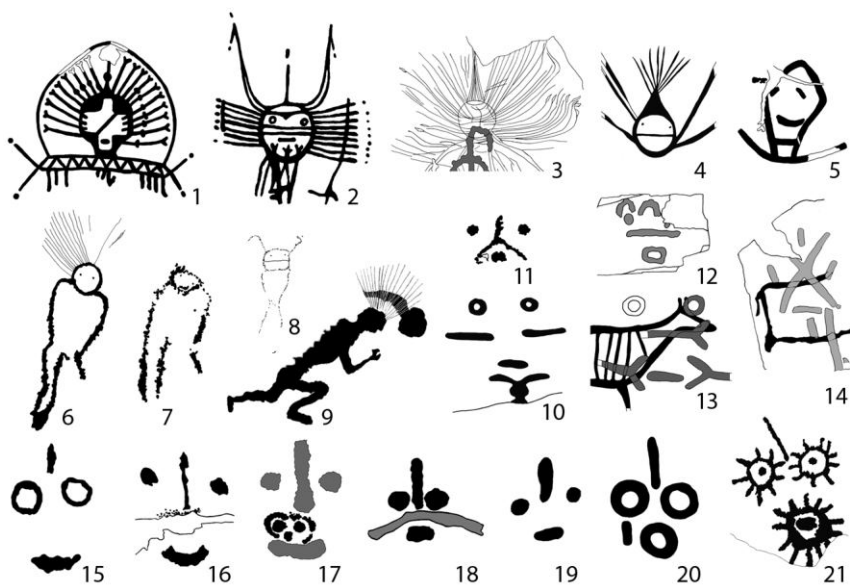

Рис. Личины в петроглиф х Ш л болинской писаницы и их нологии. 1–16 — Ш л болинская писаница; 17, 18 — могильник Узун-Х рых; 19 — могильник Большое кольцо; 20 — писаница Ал дын шивер (р. Анг р); 21 — Усть-Туб 2 (1, 2, 15 — по: Пяткин, М ртынов, 1985. Т бл. 39, 2, 4, 8; 17, 18 — по: Ключников, 3 ик , 2017. Рис. 1 ; 19 — по: Есин, 2010. Рис. 12, 2; 3–14, 16, 20, 21 — копии А. Л. 3 ики). 1, 2, 5, 10, 12–14, 20 — охр ; 3 — гр вировк ; 4 — гр вировк , протир; 6, 8, 9 — выбивк , гр вировк ; 7, 11, 15–17, 19, 21 — выбивк ; 18 — выбивк , протир

согласиться с мнением Ю. Н. Есина об их архаичности (Есин, 2010. С. 69), скорее наоборот — данные образы свидетельствуют о редукции, упрощенной трактовке классических образов окуневского искусства (группа «сложная нереалистическая» — см. Вадецкая, 1980. С. 45). В многофигурных композициях они занимают последнее стратиграфическое место (Ключников, Заика, 2017), на Ангаре — соответствуют поздним вариантам личин «каменского» типа, соотносятся с поздним бронзовым веком (Заика, 2013. Табл. 129).

При всех схожих чертах в стилистике и иконографии образов, характерных для окуневского искусства, личины Шалаболинской писаницы отличаются своеобразием. Учитывая факты преднамеренного уничтожения рисунков в древности для формирования нового «полотна» с сюжетами и образами той же (окуневской) изобразительной традиции (Дроздов, 2003), а также сравнительно позднее появление «солнцеголовых» гравированных персонажей в окуневских петроглифах, актуальность дальнейших исследований данного пласта наскальных рисунков на этом памятнике не вызывает сомнений.

Литература

- Вадецкая, 1967 — Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 78 с.
- Вадецкая, 1980 — Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 37–147.
- Вадецкая, 1983 — Вадецкая Э. Б. Проблема интерпретации окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1983. С. 86–97. (Первобытное искусство).
- Дроздов, 2003 — Дроздов Н. И., Заика А. Л., Марченко Л. А., Макулов В. И., Березовский А. П., Журавков С. П., Емельянов И. Н., Бабина М. С., Чуракова Е. В. Результаты исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2002–2003 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 342–346.
- Есин, 2010 — Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.
- Заика, 2009 — Заика А. Л. Принципы классификации антропоморфных образов (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // «Homo Eurasicus» у врат искусства (Окладниковские чтения): Материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–23 октября 2009 г.). СПб.: Астерион, 2009. С. 307–325.
- Заика, 2012 — Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // АЭАЕ. 2012. № 1 (49). С. 62–75.
- Заика, 2013 — Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: Красноярский гос. педагогический ун-т, 2013. 178 с.
- Заика, Солодейников, 2018 — Заика А. Л., Солодейников А. К. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты ис-

- следований) // Уч. зап. музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2018. Вып. 8. С. 56–66.
- Ключников, Заика, 2017 — Ключников Т. А., Заика А. Л. Плита из могильника Узун-Харых // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. С. 170–173.
- Леонтьев, 1978 — Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла / Отв. ред. и авт. предисл. В. Е. Ларичев. М.: Наука, 1978. С. 88–118. (История и культура Востока Азии; [Т. 5]).
- Максименков, 1975 — Максименков Г. А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 — археология / АН СССР. Сиб. отд. Объедин. Учен. Совет по ист.-филол. и филос. наукам. Новосибирск: б. и., 1975. 39 с.
- Пяткин, Мартынов, 1985 — Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. 192 с.
- Савинов, 2006 — Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, Н. Л. Подольский. СПб.: Эликсис Принт, 2006. С. 157–190.

Антропоморф со «шпилем» с Томской писаницы¹

И. В. Ковтун²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.69-72>

Изображение остроголового антропоморфного персонажа с верхнего фриза Томской писаницы хорошо известно специалистам. Фронтальный образ антропоморфа с расставленными и полусогнутыми ногами, упертыми в пояс «руками» и ромбовидной («широкоскулой») головой, увенчанной тонким и высоким «шпилем», как будто не находил соответствий, сочетавших перечисленные признаки. Неординарно выглядит и изображение лица, выполненное мелкой контррельефной выбивкой и, возможно, передающее надетую маску с прорезями для глаз и носа / рта (рис., 1, 2).

До настоящего времени ни этот необычный персонаж, ни начинающаяся с него диагонально ориентированная композиция с идущим за медведем лосем не имели удовлетворительной культурно-хронологической и семантической интерпретации. В 2017 г. в центре г. Новосибирска на правом берегу Оби, недалеко от устья р. Ини, на поселении Турист-2 был исследован грунтовый могильник эпохи

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 р_а «Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность».

² 650000, Кемерово, Советский пр., д. 18. Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, лаборатория археологии, зав. лаб., д.и.н. Адрес электронной почты: ivkovtun@mail.ru.

развитой бронзы. В ряде захоронений этого уникального памятника найдена керамика крохальёвского и кротовского облика. Там же обнаружили произведения изобразительного искусства (Басова и др., 2017; 2019; Басова, 2018; Заика и др., 2019), включая фигурку остроголового антропоморфа из бивня мамонта, найденную в погребении 5 (рис. 3, 4). Авторы находки сравнивают ее с обособленной

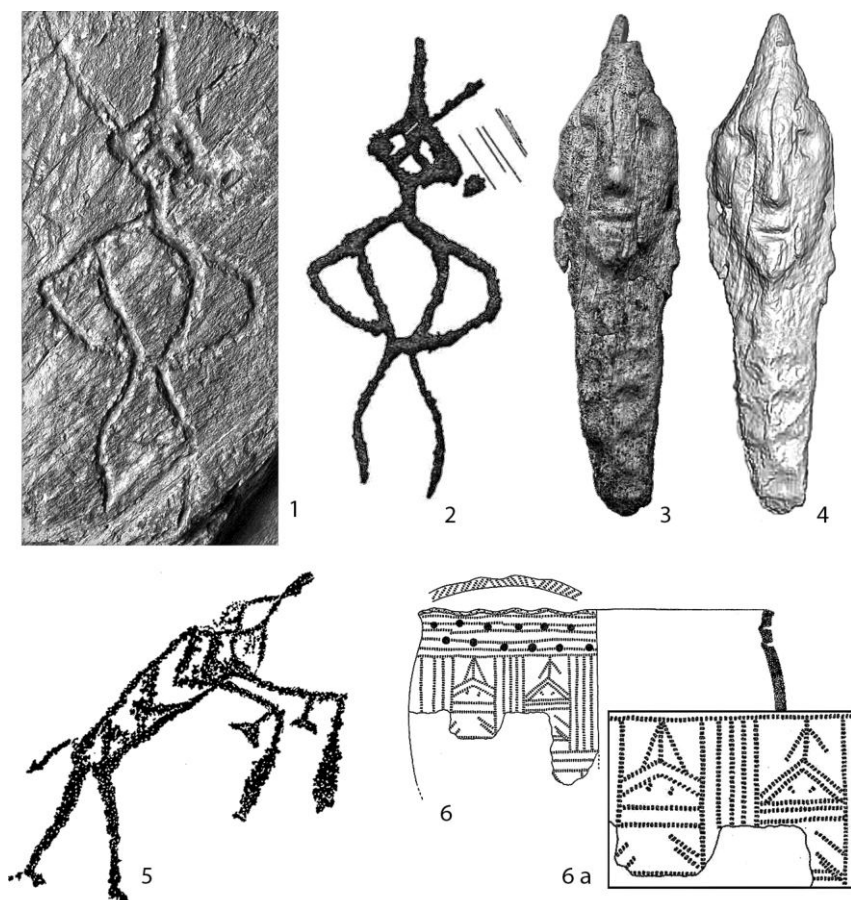

Рис. Изображения антропоморфов со шпалеобразным «вершием». 1 — Томская писаница, фото с медной поверхности; 2 — Томская писаница, прорисовка; 3, 4 — Турист-2, мог. 5, бивень мамонт (3 — фото оригинала; 4 — графическая реконструкция); 5 — Зелёное озеро, прорисовка; 6, 6а — Тух-Сигит IV (1, 2 — фото и прорисовка Е. А. Миклашевской; 3 — по: Басова и др., 2019. Рис. 4; 4 — по: Колобов и др., 2019. Рис. 7, 1; 5 — по: Мочкин, 2006. Рис. 15, 1; 6 — по: Кирюшин, 2004. Рис. 115, 1)

группой окуневских антропоморфов, включая персонажа с конусовидным навершием, а также с окуневскими персонажами в высоких головных уборах и с рисунком из могильника у пос. Озерного (Басова и др., 2019. С. 57–58, 62–63. Рис. 4).

Однако ближайшим территориальным и иконографическим соответствием антропоморфу из Туриста-2 представляется изображение со «шпилем» с Томской писаницы, и наоборот. Помимо этого инвариантное сочетание таких ключевых признаков, как ромбовидная (или полуромбическая) конфигурация головы / лица, увенчанной/ого шпильеобразным «навершием», демонстрируют антропоморф из Зелёного озера и парциальная личина на сосуде с поселения Тух-Сигат IV (рис., 5, 6, 6а). В первом случае усматриваются каракольские, во втором — самусьские параллели.

Все приведенные аналогии входят в единый эпохальный ряд древностей крохалёвской, каракольской и самусьской культур, бытовавших приблизительно с последней трети и конца III тыс. до н. э. вплоть до начала и первой четверти II тыс. до н. э. Сходство элементов изобразительных комплексов этих социокультурных образований, включая синхронную окуневскую культуру, неоднократно отмечалось исследователями. Поэтому, учитывая иные параллели между крохалёвскими изображениями Туриста-2 и петроглифами Томи, а также древности выделенного в том числе в Нижнем Притомье восточного ареала кузнецко-притомского варианта крохалёвской культуры (Ковтун, 2020. С. 18–19, 22–23), напрашивается вывод о крохалёвской принадлежности антропоморфа Томской писаницы, а равно и связанной с ним композиции.

Для реконструкции смыслового значения рассмотренных изображений симптоматичен материал, использованный для изготовления скульптурки из Туриста-2. В мифологии многих сибирских аборигенов мамонт прочно ассоциируется с Нижним миром. Это может указывать на хтонические черты духа или божества, фигурка которого сделана из бивня мамонта. По перекрестным соответствиям можно предполагать, что упертые в бока «руки» томского антропоморфа передают его крылья, а сам персонаж воплощает черты «крылатого демона».

Литература

- Басова, 2018 — Басова Н. В. Керамика из могильника бронзового времени на поселении Турист-2 в Новосибирске // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 209–213.
- Басова и др., 2017 — Басова Н. В., Постнов А. В., Нестеркина А. Л., Ахметов В. В., Морозов А. А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 509–512.

- Басова и др.*, 2019 — *Басова Н. В., Постнов А. В., Заика А. Л., Молодин В. И.* Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // АЭАЕ. 2019. № 4 (47). С. 53–65.
- Заика и др.*, 2019 — *Заика А. Л., Басова Н. В., Постнов А. В.* Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово, 2019. С. 123–130. (Тр. САИПИ. Т. XII).
- Кирюшин*, 2004 — *Кирюшин Ю. Ф.* Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 295 с.
- Ковтун*, 2020 — *Ковтун И. В.* Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Уч. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2020. Вып. 11. С. 13–44.
- Колобова и др.*, 2019 — *Колобова К. А., Федорченко А. Ю., Басова Н. В., Постнов А. В., Ковалев В. С., Чистяков П. В., Молодин В. И.* Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов неутилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры из материалов могильника Турист-2) // АЭАЕ. 2019. Т. 47, № 4. С. 66–76.
- Маточкин*, 2006 — *Маточкин Е. П.* Петроглифы Зелёного озера — памятник эпохи бронзы Алтая // АЭАЕ. 2006. № 2 (26). С. 104–115.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ И ВЕРТИКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

О реконструкциях колесниц и колесничных сообществах эпохи бронзы урало-казахстанских степей

В. А. Новожёнов¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.73-75>

Открытие Аркаима и Синташты в 1970-е гг. стимулировало интерес археологов к изучению древних колесниц и самого феномена колесничных сообществ. Некоторые результаты и современное состояние проблемы описаны в ряде работ (Кони, колесницы..., 2010; Новоженов, 2012а; 2012б; Алтынбеков, 2014; Чечушков, 2014), в которых подробно рассмотрены памятники с колесничной атрибутикой, выделены блоки колесничных культур или колесничных комплексов.

К началу II тыс. до н. э. в степных обществах Евразии сложились все необходимые предпосылки для использования легких, быстрых и маневренных конных экипажей — колесниц. Они были востребованы (при несомненной боевой и ритуальной функции) еще и как средство управления огромными стадами домашних животных, прежде всего мобильными, малоуправляемыми табунами лошадей, и для охоты, которая служила важным источником пополнения ресурсов этих социумов. Функция разведки: поиск новых плодородных пастбищ и обследование новых степных территорий — также была актуальной. Кроме того, парная запряжка сама по себе уже была самым эффективным средством приручения лошади.

Эволюция транспортных средств предшествующего периода в степной зоне свидетельствует о серьезных попытках модернизации тяжелой четырехколесной

¹ 005000, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Кунаева, д. 96.
Международный центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО.
Адрес электронной почты: vnovozhenov@gmail.com.

повозки в направлении ее облегчения и повышения маневренности с целью приспособления к физиологическим особенностям нового, в сравнении с быком и верблюдом, упряжного животного — лошади.

В степном и китайском колесничных комплексах обнаруживается значительное совпадение элементов погребального обряда: культовые захоронения собак; культ рыбы; отдельные жертвоприношения коней; культовые бронзовые сосуды; парное захоронение лошадей вместе с частями колесничного снаряжения (псалии); курганы с колесницами имеют особое расположение, в них похоронены только мужчины, что свидетельствует о наличии особого сословия колесничих. Отмечаются также следующие особенности: украшение бортов и значимых деталей кузова повозки и наличие на дне могилы специальных канавок для колес, которые не использовались — колесница помещалась рядом, и ее колеса не вставлены в эти канавки. Таким образом, целесообразно рассматривать урало-казахстанский и древнекитайский колесничные комплексы как единый азиатский колесничный комплекс, а имеющиеся отличия могли быть хронологическими.

Степные социумы, расселившиеся к этому времени уже на огромном пространстве Евразии в виде больших патриархальных семей: самодостаточных производственных коллективов близких родственников (групп таковых) или пастушеских кланов, развивались исключительно ради своего скота. Изобретение новых механизмов и приспособлений облегчало повседневную жизнь: инновации проникали в основные элементы хозяйства, а модернизации подвергались повседневно востребованные объекты материальной культуры. Начался новый этап доместикации лошади; мобильное, но неповоротливое жилище на колесах (фургон) стало модернизироваться и менять свои функции. Все это привело к изобретению легкой, удобной для лошадей и человека более подвижной двуколки — колесницы. Конечно, это «чудо» степной технологии, в котором сошлись воедино все трудовые и производственные ресурсы всего социума, было доступно немногим — владеть им мог только вождь или старейшина этого сообщества. Вероятно, именно эти физически развитые, ловкие и бесстрашные «хозяева» кланов стали первыми колесничими — владельцами мощного оружия, с помощью которого можно добывать ресурсы и подчинять другие сообщества, иначе говоря, успешно и активно развивать внешние каналы коммуникации своих поначалу совсем небольших социумов.

Такая модель, вероятно, лежала в основе формирующихся в самом начале II тыс. до н. э. в степи, по обе стороны от Уральских гор, двух центров колесничных комплексов — европейского и азиатского. Естественная природная граница, возможно, предопределила и векторы последующего движения колесничных сообществ из этих центров — на запад и на восток.

В историческом масштабе это был молниеносный процесс. Уже в XVIII в. до н. э. степные колесничные сообщества, продвигаясь по освоенным их предками пастбищам, добрались до контактных зон, где вступили во взаимодействие с земледельческими цивилизациями. На западе — это микенская и ахейская Греция и племена первобытной Европы, на востоке — ранние китайские династии, на юге — Хараппа, Ассирия, Вавилон, а к середине тысячелетия и — Египет.

Актуальной является задача популяризации и презентации знаний о древнейших повозках для самой широкой аудитории. Представляется, что в современных музейных экспозициях целесообразно показывать виртуальные (3D-модели в мультимедийном контексте) или материальные макеты (натуральные модели) реконструированных экспонатов, связанных с древними коммуникациями, как яркий образец технологических достижений древнейших социумов. Макет колесницы может экспонироваться как статичный материальный объект, демонстрирующий детали конструкции (только повозка), так и в качестве основы динамического объекта — полномерной мобильной реконструкции (запряженная конной парой колесница с возничим в полном облачении).

Литература

- Алтынбеков, 2014 — Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. 364 с.
- Кони, колесницы..., 2010 — Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П. Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: ИЭРЖ УО РАН, 2010. 370 с.
- Новоженков, 2012а — Новоженков В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
- Новоженков, 2012б — Новоженков В. А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб: ИИМК РАН, 2012. Т. 2. С. 183–187.
- Чечушков, 2014 — Чечушков И. В. Распространение колесного транспорта в свете радиоглеродной хронологии // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Отв. ред. А. В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 274–285.

Культурные традиции сейминско-турбинских и синташтинско-петровских металлургов и литейщиков: опыт сопоставления

С. В. Сотникова¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.75-77>

Недавние исследования культового памятника Шайтанское озеро II дали значительную коллекцию не только сейминско-турбинских бронз, но и изделий

¹ 629730, Россия, Надым, ул. Зверева, д. 29/1.
ООО «Центр археологических исследований», научный консультант, к.и.н., доцент.
Адрес электронной почты: svetlanasotnik@mail.ru.

степного облика, ближайшие аналогии которым представлены в памятниках синташтинского, петровского, алакульского типа. О. Н. Корочкова и И. А. Спиридонов выделяют целую серию орудий и украшений, указывающих на связи со степным миром: двулезвийные ножи-кинжалы с перекрестьем и выделенным черенком; кинжалы с прилитой рукоятью и цельнолитые; кельт-тесло с несомкнутой втулкой; долота, втулки которых свернуты в результате проковки; фрагмент серпа. Украшения представлены как целыми изделиями, так и обломками — это бронзовые желобчатые браслеты, в том числе фрагменты со спиралевидными окончаниями, височные кольца из бронзовой фольги, обернутой вокруг деревянной основы, листовидные подвески (Корочкова, Спиридонов, 2016. С. 68–71).

Следует обратить внимание, что массовый материал на этом памятнике представлен ломом металлических изделий и остатками бронзолитейного производства (слитки, сплески, литниковые наплывы), но изготовление металлических орудий, оружия и украшений в этом месте не производилось (Корочкова, Стефанов, 2010. С. 123, 129). Количество лома и литейных отходов составляет 60 % от общего собрания металлических изделий. Остатки литейного производства для других сейминско-турбинских памятников не характерны или единичны (Турбино) (Корочкова, Стефанов, 2013. С. 95). Исследователи полагают, что лом и остатки бронзолитейного производства следует рассматривать как часть культовой практики на шайтанском святилище (Корочкова, Стефанов, 2010. С. 129).

Подобная практика имеет определенное сходство с традицией, зафиксированной на памятниках синташтинского и петровского типа, где металлургическим сырьем или отходами бронзолитейного производства сопровождаются, как правило, женские погребения. Например, в могильнике Бестамак (Казахстан) в могиле 2 за спиной женщины 30–35 лет размещалось две группы находок. В первой группе к предметам, связанным с металлургической сферой, относятся восемь кусочков медистого песчаника, четыре обломка бронзовых изделий, во второй — кучка меди в виде сплесков и капелек. В могиле 17, где погребена женщина 25–30 лет, найдены две бронзовые «дробинки» (Калиева, Логвин, 2009. С. 35–38). В могиле 20, в ногах женского скелета из северного комплекса, обнаружено 13 бесформенных маленьких бронзовых слитков, бронзовая подквадратная пластинка, а в 0,4 м южнее найдены выплески металла (31 экз.) (Калиева, Логвин, 2012. С. 77–82).

В могильнике Каменный Амбар-5 (Южный Урал) в кургане 4 имелись две одиночные женские могилы с атрибутами металлургического производства. В могиле 1 у костей таза женщины 18–20 лет обнаружен медный сплеск. Могила 3 содержала останки женщины 18–20 лет. В северо-западном углу найдены кусочки медной руды; в северо-восточной части ямы — кусочки руды, слиток; в севе-

ро-западном углу — кусочки руды, а в слое зеленого тлена — сильно окислившийся фрагмент бронзовой пластинки (Епимахов, 2005. С. 89–93, 100–102). В кургане 2 могила 12 представляла собой коллективное захоронение четырех человек: двух детей и двух женщин. Рядом с костями стоп одной женщины (скелет III) найдены два кусочка отожженной медной руды. У другой женщины (скелет IV) в головах стоял сосуд, внутри которого находилось сломанное пополам серповидное орудие (Костюков и др., 1995. С. 166–168, 170). Это позволяет предполагать, что женщины обеспечивали ритуальную сторону металлургического процесса и бронзолитейного производства. Мужские захоронения сопровождаются орудиями, имеющими непосредственное отношение к выплавке металла (сопла, песты) или к изготовлению предметов из него.

По аналогии с синташтинско-петровской традицией можно предположить, что на святилище Шайтанское озеро II отправляли культ как мужчины (орудия, оружие), так и женщины (украшения, лом, остатки бронзолитейного производства).

Литература

- Епимахов, 2005 — Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
- Калиева, Логвин, 2009 — Калиева С. С., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВИАЭ. 2009. № 9. С. 32–58.
- Калиева, Логвин, 2012 — Калиева С. С., Логвин В. Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Материалы III Междунар. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2012» (14–15 ноября 2012 г.). Актобе: Тип. ИП Жанадилова С. Т., 2012. С. 77–82.
- Корочкова, Спиридонов, 2016 — Корочкова О. Н., Спиридонов И. А. Степные знаки в металле святилища Шайтанское озеро II // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 68–76.
- Корочкова, Стефанов, 2010 — Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корочкова, Стефанов, 2013 — Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.
- Костюков и др., 1995 — Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.) / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 156–207.

Межкультурные контакты андроновского (фёдоровского) и аборигенного населения лесостепной Барабы по материалам погребального обряда¹

Л. С. Кобелева²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.78-80>

В середине III тыс. до н. э. в лесостепной Барабе сложилась сложная этнокультурная ситуация, вызванная проникновением на данную территорию андроновского (фёдоровского) населения. В настоящее время прослеживаются несколько одновременных и разнонаправленных волн мигрантов (Молодин, 2011). Миграция вызвала длительное совместное проживание пришлого и местного аборигенного населения, что в конечном итоге привело к трансформации как автохтонного кротовского населения, так и пришлого андроновского. Этот процесс вызвал существенные изменения погребального обряда у местного кротовского населения: появление отдельных захоронений в скорченном положении на боку, наличие в кротовских могилах керамики и инвентаря андроновской (фёдоровской) культуры. Происходит полная смена орудийного набора и украшений с сейминско-турбинских на срубно-андроновские формы. У кротовского населения появляются височные кольца с раструбом, серьги с коническим приемником, кольца и браслеты со спиралевидным навершиями. Следует отметить, что данные украшения рядом исследователей считаются определяющими для андроновской (фёдоровской) культуры (Демин и др., 2011; Молодин, Гришин, 2019). Все эти изменения позволили В. И. Молодину на вышеописанном материале выделить позднекротовскую (черноозёрскую) культуру (Молодин, 2010).

У андроновской (фёдоровской) культуры в результате контактов также произошли некоторые изменения в погребальном обряде (Молодин и др., 2013). Это выразилось в расположении грунтовых захоронений рядами и в появлении погребений с признаками профессиональной принадлежности, в частности погребений литейщиков и керамистов (Молодин и др., 2018; Мильникова и др., 2019), что не характерно для андроновской погребальной практики. Изменился харак-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 20-18-00111 «Мобильность и межкультурные контакты в становлении и развитии социумов Западной Сибири (Древность — Средневековье — Новое время)».

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: lilyakobeleva@yandex.ru.

тер погребальной пищи. В качестве сопроводительной пищи в могильнике Тарта-1 прослежено широкое использование рыбы — остатки ихтиофауны зафиксированы в каждой пятой могиле (Молодин и др., 2015), что является определенным новшеством, не характерным для других памятников андроновского (фёдоровского) круга (Бобров, Михайлов, 1989; Максименков, 1978). Неиспользование рыбы в погребальной практике «андроновцами» («фёдоровцами») могло объясняться отсутствием ее образа в мифологических схемах индоариев. Во всяком случае, к такому выводу пришли некоторые исследователи в ходе анализа лингвистического материала (Елизаренкова, 1999. С. 443; Чайлд, 2007. С. 111). Эти новшества можно объяснить изменением экономики в результате адаптации к природно-ландшафтным условиям.

Следует отметить, что у автохтонного кротовского населения произошли более значительные культурные сдвиги. Погребальный обряд претерпел серьезные изменения, сменился орудийный набор, украшения и керамика. По всей видимости, андроновские предметы были более престижны, хотя по функционально-технологическим параметрам кротовские предметы им не уступали.

Таким образом, мы выявили модель взаимодействия пришлого населения андроновской (фёдоровской) культуры с автохтонным населением кротовской культуры Барабинской лесостепи, в результате которого последнее испытало мощное инокультурное влияние, а мигранты сохранили основные элементы своей материальной и духовной культуры.

Литература

- Бобров, Михайлов, 1989 — Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье. Кемерово: Изд-во КеМГУ, 1989. 198 с.
- Демин и др., 2011 — Демин М. А., Запрудский С. С., Ситников С. М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: АлтГПА, 2011. 128 с.
- Максименков, 1978 — Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Молодин, 2010 — Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 61–76.
- Молодин, 2011 — Молодин В. И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 58–69. (Тр. САИПИ. Вып. VII).
- Молодин, Гришин, 2019 — Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 5. 223 с.
- Молодин и др., 2013 — Молодин В. И., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Ковырина Ю. Н., Ненахов Д. А., Демахина М. С., Наглер А., Мыльникова Л. Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (фёдоровской) культуры

на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 260–264.

Молодин и др., 2015 — Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Конева Л. А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (фёдоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // АЭАЕ. 2015. № 43 (3). С. 77–90.

Молодин и др., 2018 — Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Захоронения с бронзолитейным оборудованием андроновского (фёдоровского) могильника Тартас-1 (Центральная Бараба) // Вестник ТГУ: история. Томск: Изд-во ТГУ, 2018. № 5. С. 129–137.

Мыльникова и др., 2019 — Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ненахова Ю. Н., Ефремова Н. С., Хансен С., Кобелева Л. С., Селин Д. В., Ненахов Д. А. Погребение мастера-гончара бронзового века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 507–515.

Археологический комплекс эпохи бронзы ущелья Мадьярсай

А. А. Горячев, Т. А. Егорова¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.80-83>

Ущелье Мадьярсай расположено на северо-восточном склоне гор Киндыктас, ограничивающих с восточной стороны долину р. Шу. Его расположение на стыке двух межгорных долин Шу-Илейской горной системы позволяло в древности выполнять ключевую роль в системе транспортных коммуникаций региона. Лишь через это ущелье проходил маршрут к истокам реки Узынсу, образующей урочище Ой-Джайляу, в котором располагается серия известных погребальных памятников и наскальных рисунков эпохи бронзы (Марьяшев, Горячев, 1993). Общая протяженность ущелья с юго-запада на северо-восток 5,5 км. Комплекс памятников эпохи бронзы расположен в относительно широкой долине бокового притока ручья Мадьярсай (рис., 1).

На территории ущелья обнаружены разрушенное поселение, два могильника и два скопления петроглифов эпохи бронзы, составляющих единый археологический комплекс. По меркам региона это означало проживание здесь одной семейно-родовой группы. Поселение было устроено у западного борта ущелья

¹ 050010, Республика Казахстан, Алматы, пр. Достык, д. 44. Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Отдел античности и средневековья, с.н.с.; специалист-филолог. Адреса электронной почты: aga.2805@mail.ru; ega.0108@mail.ru.

в его верховьях близ выхода скальных групп, где и отмечена одна группа наскальных рисунков бронзового века. В результате последующей хозяйственной деятельности территория поселения использовалась под поля и средневековую усадьбу. Отмечены отдельные площадки домостроений, близ которых зафиксированы фрагменты керамики эпохи бронзы.

Наскальные изображения эпохи бронзы в ущелье Мадьярсай устроены отдельными скоплениями на скальных плоскостях с юго-восточной и южной экспозицией. Среди технических приемов создания петроглифов преобладает выбивка с последующей шлифовкой внутри выбитого контура. На скалах над поселением отмечены два знака колесниц (**рис., 2, 3**), композиции с фигурами собак, хищников и людей (**рис., 4**). Здесь же встречаются сцены с изображением лошадей, кабана и всадника на коне, преследующего хищника. Основную часть изображений составляют образы козлов и архаров, одно из которых сопровождалось четырьмя чашевидными углублениями (**рис., 5**).

Еще одна группа петроглифов найдена на вершине сопки между поселением и могильником. Здесь же на отдельном гранитном валуне изображены крупные фигуры идущего верблюда, быка с длинными вытянутыми рогами и лучника, стреляющего с колен (**рис., 6**). Стилистика и содержание рисунков характерны для петроглифов тамгалинской культурной традиции региона и наскального искусства эпохи бронзы гор Каратау (*Кадырбаев, Марьяшев, 1977*) и Центрально-го Казахстана (*Новожинов, 2002*).

Могильники эпохи бронзы расположены по берегам ручьев на выходе из горных саев, представляют собой цепочки каменных оград и курганы-ограды. Могильник Мадьярсай-I устроен в 400 м к северо-востоку от поселения у подножия одиночной сопки. Он состоит из шести цепочек оград и восьми отдельных конструкций. Исследована цепочка из 24 каменных оград с 28 захоронениями бронзового века в каменных ящиках (**рис., 7**). Погребенные были захоронены по обрядам трупоположения в скорченном виде на левом боку головой на запад и трупосожжения. Отмечены захоронения в одной могиле по обоим обрядам и кенотафы. Получены керамический (**рис., 8–15**) и вещевой (**рис., 16–26**) материалы, позволяющие реконструировать погребальный обряд древних жителей и атрибутировать комплекс памятников эпохи бронзы ущелья (*Горячев, 2020. С. 135–151*).

Исследования показали, что данный памятник являлся основным кладбищем жителей ущелья на раннем (XIX–XVI вв. до н. э.) и позднем (XV–XIV вв. до н. э.) этапах андроновского периода эпохи бронзы. Возникновение комплекса стало результатом взаимных контактов и хозяйственно-культурной интеграции древнего населения Шу-Илейских гор и Центрального Казахстана, усвоивших как алакульско-атасуские, так и фёдоровско-нуринские традиции андроновской общности.

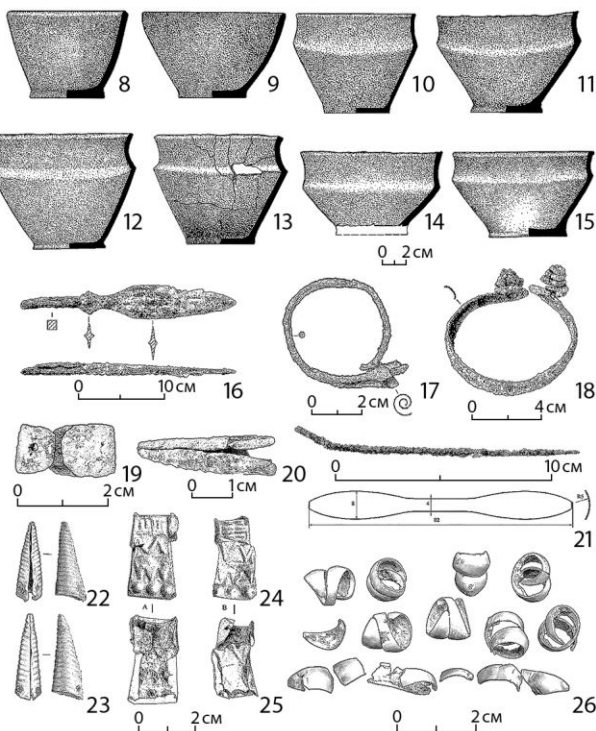
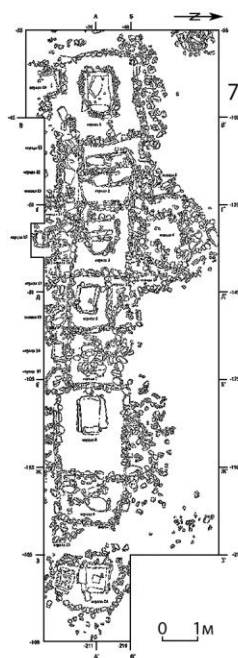
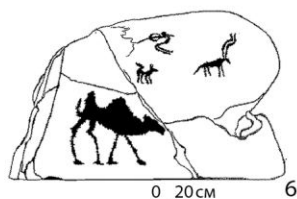
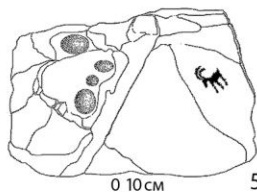
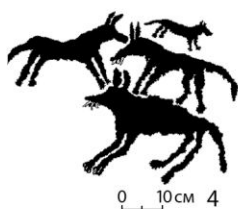
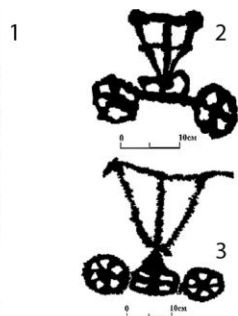

Рис. М тери лы рхеологических исследов ний комплекс п мятников эпохи бронзы ущелья М дьярс й. 1 — р сположение п мятников эпохи бронзы в ущелье М дьярс й н космоснимке Google; 2, 3 — изобр жения зн к колесницы, прорисовк ; 4 — изобр жения соб к и хищников, прорисовк ; 5 — фигур козл эпохи бронзы н к мне с ч шевидными лунк ми, прорисовк ; 6 — крупный в лун с рисунк ми эпохи бронзы н горном перев ле, прорисовк ; 7 — пл н р скоп цепочки к менных огр д н могильнике М дьярс й-I; 8–15 — кер мик из погребений могильник М дьярс й-I; 16–21 — бронзовые изделия могильник М дьярс й-I (16 — н конечник копья, 17 — серьг с р струбом; 18 — бр слет со спир левидными оконч ни-ями; 19 — обойм ; 20 — конусовидн я подвеск ; 21 — игл); 22–26 — бронзовые укр шения, пл киров нные золотой фольгой из погребений могильник М дьярс й-I (22, 23 — конусовид-ные подвески; 24, 25 — декор тивные обоймы; 26 — серьги-подвески в дв оборот)

Литература

- Горячев, 2020 — Горячев А. А. Могильник бронзового века Мадьярсай-I // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 1 (29). С. 135–151.
- Кадырбаев, Марьяшев, 1977 — Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 231 с.
- Марьяшев, Горячев, 1993 — Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.
- Новожинов, 2002 — Новожинов В. А. Петроглифы Сарыарки. Алматы: ИА НАН РК, 2002. 125 с.

К интерпретации одного из атрибутов погребального инвентаря фёдоровской культуры¹

О. Н. Корочкова², Э. Р. Усманова³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.83-85>

Одним из эксклюзивных атрибутов погребальных комплексов фёдоровской культуры андроновской общности являются так называемые глиняные блюда. Обычно это невысокие глиняные плоскодонные емкости подпрямоугольной,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития» и гранта № AP05132595 Министерства образования и науки Республики Казахстан «Изучение и документирование культурных ландшафтов Центрального Казахстана с применением современных технологий и междисциплинарных методов».

² 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. Уральский федеральный университет, д.и.н., проф. Адрес электронной почты: Olga.Korochkova@urfu.ru.

³ 100028, Республика Казахстан, Караганда, ул. Университетская, д. 28. Карагандинский государственный университет, н.с. Адрес электронной почты: Emmadervish2004@mail.ru.

редко овальной или квадратной формы, с невысокими бортиками, которые по углам нередко оформлены своеобразными защитами-ушками.

Блюда (более 50 экз.) являются принадлежностью погребального инвентаря фёдоровских курганов / оград в лесостепном Зауралье и степном Притоболье. В комплексах восточного ареала андроновской общности они не известны. При этом блюда сопровождают далеко не все фёдоровские погребения, которые, в свою очередь, обладают ярко выраженными особенностями на фоне синхронных им алакульских погребений. Их отличают: тотальная кремация умерших, малое количество погребений в каменных оградах, которые не подвергались намеренному проникновению, высокая трудозатратность. Добавим к этим ритуальным особенностям отсутствие «чистых» фёдоровских могильников и поселений. Все эти признаки соответствуют определенному статусу носителей фёдоровских традиций в иерархии общества того времени, археологически представленного комплексами алакульского и фёдоровского типа. Глиняное блюдо в составе минималистического по своему вещевому набору погребального инвентаря предлагаем рассматривать в качестве принципиально важного символа-предмета — модели повозки.

Интерпретация блюда как модели повозки основывается на общей стилистике образа повозок, широко представленных в погребальной обрядности культур эпохи бронзы Центральной Европы, и соответствует универсальной практике замены трудоемкого церемониала помещения в погребения реальных повозок лаконичными предметными символами.

В рамках андроновской общности, сложившейся к середине II тыс. до н. э. в степном и лесостепном поясе от Урала до Енисея, именно фёдоровский культурный компонент является транскультурным, что является показателем высокого уровня мобильности его носителей. В результате движения с исходной территории, взаимодействия с многочисленными и разнообразными локальными культурами в процессе освоения лесостепного Зауралья, Тоболо-Иртышья, Приобья, Минусинской котловины оказались утраченными многие прежде значимые материальные символы погребальной обрядности, в том числе и обсуждаемые нами глиняные модели. Примечательно, что они обнаружены в фёдоровских комплексах, локализованных в части андроновского ареала, совпадающего с территорией предшествующих синташтинской и петровской культур с характерными для них символическими практиками «колесничного комплекса».

Исчезновение «темы пути» из погребальных текстов андроновских комплексов восточной зоны объясняется окончательным завершением процессов колонизации, лимитированных ландшафтно-климатическими условиями. В начале бронзового века технологические инновации, прежде всего металл и колесный транспорт, коренным образом изменившие мировосприятие человека, вызвали необходимость формирования новых мировоззренческих адаптаций. На первых порах они носили характер экспрессивных символических практик в виде отчуж-

дения большого количества металла в сакральную сферу, возведения трудозатратных погребальных сооружений («колесничий комплекс») и укрепленных поселений сложной планировки (типа Синташта — Аркаим), обильных жертвоприношений животных, изготовления объемных ювелирных женских гарнитуров и др. Однако по прошествии времени инновации эпохи бронзы приобрели черты освоенных практик и не нуждались в трудоемкой ритуальной поддержке.

Глиняная модель транспортного средства, скорее всего, символизировала высокий статус умершего человека и соотносилась со знаком «пути», предметно воплощая его деятельную позицию и социальную мобильность.

Красноярская археологическая культура

П. В. Мандрыка¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.85-87>

Название «красноярская культура металла» предложено Г. Мергартом (*Мергарт*, 1923); им же (*Merhart*, 1926) и В. Г. Карцовым (*Карцов*, 1929) даны первые ее характеристики. Дальнейшие открытия, обработка материалов памятников и их интерпретации проводились рядом исследователей (*Рыгдылон*, 1955; *Киселев*, 1951; *Максименков*, 1961; *Членова*, 1972; *Черных*, *Кузьминых*, 1989; *Новых*, 2010; *Тимошенко*, *Савельев*, 2013; *Макаров*, 2016; *Мандрыка*, *Сенотрсова*, 2017; и др.). Однако до сих пор единого мнения о конкретном содержании культуры не сложилось, что вызывает и ее противоречивые датировки.

В понятие «красноярская археологическая культура» следует включать памятники позднего (финального) периода бронзового века Красноярско-Канского лесостепного района, сопоставимые и связанные с поздними вариантами карасукоидных культур — поздним этапом карасукской культуры Минусинской котловины, каменоложской культурой. Датировка красноярской культуры должна определяться периодом возможного проникновения карасукских традиций на северную периферию южных степей, т. е. не ранее XIII в. до н. э. и не позднее VIII–VII вв. до н. э.

Погребальные комплексы — Ладейки, Дрокино, Усть-Мана, Верхняя Подъемная, Большая Камала, Попиха, Нефтепровод-2. Захоронения грунтовые, погребенных людей укладывали в вытянутой на спине позе, головой на запад. Скелеты принадлежали монголоидам.

Поселения представлены стоянками открытого типа, из них раскапывались Усть-Собакино, Дрокино-2, Сосны-2, Нефтепровод-2 и др. Жилища неизвестны,

¹ 660041, Россия, Красноярск, Свободный пр., д. 79.

Сибирский федеральный университет, лаборатория археологии, зав. лаб., д.и.н.
Адрес электронной почты: pmandryka@yandex.ru.

они, скорее всего, наземного типа. Изучены две бронзолитейные площадки, на которых переплавка бронзового лома проводилась в керамических чашах на открытом костре с использованием каменных литейных форм. Среди находок преобладают изделия из мышьяковой бронзы.

Характерный инвентарь культуры — это бронзовые поясковые кельты, изогнутые цельнолитые и вкладышевые ножи с костяными или роговыми рукоятками, зажимные копья. Из украшений распространены бронзовые лапчатые подвески, трубчатые пронизки и пастовые бусины. Сохраняется развитая каменная индустрия. Отмечены кремневые наконечники стрел удлинненно-треугольных форм, вкладышевые сегментовидные ножи, «языковидные» скребки, проколки на отщепах, скобели, ложила, отбойники, абразивы.

Керамические сосуды круглодонные и плоскодонные с отогнутым наружу венчиком и раздутым туловом. На некоторых отмечается выбивка колотушкой, как гладкорубчатой, так и обвитой шнуром. Керамика украшалась наколами ногтя, палочки, оттисками гребенки, также отмечаются наlepные валики, ногтевые зашпы, прочерченные линии, ямки и «жемчужины». Среди мотивов имеются горизонтальный и вертикальный зигзаг, заштрихованные треугольники, квадраты и ромбы. Орнамент локализован преимущественно в верхней трети сосуда. В комплексах известны сосуды-дымокуры с прямоугольными и языковидными наlepными ушками. В коллекции имеются керамические сосуды, которые обладают рядом признаков «атипичной» керамики этапов I-б и II карасукской культуры (Лазаретов, Поляков, 2008. Рис. 3; 5), датированных XIII–XI вв. до н. э.

Остеологические материалы указывают на занятия обитателей стоянок косторезным делом, охотой, рыболовством. Свидетельства о занятии скотоводством косвенные.

Таким образом, красноярская археологическая культура входила в круг культур карасукского облика, при этом была самобытна за счет сохранения традиций местного лесостепного населения предшествующего времени.

Литература

- Карцов, 1929 — Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Отдел археологический. Описание коллекций и материалов музея. Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929. 58 с.
- Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 644 с.
- Лазаретов, Поляков, 2008 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в эпоху бронзы / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Макаров, 2016 — Макаров Н. П. Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 94–97.

- Максименков, 1961 — Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярск // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока; Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март. 1960 / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Наука, 1961. С. 301–315.
- Мандрыка, Сенотрусова, 2017 — Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Красноярская археологическая культура: историография и современное состояние // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: Материалы Междуна. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930) / Отв. ред. А. С. Вдовин, Н. П. Макаров. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2017. С. 74 – 81.
- Мергарт, 1923 — Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия КОРГО. Красноярск, 1923. Т. III. Вып. 1. С. 29–36.
- Новых, 2010 — Новых Л. В. Компоненты и символы Красноярской культуры эпохи поздней бронзы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конф., Томск, 19–21 мая 2010 г. / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 220–223.
- Рыгдылон, 1955 — Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярск // КСИА. 1955. № 60. С. 129–135.
- Тимощенко, Савельев, 2013 — Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 5. С. 19–27.
- Черных, Кузьминых, 1989 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Членова, 1972 — Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 250 с.
- Merhart, 1926 — Merhart G. Die Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Verlag von Anton Schroll, 1926. 189 S.

К вопросу о датировке бронзовых ирменских долот

С. А. Ковалевский¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.87-89>

В настоящее время в материалах ирменской культурно-исторической общности (в традиционном понимании культуры. — С. К.) известно несколько бронзовых долот. Три из них, согласно классификации Н. А. Аванесовой (Аванесова, 1991. С. 34–35), по технике изготовления насада относятся к единому типу литых втульчатых желобчатых долот. Они подразделяются на 2 варианта: вариант 1 — гладковтульчатые желобчатые долота. Сюда относятся экземпляры из поселений Фирсово-XVIII (Федорук и др., 2008. Рис. 13, 5) и Исток (Бобров, 2010. Рис. 2, 1); вариант

¹ 650000, Россия, Кемерово, ул. Весенняя, д. 28. Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва, кафедра истории, философии и социальных наук, зав. каф., д.и.н., доцент. Адрес электронной почты: koval71@mail.ru.

2 — желобчатые долота с валиковым утолщением по втулке. Представлен изделием из материалов поселения Торопово-VII (*Илюшин, Борисов, 2016. Рис. 1, 2*).

Отдельным типом являются цельнолитные втульчатые долота с клиновидной (копьевидной) рабочей частью из поселений Ирмень-I (Грязнов, 1953. С. 41) и Люскус (*Бобров, 1979. С. 48*).

Н. А. Аванесова соотносит литые втульчатые желобчатые долота с материалами андроновской культурно-исторической общности, предполагая, что они возникли раньше экземпляров с валиковым утолщением втулки и бытовали в памятниках фёдоровского времени в пределах XIV–XII вв. до н. э. Последние же называются одним из самых характерных типов позднего бронзового века, распространенных на территории Евразии. Появление валика на втулке долот, по ее мнению, является хронологическим индикатором, позволяющим датировать их XIII(XII)–IX вв. до н. э. (*Аванесова, 1991. С. 35*).

Для ирменских гладковтульчатых долот наиболее близкая аналогия происходит из поселения Большой Лог-1, где такое же бронзовое изделие было найдено в слое с валиковой керамикой, перекрывающей андроновскую (*Кирушин, Лузин, 1990. С. 53*).

А. Д. Дегтярева и Ю. В. Костомарова считают, что желобчатые долота с валиковым утолщением втулки были широко представлены в памятниках III фазы ЕАМП многочисленной серией находок как самих изделий, так и литейных форм. Исследователи отмечают, что на территории Восточной Европы они известны в материалах поселений срубной, кобанской культур, древностях белозерского типа, заводовско-лобойковского и кардашинского очагов металлообработки. Восточнее Урала наибольшее их количество отмечается для памятников алексеевско-саргаринской культуры, хотя известны они и в черкаскульских древностях (*Дегтярева, Костомарова, 2011*).

По наблюдению С. М. Ситникова, гладковтульчатые желобчатые долота и долота с валиковым утолщением по втулке сосуществовали в материалах саргаринско-алексеевской культуры (*Ситников, 2015. С. 50–52*). Аналогичный вывод сейчас уже можно сделать и по материалам ирменской культурно-исторической общности.

Что касается цельнолитных втульчатых долот с клиновидной (копьевидной) рабочей частью, то, по замечанию В. С. Бочкарёва, они были преимущественно распространены в Южной Сибири и Центральной Азии. Он полагает, что такие долота существовали сравнительно длительное время. Они появились в культурах с валиковой керамикой и вышли из употребления в раннем железном веке (*Бочкарев, 2008*). В Южной Сибири ближайшей аналогией является долото из корчажкинского могильника Осинки, который Н. Л. Членова (1994. С. 36) считала одним из самых ранних памятников ирменской культуры.

Литература и источники

Аванесова, 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во Фан УзССР, 1991. 200 с.

- Бобров, 1979 — Бобров В. В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КГУ, 1979. С. 47–59.
- Бобров, 2010 — Бобров В. В. Ирменский комплекс памятника Исток // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т. Н. Троицкой) / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 30–39.
- Бочкарев, 2008 — Бочкарев В. С. Знаменская находка // АВЕС. 2008. Вып. 6. С. 245–252.
- Грязнов М. П. Отчет об археологических работах Новосибирской экспедиции в зоне затопления Новосибирской ГЭС в 1953 году. НОА ИА РАН. Р. I, № 920.
- Дегтярева, Костомарова, 2011 — Дегтярева А. Д., Костомарова Ю. В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притобья // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2011. № 1 (14). С. 30–45.
- Илюшин, Борисов, 2016 — Илюшин А. М., Борисов В. А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. А. А. Тишкин, В. П. Семибратов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. Вып. 22. С. 104–109.
- Кирюшин, Лузин, 1990 — Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Поселение Большой Лог-I — новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 42–56.
- Ситников, 2015 — Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 254 с.
- Федорук и др., 2008 — Федорук А. С., Шамшин А. Б., Папин Д. В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. С. 125–143.
- Членова, 1994 — Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.

К проблеме генезиса оленных камней монголо-забайкальского типа

В. А. Кисель¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.89-91>

Началом формирования монголо-забайкальского типа оленных камней, очевидно, являются отдельные скальные обломки, плиты и валуны, покрытые однотипными петроглифами. Выбитые рисунки представляли собой стилизованных лежащих оленей с клювовидными мордами, размещенных один над

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ст. хранитель, к.и.н. Адрес электронной почты: kisel@kustkamera.ru.

другим по диагонали (Савинов, 1994. С. 81, 141). Стилистически фигуры оленей продолжали петроглифическую традицию Монголии и Центральной Азии. Эти мегалиты появились около XIV–XIII вв. до н. э. и служили тотемными памятниками, устанавливавшимися на святилищах. Они были прочно связаны с жертвоприношениями (Новгородова, 1989. С. 216, 308; Савинов, 1994. С. 150, 153–154, 156–157; Волков, 2002. С. 16; Дэвлет, 2009. С. 182). Очевидно, в то время важнейшей жертвой выступал взрослый олень-самец.

Появление таких объектов было связано с выделением из племенных (демократических) культовых центров узкосоциальных (элитарных) святилищ (Савинов, 1994. С. 153; Ольховский, 2005. С. 88–89). Если старые места отправления культов размещались в горных местностях и маркировались наскальными петроглифическими композициями, то новые капища освоили другие территории и отмечались более мобильными памятниками. Элитарные святилища стали сооружаться в степных районах и оформляться камнями с фигурами оленей, служившими не только важным конструктивным элементом, но и выступавшими посредником-медиатором, который поддерживал связь между мирами людей и небожителей (Савинов, 2016. С. 136).

Степные капища, по всей видимости, оформлялись не только скальными обломками и валунами, но и деревянными столбами, нередко обвешанными предметами вооружения, личинами / масками или украшенными рисунками вещей. Эти столбы могут вести происхождение от «антропоморфных» конструкций из жердей с висящим оружием и полотнищами, принадлежавших окуневской культуре (Рыддылон, 1959. Табл. XIII; Савинов, 2004. Рис. 1, 2, 4), или от широко распространенных каменных и деревянных колонн, стел с личинами, нередко увешанных либо разрисованных различными предметами (Кагаров, 1913. С. 184; Фрэзер, 1983. С. 11, 116–127, 157–159, 328, 331–332, 356–357, 363; Печурина, 2015. С. 206, 208–214).

Достаточно быстро оба типа памятников слились в новый объект — каменные стелы столбообразной формы, декорированные синтетическими композициями. В композициях искусственно соединились семантически разные образы — священные олени и знаковые атрибуты воина-колесничего (оружие, элементы костюма). Изобразительная доминанта не изменилась; как и раньше, тон задавала вереница лежащих оленей, устремленных вверх.

Сформировавшийся «антропоморфный» вариант — модель воина-колесничего — внешне остался тем же ритуальным столбом / плитой с рисунками животных, но отмеченный воинскими атрибутами, а в редких случаях увенчанный маской. При этом памятник, вероятно, обогатился дополнительными семантическими значениями: апотропией, источник магической силы, олицетворение плодородия. В то же время на святилищах поменялась жертва. Теперь главным подношением стала лошадь, которую по случаю могли заменить бык или верблюд (Волков, 2002. С. 16; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 103–104; Ковалев и др., 2014. С. 45, 47, 50). Все это, несомненно, указывает на идеологические перемены в обществе создателей оленных камней монголо-забайкальского типа.

В дальнейшем монголо-забайкальский тип испытал воздействие со стороны оленных камней евразийского типа. Иллюстрацией служат памятники с атрибутами монголо-забайкальского типа, но без фигур оленей, либо обычные монголо-забайкальские стелы с характерным элементом евразийского типа — наклонными линиями (от одной до пяти), выбитыми на месте личин. Должно быть, в этом случае сказалась не трансформация культуры, а влияние другого этноса.

Таким образом, генезис оленных камней монголо-забайкальского типа демонстрирует сложный путь ритуального объекта от каменного блока с выбитыми изображениями стилизованных оленей до столба / плиты — модели воина.

Литература

- Волков, 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Дэвлет, 2009 — Дэвлет М. А. Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М.: ИА РАН, 2009. 216 с.
- Кагаров, 1913 — Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 327 с.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007 — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 99–105. (Тр. САИПИ. Вып. III).
- Ковалев и др., 2014 — Ковалев А. А., Рукавишникова И. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 41–54.
- Новгородова, 1989 — Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Ольховский, 2005 — Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Печурина, 2015 — Печурина О. А. «Майский шест»: синтез мифа, танца и технологии плетения // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике: Сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 206–220.
- Рыгдылон, 1959 — Рыгдылон Э. Р. Писаница близ озера Шири // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 186–202.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов, 2004 — Савинов Д. Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 246–254.
- Савинов, 2016 — Савинов Д. Г. Некоторые актуальные аспекты изучения проблемы оленных камней // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 123–143.
- Фрэзер, 1983 — Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДВИЖНЫХ И ОСЕДЛЫХ СКОТОВОДОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Сверхдлинные мечи ранних кочевников Евразии

Д. А. Топал¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.92-94>

Деление между размерными группами клинкового оружия условно, и, вероятно, граница между ними может варьировать от эпохи к эпохе. Что касается скифского вооружения, такие определения, как «короткий меч», «кинжал», «акинак», в литературе часто являются взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми понятиями. Термин «акинак», вне зависимости от его этнокультурного наполнения (персидского, скифского или общеиранского), авторами энциклопедических словарей изначально определялся как «короткий меч», «кинжал», «короткая сабля». Такое определение актуально для большей части акинаков VII–IV вв. до н. э., однако в действительности представления ранних кочевников о длине своего оружия намного более разнообразны.

Анализ более 2000 предметов (1419 целых форм и 612 реконструируемых) с территории Евразии позволяет выделить серию «сверхдлинных» мечей с лезвием более 70 см, а их распространение охватывает практически все регионы «скифо-сибирского мира», за исключением Китая, Памира и Минусинской котловины на востоке и Центральной Европы на западе (**рис.**).

Самые ранние скифские сверхдлинные мечи связаны с территорией Кавказа. Один из этих мечей обнаружен в Закавказье, на цитадели Кармир-Блур, погибшей не позднее середины VII в. до н. э., другой найден в разрушенном могильнике Саук-Дере в Западном Закубанье. Примечательно, что один из двух сверхдлинных мечей предскифского времени также был связан с Кавказом и обнаружен в элитном протомеотском захоронении в окрестностях Майкопа второй половины VIII в. до н. э. Следующий по времени этап — среднескифский — включает мечи

¹ MD-2012, Republica Moldova, Chişinău, 31 August 1989 St. 121A. Национальный музей истории Молдовы, с.н.с., PhD. Адрес электронной почты: denis.topal@gmail.com.

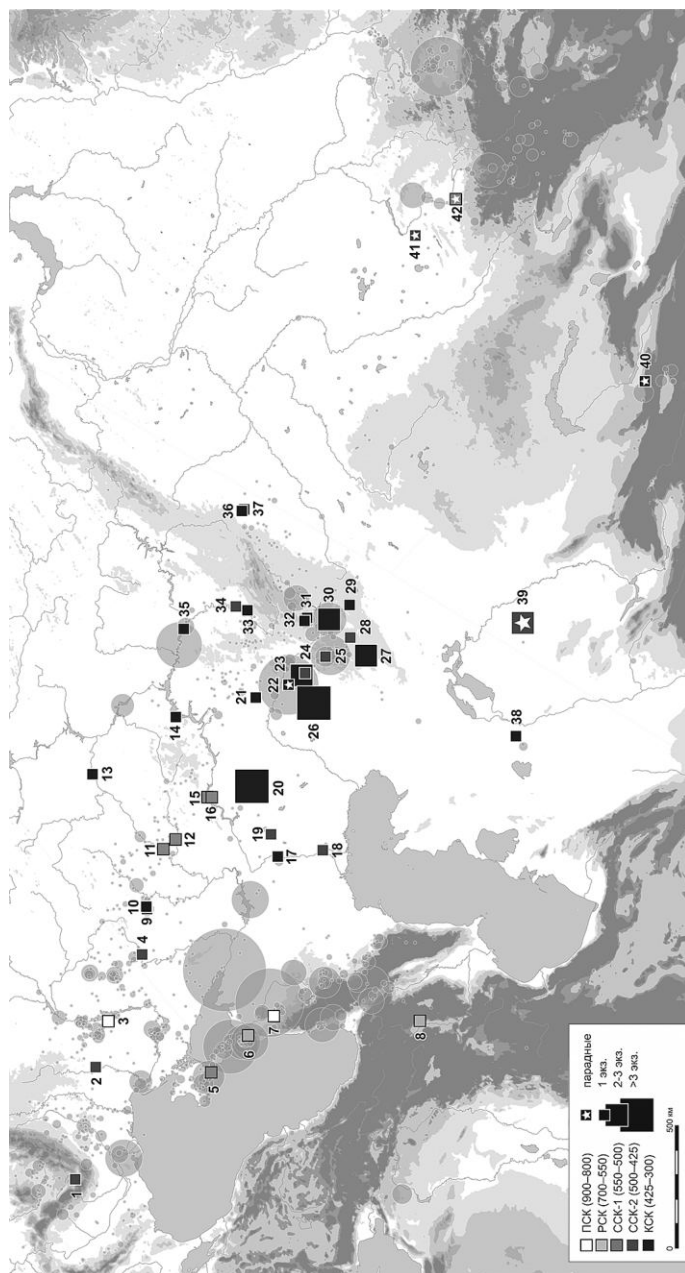

Рис. Распространение мечей в Евразии. 1 — Доболлий-де-Жос (Альдобой); 2 — Молдав; 3 — Суботов; 4 — Чулуев; 5 — Изюмов; 6 — Сук-дере; 7 — Улык; 8 — Кривир-Блур; 9 — Дуровк; 10 — Русская Тростянка; 11 — Шпикулово; 12 — Инясево; 13 — Муром; 14 — Ульяновск; 15 — Суртов; 16 — Покровский могильник (Энгельс); 17 — Брнов; 18 — Комсомольский; 19 — Сухин; 20 — Новоузенск; 21 — Любимовк; 22 — Филипповк; 23 — Мечетский; 24 — Пятимырь; 25 — Н. Горное (Сржнск); 26 — Лебедев; 27 — Урк; 28 — М. Тевек (Жрбук); 29 — Ушкты; 30 — Новый Кумк (Орск); 31 — Яковлевк; 32 — Ивновк; 33 — Курмант; 34 — Акбердино; 35 — Пляный (Кривой бор); 36 — Огневское; 37 — Усть-Кривой; 38 — Кривой; 39 — Южный Тискен; 40 — Иссек (Есик); 41 — Ключи; 42 — Новобинк

VI в. до н. э. из разрушенного кургана в Крыму под Изюмовкой, Покровского могильника под Саратовом и случайные находки в лесостепи между Волгой и Доном. С этим периодом связан и меч из кургана Новобинка из степного Алтая с навершием, украшенным золотом. В конце среднескифского периода, или в начале V в. до н. э., сверхдлинные мечи достигают своего самого широкого распространения и появляются в румынских Карпатах, Причерноморской лесостепи, Нижнем Поволжье, Урале, Приаралье и на Алтае. Тем не менее основная масса находок (около 60 %) относится к классическому скифскому периоду (последняя четверть V — конец IV в. до н. э.), главным образом связана с территорией Урала и представлена мечами «переходного типа».

Находки сверхдлинных мечей явно показывают разницу между т. н. Европейской и Азиатской Скифиями — различия касаются хронологии, контекста статуса предмета. Например, к западу от Волги сверхдлинные мечи почти исчезают с началом классического периода, а на востоке — продолжают сопровождать погребальные комплексы. Возможно, это связано с тем, что они становятся известными в европейском ареале намного раньше. В Европе находки сверхдлинных мечей носят преимущественно случайный характер, в то время как в Азии они четко увязываются с погребальными комплексами; кроме того, азиатские мечи (4 из 6) часто декорированы драгоценными металлами. С другой стороны, европейский регион, с его избытком парадных мечей во время «золотого безумия» в классический период, не демонстрирует связи между избыточной длиной мечей и их престижным статусом. Однако это не исключает культовой функции сверхдлинных мечей в этих сообществах, где, согласно Геродоту, «старый железный меч» был воплощением бога войны.

К вопросу о назначении тагарских колоколовидных наверший¹

А. В. Субботин²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.94-96>

В числе памятников, раскопанных Сибирской экспедицией в Шарыповском районе, был исследован один курган в группе из 35 насыпей, получившей по ре-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2009-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: asubbotin@mail.ru.

результатам паспортизации наименование «могильник Листвяжный». Памятник находится между деревнями Парная и Косые Ложки. Курган был самым крайним западным в могильнике, и ему угрожало разрушение при расширении автодороги. В 1982 г. на этот курган обратил внимание С. Б. Гультов, который обнаружил на одной из восточных плит ограды выбитые в точечной технике изображения трех птиц и человека. Он подробно описал петроглифы, но не опубликовал сами изображения (Гультов, 1984).

В процессе раскопок, которые были проведены в 1988 г., выяснилось, что под десятикаменной насыпью были сооружены три крупные сарагашенские могилы, расположенные цепочкой по линии север–юг в ограде размерами 17×17 м.

Все могилы были многократно ограблены. Деревянные покрытия всех могил были сильно разрушены. В могиле 1 обнаружена человеческая челюсть, а в могиле 3 — несколько ребер. В заполнении могил 2 и 3 зафиксированы следы тризн — скопления костей животных. Под одним из скоплений найдены хорошо сохранившиеся железные нож и проколка, которые вряд ли относятся ко времени сооружения могилы 3. На дне двух могил обнаружены фрагменты сосудов, во всех могилах встречены пластинки золотой фольги (могилы 1 и 3) и две золотые полусферические бляшки (могила 2). На дне всех могил находились сильно потревоженные срубы в один венец.

Наиболее важными находками явились пять колоколовидных наверший, из которых три были найдены в могиле 1 и два — в могиле 3. Основной интерес представляет их расположение. Три массивных и тяжелых, практически не покрытых патиной навершия были обнаружены под остатками деревянного покрытия могилы 1 строго в углах сруба, а два других, более мелких, — в диагонально противоположных углах сруба могилы 3. Ни те, ни другие не были увенчаны фигурками баранов. По форме и размерам первые представляли собой конус на цилиндре диаметром 7 см, вторые имели вид полусферы на цилиндре диаметром 5,5 см. Все навершия были снабжены отверстиями в нижней части для крепления на деревянное древко, торцы которых сохранились в трех из них.

По форме три навершия из могилы 1 близки подобным изделиям из кургана 18 могилы 2 могильника Тисуль (Мартынов, 1972. Табл. 168; 170) с той лишь разницей, что на тисульских навершиях сверху припаяны (?) фигурки баранов. Учитывая абсолютно те же размеры этих предметов, можно допустить изготовление тех и других серий наверший в одной отливке одним мастером. Два других навершия из могилы 3 морфологически обнаруживают сходство с двумя навершиями из кургана Тигей (Седых, Марсадолов, 2009).

Химический анализ бронзы был проведен С. В. Хавриным. Он показал, что все навершия выполнены из оловянной бронзы. Навершия из могилы 1 схожи по набору примесей, но количество олова в них разнится: в двух — 10–12 %, в третьем — 19–21 %. Содержание олова в навершиях могилы 3 значительно ниже — 6–7 %.

Можно с большой долей вероятности считать, что все навершия находились на своих местах *in situ*, так как именно в углах могил сохранились надежно за-

крывавшие их от грабителей остатки разрушенных деревянных перекрытий и срубов. Отсюда вытекает, что они являлись завершением угловых стоек погребального ложа, конструкцию которого удалось тщательно и убедительно проследить при раскопках и реконструировать в публикации Э. Б. Вадецкой в исследованном ею кургане из могильника Тесь I (*Вадецкая*, 1975).

Учитывая наличие в могилах золотой фольги, достаточно редких наверший, а также петроглифических изображений на плитах ограды, становится ясно, что курган явно не принадлежал к числу рядовых. В этом случае остается только сожалеть, что могилы были столь «тщательно» многократно ограблены.

Литература

- Вадецкая*, 1975 — *Вадецкая Э. Б.* Тагарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 167–175.
- Гультов*, 1984 — *Гультов С. Б.* Изображения на плитах тагарских курганов Ачинской лесостепи // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докладов [второй археологической конференции по проблемам скифо-сибирского мира. 3–6 апреля 1984 г.] / Отв. ред. Б. Н. Пяткин. Кемерово: б. и., 1984. С. 22–23.
- Мартынов*, 1972 — *Мартынов А. И.* Тисульские курганы // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1972. Вып. 4. С. 97–103.
- Седых, Марсадалов*, 2009 — *Седых В. Н., Марсадалов Л. С.* О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 101–110.

Новые материалы о раскопках кургана № 24 в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия)¹

Н. А. Сутягина², Н. Ю. Смирнов³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.96-99>

В истории изучения ноин-улинских курганов особое место занимают раскопки кургана № 24, проведенные С. А. Теплоуховым и Г. И. Боровкой, которые были командированы в Монголо-Тибетскую экспедицию осенью 1924 г. Выбранное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005; Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005.

² 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел Востока, н.с., хранитель. Адрес электронной почты: na.sutiagina@gmail.com.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

для исследования захоронение занимало самую северную позицию в центральной группе Суцзуктэ и замыкало одну из условных «цепочек», при этом значительно уступало по размерам соседним погребениям⁴. Сведения о погребальном обряде этого кургана скупы: краткая информация о раскопках была опубликована одним из авторов полевых исследований, а затем включена в монографию С. И. Руденко и публикации Ю. И. Елихиной (*Теплоухов*, 1925. С. 14–18; *Руденко*, 1962. С. 9–12; *Елихина*, 2015. С. 81–83; 2017. С. 229–288).

Комплексный анализ предметов музейной коллекции и архивных документов дает возможность существенно расширить представление об этом погребении. В полевых дневниках С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки⁵, хранящихся в архиве Российского этнографического музея, подробно описаны и зарисованы детали наземной конструкции и внутреннего устройства могильной ямы, деревянной гробницы, приводится опись находок (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58, 60, 63, 64, 148). Полевые записи позволяют интерпретировать фотографии из архивных собраний как этапы и отдельные участки раскопок кургана № 24 (НА ИИМК РАН. ФО. О. 1245/18–20, 22–31, 33–53; НА ИИМК РАН. ФО. О. 246/ 16–33). Сравнительный анализ полевых описей, учетно-хранительской документации разных учреждений и маркировок на музейных экспонатах дает возможность провести верификацию комплекса сопроводительного инвентаря, восстановить расположение предметов внутри гробницы и определить функциональное назначение некоторых вещей (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 52–61; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 68. Л. 34, 45–48; АГЭ, Ф. 1. Оп. 5. Д. 1789(78) 1934 г. Л. 111–116).

Благодаря сохранившимся документам можно дополнить ранее известное описание погребальной конструкции кургана № 24 важными подробностями. Четырехугольная ограда кургана сделана из камней, уложенных по периметру насыпи в два-три слоя двумя-тремя рядами. Наиболее крупные камни были вдавлены в землю, а пространство между ними заполнено щебнем. Толщина и высота ограды составляла 0,7–0,75 м. Контур дромоса также выложен большими камнями. Две перпендикулярные перегородки разделяли пространство могильной ямы на сектора. «Вход» в дромос был засыпан камнями. По периметру могильной ямы зафиксированы четыре ступени, ширина которых различалась в пределах 1,6–2,3 м, а глубина — 1,1–1,4 м. Могильная яма завершалась шахтой с отвесными стенками, глубина которой составляла не более 2,5 м. Погребальная конструкция была установлена на подсыпку из щебня и серого грунта. Деревянная

⁴ Каменная ограда имеет вытянутые пропорции (14×16 м), длина дромоса составляет 12 м. Деревянная гробница была установлена на глубине около 9 м.

⁵ Полевые дневники С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, фиксирующие этапы раскопок кургана № 24, долгое время считались утраченными. В 2020 г. в рамках работы в АРЭМ по указанному выше проекту их удалось выявить среди архивных материалов С. А. Теплоухова и переатрибутировать Н. Ю. Смирнову.

гробница этого кургана отличается меньшим количеством опорных столбов и балок, стены конструкции возведены на разную высоту, под гробом найдена одна подгробная доска. На полу внешнего сруба и внутренней камеры собраны зерна растений, а в северо-восточном углу сруба кости животных.

Большинство находок было обнаружено во внутренней камере деревянной гробницы. Для некоторых предметов коллекции удалось установить их местоположение. В восточном «коридоре» и к востоку от гроба зафиксированы покрытые темным лаком спицы зонта, некоторые из которых сохранились на всю длину. Иных деталей колесницы здесь не найдено. Фрагменты керамического сосуда лежали в северо-восточном углу внешнего сруба. На основании учетной документации удалось установить, что к комплексу кургана № 24 относятся деревянное корыто с носиком-сливом, деревянные донца и крышки емкостей, две фигурные ножки. Вместе с покрытыми лаком предметами (мелкие фрагменты шкатулки и лаковой чашечки) их части собраны преимущественно во внутренней камере, под гробом и вокруг него.

На полу камеры найдены остатки войлочного ковра и фрагменты однотонного и вышитого шелка в форме треугольников и четырехугольников, связанные с оформлением гробницы. Согласно данным полевого дневника Г. И. Боровки, поверхность стен и колонн были украшены тканью (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 28об., 30об., 31об.). Золотые фигурные украшения гроба лежали вокруг него, а позолоченная ручка для его переноски обнаружена под ним.

Анализ найденных в кургане № 24 останков позволил С. А. Теплоухову предположить, что здесь была похоронена женщина (Теплоухов, 1925. С. 18). Позднее М. П. Грязнов, повторно изучив материалы, сделал заключение о принадлежности останков двум индивидам: женщине 40–50 лет и индивиду юношеского возраста (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 51–52, 79; Сутягина, 2020. С. 334–335).

Литература и источники

- Елихина, 2015 — Елихина Ю. И. Раскопки С. А. Теплоухова кургана № 12(24) в Ноин-Уле // Б. Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века. СПб.; Улан-Батор, 2015. С. 79–91.
- Елихина, 2017 — Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926. Улаанбаатар, 2017. 368 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.
- Сутягина, 2020 — Сутягина Н. А. Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // Археологические вести. 2020. Вып. 30. С. 331–342.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.

- АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1789 (78). 1934 г.: Акты и переписка о поступлении в Эрмитаж музейных предметов на постоянное хранение. Т. 1.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 178: Черновики актов по кол. Ноин-Улы с 18/I по 3/II 1934 г.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58: С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Бокулей и Кудара.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60: С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Тубы.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63: С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Монголии.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64: С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в [районе Монголии]. Ч. II.
- АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148: С. А. Теплоухов. Дневник археологических раскопок в районе Ноин-Ула (Монголия).
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41: О Козловской коллекции из раскопок в Монголии (Смета и план работ, докладные записки об очистке, реставрации, консервации и изучении и протоколы заседаний).
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 68. О передаче в Академию коллекций, добытых экспедицией П. К. Козлова в Монголии. Опись вещей, отчеты С. Теплоухова и С. Кондратьева, протоколы, переписка и акты.
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 246: Фонд Монгольской экспедиции. Академия наук СССР.
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 1245: Фонд Монгольской экспедиции Академия наук СССР.

Перспективы разделения хуннского и сяньбэйского культурного комплекса¹

В. Б. Трубникова²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.99-103>

Выделение культурных маркеров сяньбэй является важнейшей задачей, стоящей перед исследователями хунно-сяньбийского времени. Основная трудность заключается в ограниченном числе памятников, которые не формируют единую устойчивую традицию. Одновременно с этим хронологическая и территориальная

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, м.н.с. Адрес электронной почты: barbarera@gmail.com.

близость сяньбэйских памятников с хуннскими, а также некоторая схожесть отдельных элементов обряда и вещественного комплекса задают определенный скепсис в полемике о разделении хуннского и сяньбэйского компонентов.

Анализ сяньбэйских памятников и их дифференциация на локально-хронологические группы позволили выделить раннюю группу памятников сяньбэй на северо-востоке Внутренней Монголии в Хулун-Буире — 11 памятников в радиусе 100 км (*Чэнь Даохун*, 1982; *Го Чжичжун*, 1986; *Чжао Юэ*, 1990; *Сяо Хайсинь*, 1997; *Чжао Юймин*, 1997, 2015; *Чэнь Фэншань и др.*, 2004). Эта группа, с одной стороны, имеет наиболее яркие самобытные компоненты, с другой стороны, именно этот пласт памятников оказался особенно восприимчив к хуннским заимствованиям.

Погребальный обряд для памятников этой группы разнообразен: в рамках одного могильного поля с упорядоченными рядами грунтовых могил могут встречаться разные способы их устройства: в глубоких ямах до 3,6 м (Лабудалинь М24; Чжалайно́р М27³) и неглубоких до 0,6 м (Лабудалинь М11), до 1 м (Чжалайно́р М29); с сооружением ступенек для устройства перекрытия ямы (Чжалайно́р М3; Лабудалинь М13; Могушань) или без них (Чжалайно́р М24; Лабудалинь М6); в деревянных гробах (Чжалайно́р М3002 — **рис., 2**; Лабудалинь) или без гробов (Цика; Туаньцзэ; Иминьчэжэнь; Ихэула — **рис., 1**); гробы прямоугольной формы (Лабудалинь М6); или трапецевидной с расширением к изголовью (Чжалайно́р М3010 — **рис., 3**); с устройством ступеньки над изголовьем для установки горшка или черепов жертвенных животных (Ихэула М2; Мэнгэньчулу М1; Туаньцзэ М4 — **рис., 4**); Чжалайно́р М3010) или без нее (Могушань; Цика; Лабудалинь М2); парные (Лабудалинь М17, М23; Чжалайно́р М8, М10) или одиночные. Обращает на себя внимание не только вариабельность типов погребений в рамках одного комплекса, но и их «плавающая» ориентировка на север, северо-запад и запад. Также важно отметить отсутствие хозяйственного отсека в изголовье. Общими признаками сяньбэйских могильников являются отсутствие наземных погребальных конструкций на уровне древней поверхности (за исключением Могушань) и забутовки могильной ямы камнями (за исключением Цика М3).

Керамический комплекс является одним из важных отличительных признаков для ранних сяньбэй. Сосуды выполнены ручной лепкой или с помощью поворотного столика, однако следов на дне не обнаружено. Многообразие форм представлено горшками, сосуда́ми с ручками, банками. Можно выделить несколько основных форм сосудов: 1) горшки с расширяющимся горлом (максимальный диаметр) и отогнутым венчиком (**рис., 7**); 2) горшки с расширением в средней части сосуда и прямой высокой горловиной (**рис., 5, 6**); 3) банки: низкие сосуды с прямыми толстыми стенками (**рис., 10**) и др. Сосуды «хуннского типа» с узким

³ Здесь и далее приведенные названия могильников с указанием номера конкретной могилы являются примерами, иллюстрирующими вариабельность погребального обряда; названия могильников без указания точной могилы свидетельствуют, что описанный признак характерен для всех исследованных погребений этого памятника.

горлом и отогнутым венчиком также встречаются, но их находки единичны (Иминьчэчжань М1; Ихэула М2; Лабудалинь М134). На сосудах разной формы встречаются различные варианты орнаментации. Самый частый мотив — полоска-налеп с косым рассеченным орнаментом под венчиком (Лабудалинь; Чжалайнор — **рис., 8**), другие вариации: налепы с насечками по плечам сосудов (Туаньцзе — **рис., 9**), косой штамп непосредственно на венчике (Цика; Эрдагоу — **рис., 10, 11**). Орнаментальные композиции преимущественно отсутствуют. Также в погребениях встречаются берестяные туески (**рис., 12**).

Инвентарный комплекс этой группы могильников небогат. Оружие представлено костяными накладками на лук (**рис., 13, 14**) и наконечниками стрел: железные стрелы с плоским сечением ромбовидной или листообразной формы (**рис., 15, 16**); костяные с треугольным и ромбовидным сечением (**рис., 17**). Обращает на себя внимание преимущественное использование костяных свистунков. Помимо этого, в могильниках нередко находки каменных ретушированных наконечников (**рис., 18, 19**). Почти отсутствуют элементы конской сбруи: опубликовано всего три экземпляра кольчатых удиц (Цика; Туаньцзе — **рис., 20**); почти отсутствуют распределительные обоймы и кольца. Пряжки, которые являются важным культурным признаком, представлены сяньбэйскими с единоголами и лошадыми и лишь отдельными находками хуннских экземпляров: с лебедями (Могушань М5), каменными прямоугольными (Чжалайнор). Также в погребениях была собрана коллекция каменных бусин и серег из проволоки (**рис., 21**), в частности с восьмеркообразными ушками-завитками, которые являются одним из сяньбэйских маркеров.

Краткий обзор демонстрирует ситуацию, когда определенная этническая группа, которую мы называем сяньбэй, вступила в контакты с хунну и частично переняла у нее комплекс традиций, отдельные предметы, сохраняя при этом свою идентичность, что демонстрируют керамический комплекс, пряжки и серьги. В пользу такой интерпретации материалов из Внутренней Монголии говорит обнаружение двух могильников, Эркэцзянь и Кулэцзянь, в Хэйлунцзяне (Цяо Лян, 2005; Zhang Wei, Wang Changming, 2007), восточнее территории рассмотренных могильников на расстоянии примерно 250–400 км, отделенных от них Большим Хинганским хребтом. В погребениях находят только сяньбэйскую керамику, также была обнаружена пластина типа саньлу (**рис., 22**), но одновременно отсутствовал хуннский компонент: керамика, набор стрел и накладки на луки. Внутри могильных ям отсутствовали конструкции, ориентировка преимущественно на северо-запад. Обнаружение этих памятников вписывается в концепцию восточной миграции сяньбэй и их контакта с хунну (или с населением, перенимавшим хуннские традиции?) в окрестностях оз. Далайнор.

Характер этих связей до сих пор неясен. С одной стороны, перенимание непосредственно элементов погребального обряда, который, как известно, является довольно устойчивым признаком, может демонстрировать постепенную

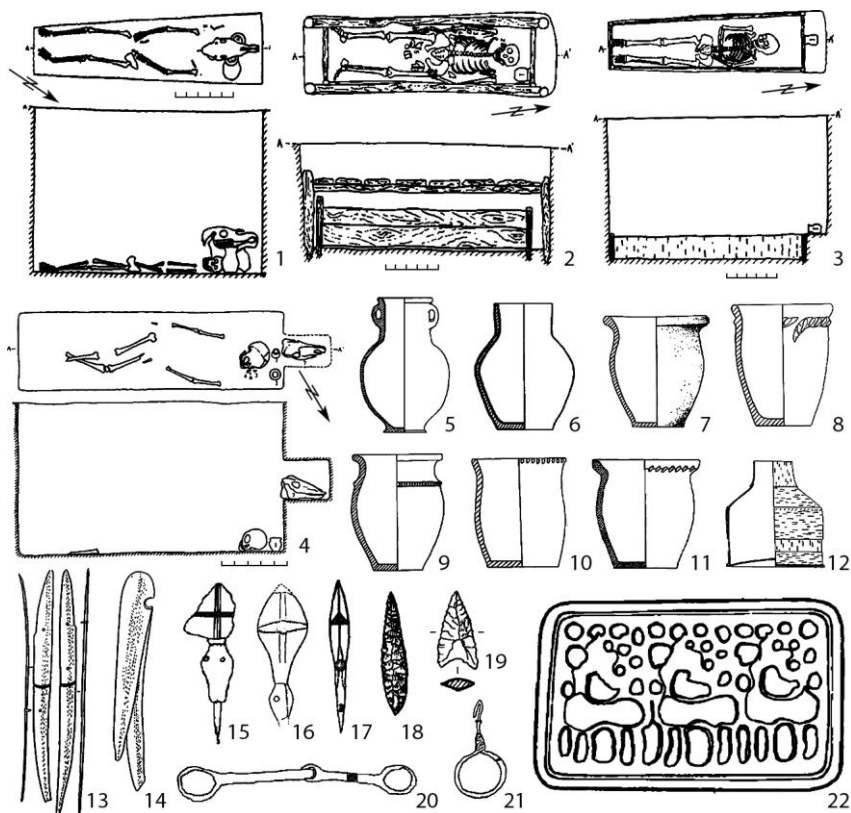

Рис. Рынные сяньбэй, Внутренняя Монголия. Погребения: 1 — Ихэул; 2, 3, 16 — Чжэньинор; 4, 9 — Туныцзе; 5, 6, 19, 22 — Эрхэцзянь; 7, 21 — Иминьчэжнь; 8 — Могушнь; 10 — Эрдоу; 11 — Цик; 12–14, 17, 18 — Лябуолин; 15, 20 — Цик. Погребальный обряд и инвентарный комплекс: 1–4 — погребальный обряд; 5–11 — керамический комплекс; 12 — берестяной туесок; 13, 14 — костяные наконечники стрел; 15, 16 — железные наконечники стрел с костяными свистунками; 17 — костяной наконечник стрелы; 18, 19 — каменные орудия; 20 — кольцо; 21 — серьга; 22 — плетистый браслет.

культурную интеграцию. С другой стороны, имеются отдельные свидетельства военных столкновений. К примеру, любопытна ситуация, зафиксированная в могильнике Ваньгун (Ли Цзюэжи, 1965). В шести исследованных могилах было захоронено одновременно несколько человек (до 20 людей в одной могиле), при этом одно из погребений — двухъярусное, среди находок — сяньбэйская и хуннская керамика, а также хуннские бронзы, встречающихся в Забайкалье: пряжки «ложечковидные», пряжки со стилизованными изображениями головы быка,

прорезные колокольчики. Набор обнаруженных хуннских бронз из Ваньгуня является наиболее представительным по сравнению со всеми рассмотренными выше памятниками. Наличие хуннской керамики и уникальный обряд говорят об экстраординарности памятника и выделяют его из ряда сяньбэйских. Является ли закладка этого могильника следствием военного столкновения — неизвестно, но факт его наличия весьма показателен, так как считалось, что яркие хуннские вещи в сяньбэйских памятниках в округе Хулун-Буир отсутствуют.

Литература

- Го Чжичжун, 1986 — Го Чжичжун. Чжалайноэр гумуцюнь 1986 нянь цинли фацзюэ баогао (Отчет об охранных раскопках древнего могильника Чжалайноэр, 1986 г.) // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи / Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня. Пекин: Чжунго дабайкэццюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 369–383 (на кит. яз.).
- Ли Цзоцжи, 1965 — Ли Цзоцжи. Нэй Мэнгу Чэньбаэрхуци Ваньгун гуму цинли цзяньбао (Краткий отчет об охранных раскопках древних могил в Ваньгун, хошун Чэньбаэрху, Внутренняя Монголия) // Каогу. 1965. № 6. С. 273–283 (на кит. яз.).
- Сяо Хайсинь, 1997 — Сяо Хайсинь. Синьбаэрхуцзоци Ихэула сяньбэй му (Сяньбэйские погребения в Ихэула, хошун Синьбаэрхуцзоци) // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи / Под ред. Вэй Цзяня. Пекин: Чжунго дабайкэццюаньшу чубаньшэ, 1997. Вып. 2. С. 453–456 (на кит. яз.).
- Цяо Лян, 2005 — Цяо Лян. Эркэцянэ муди чуто санлу вэньши пай дэ няньдай (цзянь си ханьшу эр ци вэньхуа дэ няньдай сяньсянь) (Датировка бляшек типа саньлу могильника Эркэцянэ (анализ нижнего слоя культуры Ханьшу 2)) // Бэйфан вэнью. 2005. № 4. С. 24–29 (на кит. яз.).
- Чжао Юймин, 1997 — Чжао Юймин. Ээргунаюци Циця сяньбэй му цинли цзяньбао (Краткий отчет об охранных раскопках сяньбэйских могил, Циця, хошун Ээргунаюци) // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи / Под ред. Вэй Цзяня. Пекин: Чжунго дабайкэццюаньшу чубаньшэ, 1997. Вып. 2. С. 457–460 (на кит. яз.).
- Чжао Юймин, 2015 — Чжао Юймин. Эвэнькэци Эрдагоу муцзан дяоча цинли цзяньбао (Краткий отчет о разведках и раскопках могильника Эрдагоу, Эвенкийский автономный округ) // Хулунбуир минцзу вэньу каогу яньцзю / Под ред. Ван Вэй, Мэн Сонлин. 2015. Т. 3. С. 141–143 (на кит. яз.).
- Чжао Юэ, 1990 — Чжао Юэ. Нэй Мэнгу Эюци Лабудалинь фасянь сяньбэй му (Сяньбэйские погребения в Лабудалинь, хошун Эюци, Внутренняя Монголия) // Каогу. 1990. № 10. С. 890–893, 928 (на кит. яз.).
- Чэнь Даохун, 1982 — Чэнь Даохун. Иминьхэ дицюй дэ сяньбэй му (Сяньбэйские погребения в районе Иминьхэ) // Нэй Мэнгу вэньу каогу. 1982. № 2. С. 18–23 (на кит. яз.).
- Чэнь Фэншань и др., 2004 — Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзиньсун, Ли Минчжун. Хулуньбэйэрши Туаньцзе муди (Могильник Туаньцзе в городском районе Хулун-буир) // Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю / Под ред. Вэй Цзяня. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 3–15 (на кит. яз.).
- Zhang Wei, Wang Changming, 2007 — Zhang Wei, Wang Changming. Kuleqian Cemetery of the Bronze Age to the Early Iron Age in Nehe City, Heilongjiang // Chinese archaeology. 2007. Vol. 7, No. 1. P. 47–55.

Изображение яка в искусстве хунну¹

М. Е. Килуновская², П. М. Леус³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.104-106>

Одним из популярных образов в искусстве хунну был як. Его изображения представлены в первую очередь на украшениях пояса — ажурных пряжках и бляшках. Животные могли быть показаны в разной стилистике, но у всех есть обязательные общие черты, позволяющие утверждать, что изображался именно як. Из гробниц хуннской знати в могильнике Ноин-Ула в Монголии происходят изображения яков на шерстяных коврах и серебряных бляхах конской упряжи (рис., 6, 7).

Предварительно можно выделить несколько вариантов изображения яка: одиночные или парные фигуры, а также як в схватке с другими животными.

Большинство пряжек с одиночным яком (рис., 2) происходят из северных провинций Китая. Как правило, их местонахождение неизвестно, но некоторые были обнаружены в погребениях, датируемых по монетам второй половиной II в. до н. э.

Прямоугольные пряжки с изображением двух стоящих яков (рис., 4) наиболее распространены на территории Минусинской котловины, но в основном это случайные находки или предметы из кладов. Одна пряжка найдена в погребении эпохи ранней Хань (II–I вв. до н. э.) в Маньчжурии, несколько случайных находок происходят, вероятно, с севера Китая. В Туве такие пряжки впервые встречены недавно, в ходе раскопок могильников Ала-Тей 1 и Терезин⁴. Пока это 10 экземпляров, найденных в женских погребениях на поясе. Из Ала-Тей происходят и некоторые уникальные пряжки, например с яком анфас (рис., 3) или парой пасущихся яков (рис., 5). Эти изделия пока не нашли прямых аналогий. В Забайкалье пряжки с парой яков неизвестны.

Ранее центром распространения таких пряжек считалась Минусинская котловина, но после находок в могильниках Терезин и Ала-Тей 1 можно предполагать,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: kilunmar@mail.ru.

³ Россия, Санкт-Петербург. Независимый исследователь. Адрес электронной почты: leuss@mail.ru.

⁴ Работы проводятся при поддержке Общества по изучению Евразии (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария), а с 2018 г. — Русского географического общества.

Рис. Изобр жения як в искусстве хунну: 1 — Суглуг-Хем II, сруб № 7, Тув ; 2 — Кит й (?), место н ходки неизвестно (по: Kost, 2014. Pl. 1, 6); 3 — Ал -Тей 1, объект 23, Тув ; 4 — Ал -Тей 1, объект 11, Тув ; 5 — Ал -Тей 1, объект 111, Тув ; 6, 7 — Ноин-Ул , кург н 6, Монголия (по: Treasures, 2011. Fig. 313; 314); 8 — Сибирск я коллекция Петр I (по: Кочевники Евр зии, 2012. К т. 187); 9 — прорисовк изобр жения н ковре из кург н 6 Ноин-Ул , Монголия (по: Treasures, 2011. Р. 6)

что первоначально они появились на территории Тувы. Среди всех ажурных бронзовых пряжек именно вариант с парой яков является наиболее массовым для Минусинской котловины и Тувы в эпоху хунну.

Ярчайшим образцом древнего искусства является пара массивных золотых пряжек из Сибирской коллекции Петра I, воспроизводящая схватку крылатого грифона, тигра и яка (**рис., 8**). Сцена борьбы яка и фантастического хищника представлена на коврах из 6, 20 и 25-го курганов Ноин-Улы. Як показан в атакующей позе, хвост высоко поднят, голова пригнута, кажется, что он запечатлен в момент нанесения удара рогами (**рис., 9**).

Изображения яков не характерны для предшествующего скифо-сибирского искусства и не встречаются в археологических памятниках этого времени. Одно из редких исключений — это находка в Туве на могильнике Суглуг-Хем II бронзовой нашивной поясной пластины в виде фигуры яка (**рис., 1**). Стиль его изображения не соответствует якам на массивных ажурных пряжках, но сам образ вполне сопоставим с изображением яков на ноин-улинских коврах — поднятый хвост, высунутый язык. Погребения могильника Суглуг-Хем II относятся к концу скифской эпохи и по ряду признаков могут датироваться вплоть до II в. до н. э. Оставившее их население могло какое-то время сосуществовать с появившимися в Туве хунну. Находка бронзовой пластины с яком лишь подтверждает это предположение.

Образ яка в искусстве кочевников конца I тыс до н. э. можно однозначно связывать именно с традициями хунну. Он обладает характерными чертами, которые древние мастера старались передать на любых видах изделий, будь то металлические детали поясного набора или аппликации шерстяных ковров. Его изображения отсутствуют или пока неизвестны как в предшествующую скифскую эпоху, так и в памятниках позднее I в. н. э. Это ограничивает хронологические рамки традиции изображения яка у кочевников Центра Азии рубежом III–II вв. до н. э. — I в. н. э., т. е. временем расцвета эпохи хунну.

Литература

- Кочевники Евразии, 2012 — Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2012. 272 с.
- Kost, 2014 — Kost C. The practice of imagery in the Northern Chinese steppe (5th–1st centuries BCE). Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2014. 401 p.
- Treasures, 2011 — Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia. Ulaanbaatar, 2011. 296 p.

ТАШТЫКСКАЯ КУЛЬТУРА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ И ЕЕ ПЕРИФЕРИЯ

Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из погребения № 4 Оглахтинского могильника

И. Г. Широбоков¹, С. В. Панкова²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.107-109>

В погребении № 4 Оглахтинского могильника (ранний этап таштыкской культуры, раскопки Л. Р. Кызласова 1969 г.) находились среди прочих захоронений останки двух взрослых (мужчина и женщина), погребенных по обряду ингумации с трепанированными черепами и гипсовыми масками на лицах. Тело мужчины сохранилось значительно лучше женского и представляет собой мумию со следами трепанации в левой височно-теменной области. Обычная для таштыкских захоронений трепанация черепа (видимо, для извлечения мозга) могла быть частью процедуры мумификации, именно поэтому такие таштыкские ингумации условно называют мумиями, однако до настоящего времени не было данных о том, совершались ли еще какие-то процедуры для сохранения тел и голов умерших. Тело мужчины было в 2003 г. осмотрено судмедэкспертами, отметившими возможность его естественного сохранения в подходящих климатических условиях, следов же мумификации обнаружено не было (Кызласов, Панкова, 2004. С. 64).

Находки древних мумий потенциально способны значительно расширить наши знания о древнем населении, как правило, представленном скелетными останками, однако такой анализ требует использования специальных методов. Проведение стандартных измерений скелетов и черепов оглахтинских мумий

¹ 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. МАЭ РАН (Кунсткамера), Отдел антропологии, н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: shig@kunstkamera.ru.

² 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: svpankova@gmail.com.

методами физической антропологии было невозможно из-за наличия мягких тканей и масок и необходимости сохранения целостности находок.

Компьютерная томография головы мужчины (**рис., 1**) позволила получить новые сведения о возрасте погребенного, морфологии черепа и посмертных процедурах, проведенных с его головой. Обработка снимков КТ позволила создать 3D модель головы в маске, а также виртуально разделить ее на три уровня, или «слоя»: маска, лицо (мягкие ткани) и череп. Изучение каждого из них дало новую важную информацию.

На внутренней стороне **маски** обнаружены отпечатки прямоугольных кусочков ткани, положенных на глаза погребенного (**рис., 2**); случаи подобных находок отмечались ранее (*Вадецкая*, 2004. С. 54–57. Рис. 3; 4; 6). 3D-модель **лица**, сохранившего мягкие ткани, позволила увидеть облик оглахтинца под маской и предпринять первые попытки его графической реконструкции.

КТ показала наличие шва, идущего от наружного края левой глазной щели к виску и уху, раздваивающегося и далее расходящегося вниз к шее и назад к сощевидному отростку (**рис., 3**). О природе и назначении шва высказывались разные гипотезы. На данный момент нам представляется наиболее вероятным предположение о том, что разрезы были совершены для извлечения (иссушения?) тканей, наполненных лимфой и кровью, и (как и извлечение мозга) имели своей целью ускорение консервации (мумификации) головы. Расположение швов приблизительно соответствует расположению внутренней сонной и верхнечелюстной артерий, а также околоушной слюнной железы. К сожалению, мягкие ткани на правой стороне лица сохранились заметно хуже, провести надежные оценки расположения швов по снимкам КТ невозможно. Если версия справедлива, то предположение о существовании мумификации у населения раннего этапа таштыкской культуры получает независимое подтверждение.

Изучение КТ-снимков **черепа** показало, что мумия принадлежала молодому человеку (около 25–30 лет). В программе RadiAnt DICOM Viewer был измерен ряд метрических признаков черепа, что позволило составить представление о его морфологической характеристике. При помощи расчета расстояний Махаланобиса с поправкой на численность был определен круг краниологических серий тагарской и таштыкской культур, средние характеристики которых в наибольшей степени близки оглахтинцу. Сделан предварительный вывод об относительном сходстве оглахтинца с сарагашенцами и тесинцами из грунтовых захоронений и его значительном отличии от других таштыкцев (согласно последним опубликованным данным 1940–60-х гг.).

В программе RadiAnt DICOM Viewer проведено обследование трепанационного отверстия и проведены его измерения, а также измерения выбитой костной пластинки, сохранившейся внутри черепа.

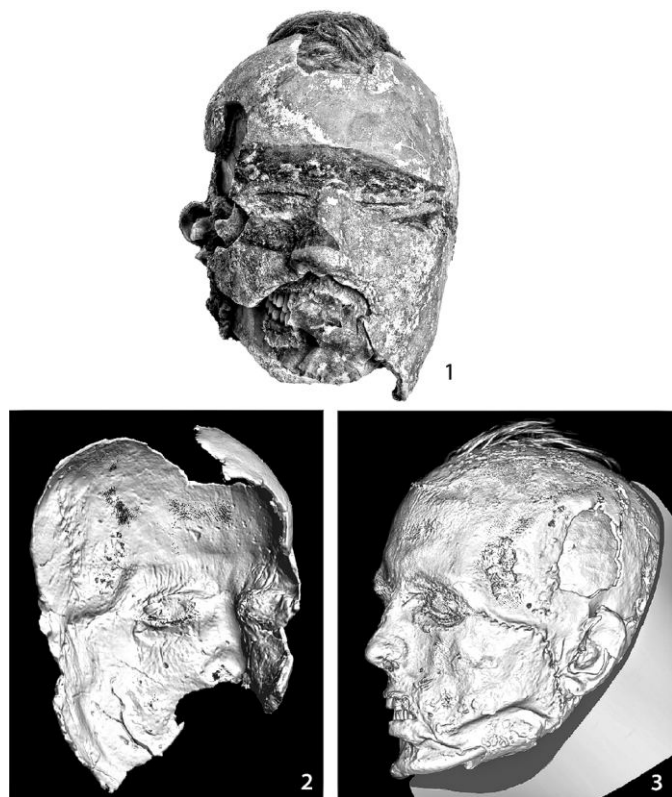

Рис. Голова и маска мужской мумии из погребения № 4 Огхтинского могильника: 1 — голова мужчины в гипсовой маске. Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/2. Фото Д. А. Бобровой; 2 — внутренняя сторона маски с отпечатками кусочков тонкой ткани вокруг глаз; 3 — голова мумии со швом на лице и трепанационным отверстием. Адаптировано для публикации: П. Гудхед. 2, 3 — иллюстрации на основе снимков компьютерной томографии

Приведенные данные показывают высокую информативность метода КТ применительно к мумиям и делают необходимым исследование головы женщины из того же погребения.

Литература

- Вадецкая, 2004 — Вадецкая Э. Б. Новое о таштыкских погребальных масках // АЭАЕ. 2004. № 1. С. 51–64.
- Кызласов, Панкова, 2004 — Кызласов Л. Р., Панкова С. В. Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. 2004. Т. LXII. 2004. С. 61–67.

Таштыкские грунтовые могильники в устье р. Тесь¹

О. А. Митько²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.110-113>

В вышедшей в свет в самом конце прошлого века обширной и тематически разноплановой монографии Э. Б. Вадецкой приведены материалы раскопок таштыкских могильников в пределах всей степной части Среднего Енисея (*Вадецкая*, 1999). За прошедшие годы свод памятников существенно пополнился: могильники Черноозерное II, Белый Яр 3, Чегерак, Маркелов Мыс I, II и др. В 2017 г. начато изучение грунтового могильника Тесинский Залив-3, расположенного на берегу Енисея в 2 км выше современного устья р. Тесь. К моменту начала изучения памятник насчитывал около 80 грунтовых могил (**рис. 1; 2**).

В полевом сезоне 2017 и 2018 г. на площади могильника было заложено шесть раскопов, в трех из которых были зафиксированы биритуальные захоронения в деревянных срубках (могилы 1, 2, 9) и одно погребение, совершенное по обряду трупоположения в грунтовой яме (могила 2а) (*Митько и др.*, 2017; 2018). Захоронения в срубках оказались потревожены. Могила 2а также была частично разрушена переработкой берега, но в ней сохранилось около 20 каменных и стеклянных бус, включая сложноорнаментированные. По данным Э. Б. Вадецкой, таких изделий всего на Среднем Енисее обнаружено около 500 экз. (половина из них на могильнике у дер. Комарково). При этом сложноорнаментированные бусы (глазчатые и полихромные) являются импортными и относятся к двум технологическим традициям: среднеземноморской, I–II вв. н. э., и малоазиатской, II–III вв. н. э. (*Вадецкая*, 1999. С. 67–69. Рис. 18; 36; 87; 88). Для другой группы стеклянных бус из могилы 2 характерна синяя и оранжевая цветовая гамма.

В задачу исследования могильника Тесинский Залив-3 входит анализ его взаимосвязи с другими археологическими комплексами Тесинского микрорайона, локализованного в долине р. Тесь и разделенного ее руслом на две части: южную (правобережную) и северную (левобережную). В северной части в разные годы были исследованы могильники Малые Копены 1–4, Тесинский Залив-1, Копенский чаатас и поселение у с. Малые Копены (*Евтюхова, Киселев*, 1940; *Евтюхова*, 1948. С. 30–53, 74–80; *Зяблин*, 1977. С. 12).

Использование БПЛА (модель DJI Mavic 2 Pro с внешней камерой Hasselblad 20 Мпикс) позволило обследовать большой участок прибрежной линии общей

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, лаборатория гуманитарных исследований, зав. сектором археологии, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: omitis@gf.nsu.ru.

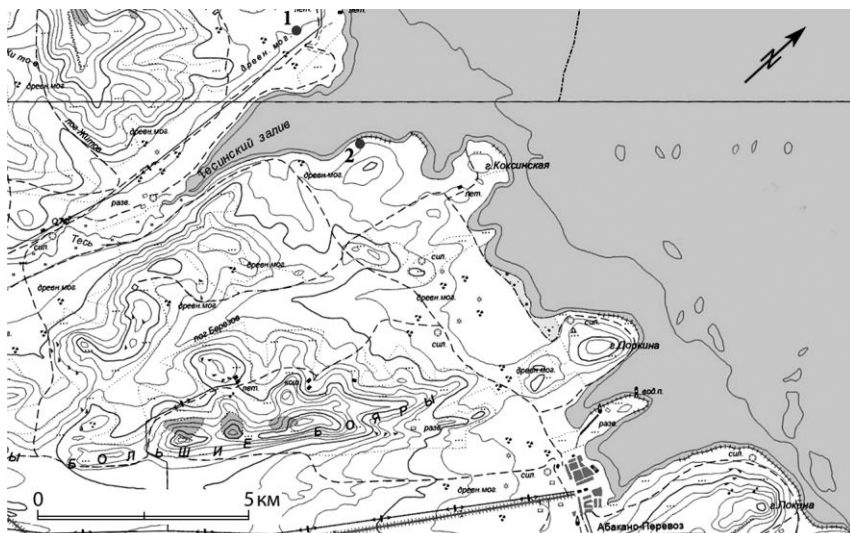

Рис. 1. Таштыкские грунтовые могильники в устье р. Тес: 1 — Копенский чет; 2 — Тесинский 3 лив-3

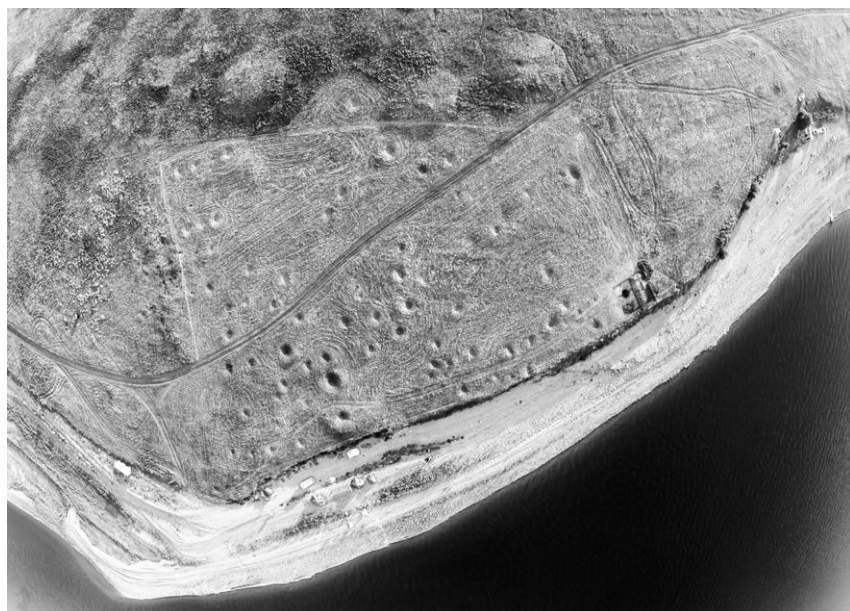

Рис. 2. Грунтовый могильник Тесинский 3 лив-3 (вид сверху). Фото автор

площадью около 8 кв. км и выделить восемь групп памятников, включая Копенский чаатас. В результате нескольких пролетов удалось полностью отснять возвышенность Солонцы (топоним согласно карте, составленной Е. А. Евтюховой) и прилегающую к ней территорию. Оказалось, что восточную и северо-восточную окраину Копенского чаатаса занимают близко расположенные друг к другу таштыкские грунтовые могилы (**рис. 3**). В свою очередь, они являются лишь частью могильника, протянувшегося на 340 м по линии север–юг и на 210 м по линии запад–восток. Западины грунтовых могил занимают все пространство между двумя цепочками тагарских курганов и доходят до границы с чаатасом на расстояние чуть менее 50 м, что позволяет объединить их в один крупный разновременный памятник. Еще один участок с меньшей концентрацией грунтовых могил примыкает к Копенскому чаатасу с западной стороны.

Отмеченная в ходе картографирования ситуация позволяет сделать вывод, что в историческое время и вплоть до заполнения ложа Красноярского водохранилища береговая линия имела другие очертания и оба крупных таштыкских некрополя располагались по обоим берегам Теси, недалеко от ее устья на расстоянии прямой видимости. При этом они могли быть кладбищами двух отдельных

Рис. 3. Грунтовые погребения на площади Копенского чаатаса (вид сверху). Фото автора

(в социальном отношении) групп населения. Неглубокая и неширокая река служила границей территории их обитания и хозяйственной деятельности, но не являлась препятствием для различных коммуникаций.

Литература

- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Евтюхова*, 1948 — *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Советская Хакасия, 1948. 109 с.
- Евтюхова, Киселев*, 1940 — *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Чаа-тас у села Копены // ГИМ. 1940. Вып. XI. С. 21–54.
- Зяблин*, 1977 — *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копены 3. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Митько и др.*, 2017 — *Митько О. А., Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Поселянин А. И., Половников И. С.* Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Богородский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 354–357.
- Митько и др.*, 2018 — *Митько О. А., Скобелев С. Г., Ширин Ю. В., Зубков В. С., Поселянин А. И., Давыдов Р. В., Журавлева Е. А., Половников И. С., Собинов Р. Л.* Грунтовой могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 285–289.

Новые материалы по таштыкской культуре Марининской лесостепи¹

П. В. Герман²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.113-115>

Марининская лесостепь — пространство между р. Кия и р. Урюп (притоки р. Чулым) — является северо-западной периферией ареала тагарской и таштыкской культур раннего железного века. На этой территории в 1959–1980 гг. было раскопано 17 таштыкских склепов в курганных могильниках Михайловский — 11 (*Мартинова*, 1985), Шестаково I — 2 (*Мартинов и др.*, 1971) и Шестаково II — 4

¹ Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А17-117041410051-7, проект XII.186 «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири и сопредельных территорий (ранний и поздний голоцен)».

² 650000, Россия, Кемерово, Советский пр., д. 18. Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, лаборатория археологии, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: lithos@mail.ru.

(раск. А. И. Мартынова, А. М. Кулемзина). Перечисленные комплексы вместе с Михайловским поселением (Мартынова, 1985) составляют среднекийскую группу таштыкских памятников.

Несмотря на монографическое представление ключевого для региона таштыкского памятника (Михайловский могильник) особенности зафиксированной на нем погребально-обрядовой практики так и остались непонятными для исследователей. Это отмечает в своем фундаментальном труде Э. Б. Вадецкая: «Подсчеты скелетов могут быть случайными, т. к. при определении обряда погребения допущено много неясностей. В частности, автором раскопок указано, что похоронены кости трупов, сожженных на стороне. На планах же склепов изображены крупные кости, даже находящиеся в сочленении. Возможно, остатки кремаций не зафиксированы» (Вадецкая, 1999. С. 204). Кроме того, не все данные о комплексах Михайловского могильника были отражены в публикации. В частности, это касается характеристики находок вблизи склепов, преимущественно костей животных, являвшихся остатками поминов, а также описательного и графического представления значительной части погребального инвентаря, ныне частично утраченного. Схожая ситуация с материалами двух склепов курганного могильника Шестаково I. Данные другого таштыкского курганного могильника, Шестаково II, не опубликованы.

В 2014–2015 гг. Мариинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН были проведены полевые исследования погребально-поминального комплекса таштыкской культуры Шестаково III, включающего сожженный склеп, четыре отдельных кремации, десять детских погребений по обряду ингумации и поминальник (Герман, 2017).

Склеп относится к разряду «сложных» (вариант 3), но по площади сопоставим с «усложненными» конструкциями (вариант 2) Минусинских котловин (по терминологии Э. Б. Вадецкой — Вадецкая, 1999. С. 81–87). Общая площадь каменной конструкции — 92,16 кв. м, площадь котлована склепа — 38,6 кв. м, глубина до 1,11 м от уровня древнего горизонта. Всего в склепе зафиксировано 90 скоплений жженных костей человека. Общий вес костей составляет более 121 кг. Среди изделий присутствуют фрагменты гипсовых масок, предметы из дерева и бересты. Большинство изделий из металла и кости имеют аналогии среди предметного комплекса таштыкских склепов. Основываясь на хронологической таблице, предложенной Э. Б. Вадецкой (Там же. Рис. 64), материалы склепа следует датировать в пределах V–VI вв. н. э.

Помимо значительного количества жженных костей, в склепе Шестаково III обнаружено не менее 69 керамических сосудов. Это лишь в два раза меньше, чем в 11 склепах Михайловского могильника, и в 1,5 раза больше, чем в четырех склепах могильника Шестаково II. По количеству целых и археологически целых сосудов (30) склеп Шестаково III сопоставим только со склепом 6 могильника Уйбат I, в котором было обнаружено 44 сосуда, по данным Э. Б. Вадецкой

(Там же. С. 247). Спецификой керамического комплекса Шестаково III является преобладание сосудов на поддоне (не менее 35).

Другой важной характеристикой выступает расположенный вблизи склепа поминальник, преимущественно представленный отдельными зубами, челюстями и фрагментами черепов коровы и лошади. Отмеченные особенности сближают Шестаково III с комплексами таштыкских грунтовых могильников северной части Минусинских котловин.

Материалы погребально-поминального комплекса Шестаково III значительно дополняют наши знания о северо-западном ареале таштыкской культуры и позволяют более детально представить сходные и отличительные черты погребально-поминальной практики населения Минусинских котловин и Мариинской лесостепи.

Литература

- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургской востоковедение, 1999. 440 с.
- Герман*, 2017 — *Герман П. В.* Раскопки таштыкского погребально-поминального комплекса Шестаково III в Мариинской лесостепи // АО 2015 года. М.: ИА РАН, 2017. С. 438–440.
- Мартынов и др.*, 1971 — *Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М.* Шестаковские курганы. Кемерово: б. и., 1971. 250 с.
- Мартынова*, 1985 — *Мартынова Г. С.* Таштыкские племена на Кие. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 112 с.

Технология изготовления булавок из кости с гвоздевидной головкой гунно-сарматского времени Хакасско-Минусинской котловины¹

И. С. Половников²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.115-117>

В конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. в Хакасско-Минусинской котловине происходят этнокультурные изменения, связанные с миграцией населения из районов Центральной Азии. Они привели к трансформации тагарской культуры и появлению тесинской, а затем таштыкской культуры. Мигранты принесли

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2. Новосибирский государственный университет, аспирант. Адрес электронной почты: polis.sib@gmail.com.

с собой новые «стандарты» в одежде, украшениях, причёске. Одним из элементов, свидетельствующих о культурных инновациях, являются «костяные» булавки. В археологической литературе их часто называют шпильками или заколками и связывают с использованием в креплении причёсок и головных уборов.

Изучение данной категории археологических источников было ориентировано на построение классификаций, в основу которых положены морфологические признаки (Кызласов, 1977; Вадецкая, 1999).

Наиболее полная классификационная схема разработана Ю. В. Тетериным, в которую вошли сведения о 100 тесинских и 130 таштыкских «костяных» булавках (Тетерин, 2010). В данной классификации костяные изделия относятся к группе I и выделяется 22 типа булавок. Необходимо отметить, что зачастую в публикациях определение сырья не представлено, а при описании массового материала указание на исходное сырьё (кость или рог) дается некорректно (Методика обработки коллекций, 2016. С. 179).

Булавки с гвоздевидной головкой (тип 7) — один из наиболее распространенных типов таштыкских булавок. Они представляют собой гладкие заостренные стержни, нижняя часть, как правило, имеет округлое сечение, но встречаются также и с уплощенной (Тетерин, 2010. С. 98). Материалом изделий данного типа служила кость, по морфологическим признакам естественного строения вещества (с его внутренней стороны, как правило, сохраняется губчатая структура) она определяется как трубчатая часть. Технологический уровень характера обработки изделия включает в себя частичное использование естественной формы сырья в конструкции изделия.

Для изготовления данного типа булавок использовали пластины из трубчатой кости, заготовкой к которым служила часть диафиза (длиной 3,5–7 см, диаметром 0,3–0,5 см). Первоначально на заготовке намечался контур стержня, а затем убирались лишние части. При оформлении головки на готовых изделиях сохранились следы обработки (резание) металлическим инструментом (нож). Последовательность операций и использования орудий зафиксированы на изделии из таштыкского грунтового могильника Тесинский залив-3, могила 1 (рис.). Небольшую по размерам заготовку жестко фиксировали и обрабатывали головку и стержень с помощью ножа. Доработка изделия осуществлялась с помощью абразива (при макросъемке хорошо заметны хаотично расположенные следы от мелкого абразива) (рис., а). Также на расстоянии 4 см от головки булавки зафиксированы следы износа при утилизации (стержень в данном месте сужен на 0,1 см) (рис., б).

В целом необходимо отметить, что производство булавок включало в себя следующие технологические операции: разделка трубчатой кости на пластины, разметка изделия, обрезание лишних частей, подработка металлическим инструментом или абразивом. У таштыкского населения изготовление булавок, имевших несложную форму, требовало простейших навыков работы с костным материалом и могло проходить с помощью подручных орудий в рамках домашнего хозяйства.

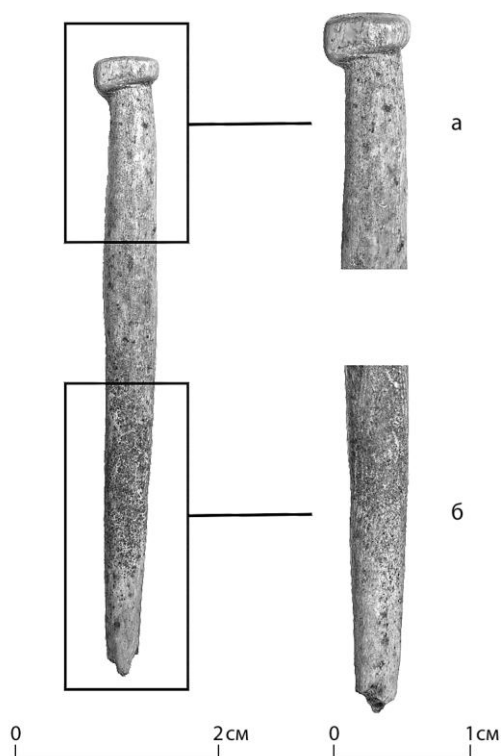

Рис. Костяная булава из могилы № 1 таштыкского грунтового могильника Тесинский злив-3: а – следы от брзвив; б – следы износа

Литература

- Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Кызласов, 1977 — Кызласов И. Л. Булавы древних хакасов // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 87–104.
- Методика обработки коллекций, 2016 — Методика обработки коллекций: учеб. пособие / Т. И. Нохрина, Л. В. Лбова, Л. Н. Мыльникова, А. П. Бородовский, В. П. Мыльников, И. В. Сальникова, С. Г. Скобелев. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 296 с.
- Тетерин, 2010 — Тетерин Ю. В. Булавы хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2010. Т. 9, вып. 7. Археология и этнография. С. 95–113.

Таштыкские вещи в комплексах финала раннего железного века в нижнем течении Ангары

П. О. Сенотрусова¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.118-119>

Таштыкская культура Минусинской котловины занимает особое место в истории Южной Сибири. Вопрос о северной границе распространения таштыкского влияния раньше не мог быть решен из-за практически полного отсутствия закрытых комплексов финала раннего железного века в южнотаежной подзоне Енисейской Сибири. Работы последних лет восполнили этот пробел и позволили дать характеристику таштыкских вещей, найденных на отдаленных от основного ядра культуры северных территориях.

На могильнике Пинчуга-6, расположенном в нижнем течении р. Ангары, выявлено 12 погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне. В двух погребальных комплексах и одном скоплении вещей в межмогильном пространстве зафиксировано присутствие вещей таштыкского облика.

Среди этих находок бронзовая поясная обойма, украшенная волутами. Аналогичные изделия известны на памятниках Красная Грива, Изыхский чаатас, Маркелов Мыс (*Вадецкая*, 1999. Табл. 47; 91; *Тетерин*, 2007. Рис. 19, 8). К деталям поясной гарнитуры следует отнести и ажурную застежку (?) с волутообразным декором. Предмет был завернут в бересту и органический материал (кожа?).

С кругом таштыкских древностей связаны и булавки из рога с шаровидной головкой. Такие изделия широко известны в Минусинской котловине, где они датируются II–IV вв. н. э. (*Тетерин*, 2010. С. 108). Вероятно, таштыкским влиянием можно объяснить и появление в нижнеангарских погребениях финала раннего железного века миниатюрных ложек из рога. Аналогичные изделия часто встречаются в погребальных и поминальных таштыкских комплексах (*Готлиб*, 2007; *Вадецкая*, *Поселянин*, 2015. Рис. 109). В Нижнем Приангарье традиция помещения в погребения небольших роговых ложек доживает до развитого средневековья включительно.

На Пинчуге-6 выявлены вещи, которые во второй четверти I тыс. н. э. известны не только в таштыкской культуре, но и на сопредельных территориях и носят эпохальный характер. К ним относятся пронизки из спиралевидно скрученной плоской проволоки, круглые железные выпуклые нашивки, ножи с горбатой спинкой, некоторые типы каменных и стеклянных бус. Все это позволяет синхро-

¹ 660041, Россия, Красноярск, Свободный пр., д. 82А. Сибирский федеральный университет, лаборатория археологии Енисейской Сибири, с.н.с., к.и.н.
Адрес электронной почты: Pollina1987@rambler.ru.

низировать материалы могильника Пинчуга-6 с уже известными комплексами финала раннего железного века Южной и Западной Сибири. Точно определить, как именно эти вещи проникли в Нижнее Приангарье, на сегодняшний день нельзя.

Пока также сложно говорить о путях и механизмах проникновения таштыкских вещей в южнотаежную подзону Енисейской Сибири. С одной стороны, допустимо предполагать наличие разнообразных культурных контактов (брачных, торгово-обменных или иных) между населением степи и тайги, с другой — нельзя исключать проникновение отдельных групп таштыкского населения в подзону южной тайги. В пользу последнего предположения говорят найденные в тайге Енисейской Сибири сосуды, украшенные полулунным зубчатым штампом (Мандрыка, 2018. С. 33).

Необходимо отметить, что в материалах могильника Пинчуга-6 зафиксировано присутствие не только вещей таштыкского облика, но и изделий, характерных для позднеполуйских и фоминских древностей. Эти находки в сочетании с самобытными нижнеангарскими вещами обуславливают яркое своеобразие культуры населения нижнего течения Ангары в финале раннего железного века.

Литература

- Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Вадецкая, Поселянин, 2015 — Вадецкая Э. Б., Поселянин А. И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2015. 210 с.
- Готлиб, 2007 — Готлиб А. И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края / Под ред. С. П. Нестерова. Новосибирск: Изд-во НГУ; ХакасГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 8–38.
- Мандрыка, 2018 — Мандрыка П. В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Енисея и низовьев Ангары: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 — археология / [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. Барнаул, 2018. 54 с.
- Тетерин, 2007 — Тетерин Ю. В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края / Под ред. С. П. Нестерова. Новосибирск: Изд-во НГУ; ХакасГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 63–88.
- Тетерин, 2010 — Тетерин Ю. В. Булавки хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины // Вестник НГУ. 2010. Серия: История, филология. Т. 9. № 7. С. 95–113.

ПЕТРОГЛИФЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Многокомпонентность селенгинской традиции наскального искусства Забайкалья

И. А. Пономарёва¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.120-122>

Селенгинская традиция наскального искусства широко представлена в Забайкалье и Северо-Восточной Монголии. Ее возникновение и существование исследователи связывают с поздним бронзовым — ранним железным веком и соотносят с культурой плиточных могил. Ее изучению посвящено значительное количество литературы, ключевыми являются работы А. П. Окладникова, А. В. Тиваненко, А. И. Мазина и В. А. Цыбиктарова (*Мазин, 1986; Окладников, Запорожская, 1969; 1970; Тиваненко, 1990; Цыбиктаров, 2011*).

В 2017 г. автором были проведены обследования писаниц Забайкалья, в результате которых было задокументировано 28 памятников с 917 рисунками в Забайкальской крае и 63 памятника с 4752 рисунками в Бурятии. Большинство этих памятников были известны и опубликованы ранее, однако повторное их обследование позволило по-новому взглянуть на вопросы возникновения и бытования наскального искусства Забайкалья.

Несмотря на кажущуюся однородность селенгинской традиции, она представляет собой сложный и многокомпонентный феномен, корни которого уходят в ранний бронзовый век таежной зоны Восточной Сибири. Расцвет этой традиции приходится на конец II тыс. до н. э., когда в степях Забайкалья фиксируется сложная культурная обстановка, вызванная появлением носителей культуры херексуров и ее взаимодействием с местным населением, оставившим памятники культуры плиточных могил. Видимо, именно это событие вызвало всплеск

¹ 4215, Австралия, г. ГолдКост, Парклэндс Драйв, д. 1. Университет Гриффита, Центр социальных и культурных исследований, внешт. н. с.
Адрес электронной почты: i.ponomareva@griffith.edu.au.

творческой деятельности и появление значительного количества писаниц в первую очередь именно на территории Западного Забайкалья.

Помимо развития и расцвета локальных сюжетов, таких как композиции с хищными птицами, рядами антропоморфных фигур и рядов точек, происходит и взаимопроникновение образов и техник. Так, в ходе работ 2017 г. впервые была задокументирована писаница в стиле оленных камней, выполненная охрой (*Ponomareva, 2020. Fig. 8*). Другим примером является памятник Боргой-Сельгир, где А. П. Окладниковым была задокументирована петроглифическая композиция, изображающая оленя в монголо-забайкальском стиле и орнитоморфную фигуру, типичную для селенгинской традиции (*Окладников, Запорожская, 1969. Табл. 60, 1*).

В наскальном искусстве Забайкалья удалось выделить изображения, которые можно связать с четырьмя волнами влияния, характер которых был различен. Незначительное количество рисунков находит аналогии с петроглифами Минусинской котловины, атрибутированными карасукской культурой. Вряд ли это свидетельствует о каком-то значительном влиянии, скорее о вовлеченности Забайкалья в широкую сеть контактов культур Центральной Азии и Южной Сибири. Следующая волна, о которой говорилось выше, маркируется появлением изображений монголо-забайкальского стиля; она оказала самое значительное влияние на развитие селенгинской традиции, спровоцировав ее расцвет. Третья волна относится к раннему скифскому времени. Она фиксируется по петроглифам кяхтинской группы в Южной Бурятии. Также на писанице Баян на берегу р. Джиды была зафиксирована композиция, сходная с аржано-майемирским стилем (*Ponomareva, 2020. Fig. 9*). Предположительно некоторые зооморфные изображения и изображения лошадей могут относиться к этому периоду. Четвертая волна связана с позднескифским временем и фиксируется только в кяхтинских петроглифах. Интересно, что в наскальном искусстве селенгинской традиции не заметно значительного скифского влияния, но в дворцовой культуре в Восточном Забайкалье обнаружено значительное количество предметов искусства в зверином стиле, которые по большей части остаются неопубликованными. Однако предварительно можно сделать вывод о том, что селенгинская традиция не претерпела каких-то значительных изменений в раннее и позднее скифское время, несмотря на очевидное присутствие этих культурных комплексов в регионе.

Таким образом, селенгинская традиция существовала на протяжении долгого времени с конца II до конца I тыс. до н. э. и ее бытование связано с динамическими культурно-историческими процессами, которые по-разному оказали влияние на ее развитие.

Литература

- Мазин, 1986 — Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
- Окладников, Запорожская, 1969 — Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969. Ч. I. 220 с.
- Окладников, Запорожская, 1970 — Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. II. 264 с.
- Тиваненко, 1990 — Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новые памятники. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.
- Цыбиктаров, 2011 — Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 2011. 276 с.
- Ponomareva, 2020 — Ponomareva I. A. Unraveling manifold identities in the early nomadic rock art of East Siberia // *Archaeological Research in Asia*. 2020. Vol. 23. P. 100208.

Параболические и прямоугольные антропоморфы в древнем искусстве Монгольского Алтая, Западной Европы и Тибета

А. А. Ковалёв¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.122-127>

В 2015, 2018 и 2019 г. монголо-российской экспедицией под руководством А. А. Ковалёва и Ч. Мунхбаяра были полностью исследованы два чемурчешских ритуальных комплекса «храма» середины III тыс. до н. э. в районе озера Даян-Нур в высокогорье Монгольского Алтая: Харчулуут и Хулагаш (Ковалев, Мунхбаяр, 2015; Мунхбаяр и др., 2019; Ковалев и др., 2020). Один из них был осмотрен еще в 1909 г. Й. Г. Гранё (*Granö*, 1912. S. 32. Taf. XIV. Fig. 2). В 2015 г. в той же местности нами был открыт третий ритуальный комплекс Чулуутбулаг (Тастбулаг), на котором в 2019 г. были проведены рекогносцировочные раскопки.

Полевые исследования показали, что эти сооружения представляют собой прямоугольные ограды (от 18×31 до 40×60 м в плане) из вертикально установленных каменных плит, сплошь украшенные снаружи изображениями фантастических антропоморфных существ и животных. Многочисленные изображения были найдены и на каменных обломках, располагавшихся в центральной части огороженной площадки. В пределах ограды были устроены помосты из каменных

¹ 17292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН, н.с.
Адрес электронной почты: chemurchek@mail.ru.

плит и стволов деревьев, что может быть свидетельством использования сооружения для собраний либо коллективных молений.

Центром композиций на плитах оград чаще всего служили изображения антропоморфных существ с параболическими или прямоугольными «туловищами» (рис., 1–5, 11). Нижняя грань такого изображения всегда горизонтальна, верхняя часть абриса фигуры может быть построена путем наложения двух парабол («двойная парабола»), в этом случае в верхней части контура образуется подтреугольное углубление. Есть рисунки, на которых нижняя грань отсутствует, а отрезки параболы сверху не соединены, но сами имеют дополнительное оформление. Поперек «туловища» часто изображаются наклонные или поперечные «перевязи», ряды треугольных фестонов. От нижней грани часто отходят Г-образные «ноги». Руки и головы не изображаются. Сверху фигура может иметь подпрямоугольный выступ. От этого выступа либо непосредственно от верхней точки абриса вверх часто отходят «антенны» различных форм. В композиции эти антропоморфные фигуры группируются обычно по две, однако ни одной пары одинаковых изображений не встречено. От фигур вбок могут отходить удлиненные отростки или «предметы» (в том числе зафиксированы изображения топоров и «кинжала»). Эти изображения на плитах ритуальных оград аналогичны рисункам на чемурчешских каменных статуях и стенках гробницы, а также на плоскостях близлежащих галерей петроглифов Бага-ойгор, Цагаансалаа и Шивээтхайрхан (Кубарев и др., 2005; Кубарев, 2009а; Ковалев, Мунхбаяр, 2015; Юй Цзяньцзюнь, 2015; Молодин и др., 2019) (рис., 6–10).

Некоторые из параболических контуров содержат изображение «реалистических» антропоморфных силуэтов, большинство из которых нанесено поверх контура — без половых признаков, с раскинутыми руками. В этом случае ноги этих силуэтов выполняют роль ног совмещенной фигуры. В композицию входят также круги или пятна. Как и схожие рисунки, обнаруженные в петроглифах Монгольского Алтая (Кубарев и др., 2005, рис. 69), В. Д. Кубарев интерпретировал эту композицию как изображение «женщины-шаманки», прячущей свое тело за «ширмой» (Кубарев и др., 2005. С. 74–75; Кубарев, 2009б. С. 54–55). Представляется, что изображения таких фигур заключали гораздо более сложный смысл. Наложение антропоморфных фигур сверху на контур и соединение их «шей» с «параболическим» сверхъестественным существом может означать эманацию божества в теле низшего порядка. Отсутствие признаков пола подчеркивает их фантастическую природу. Округлые пятна, заполняющие контур, связаны именно с проявленностью антропоморфной фигуры и должны символизировать особые аспекты происходящего.

Происхождение параболических фигур с антеннами, как и чемурчешского феномена в целом, связано с неолитом Франции. На территории Франции и Северо-Западной Италии древнейшие изображения такого рода относятся к 5 тыс.

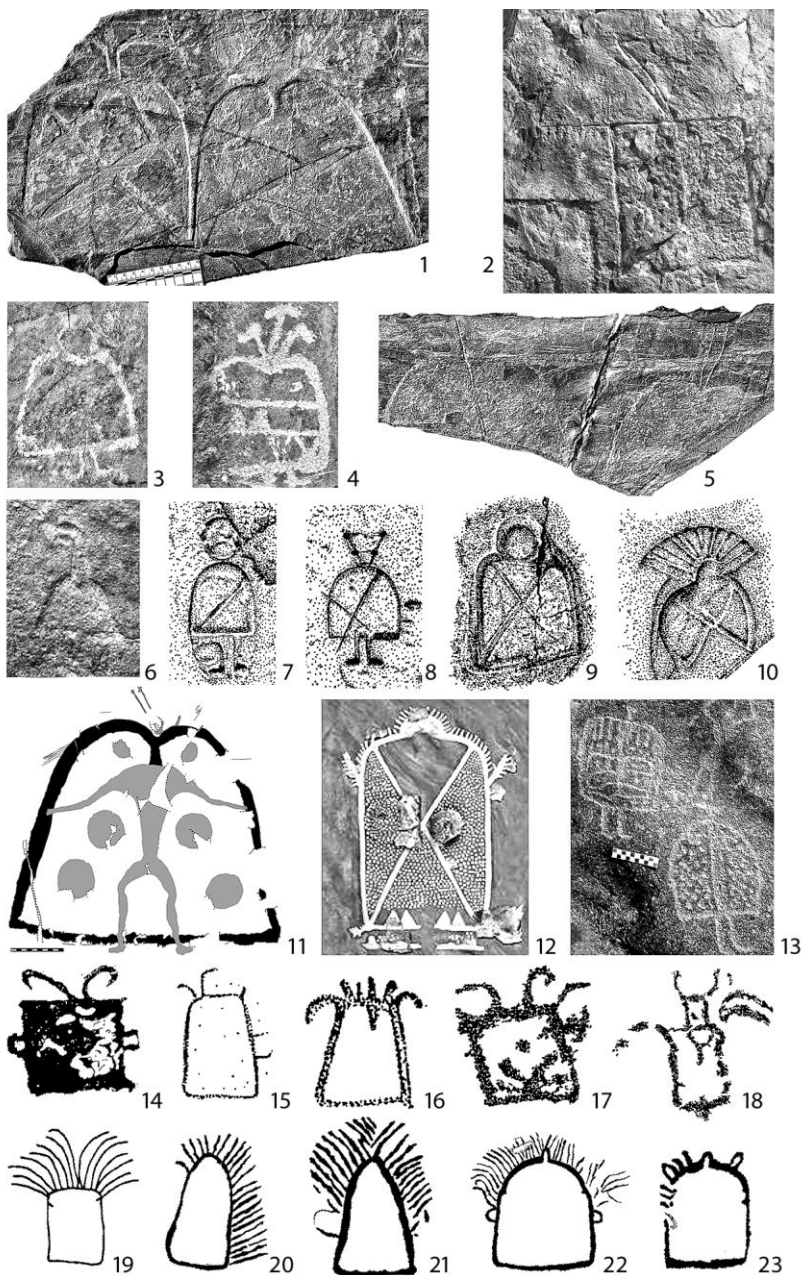

Рис. Парболические и прямоугольные фигуры с насечками в древнем искусстве. 1–5, 11 — на плитках чумурчских ритуальных оград (1, 3, 4, 5 — Харчулуут; 2, 11 — Хулгаш); 6 — на стенке каменного ящика чумурчского кургана Болтаз (Борто) III–2 М18 (уезд Бурчун); 7, 8 — на статуе Алэпбулэ (Алпбулэ) III № 2 (уезд Бурчун); 9, 10 — на статуе Алэпбулэ (Алпбулэ) I (уезд Бурчун); 12 — на настенной росписи в пос. Бодман-Людвигсфен (Баден-Вюртемберг, Германия); 13 — петроглифы в Домкхаре (Ладха, Индия); 14–16 — на мегалитической Франции конц. IV — нач. III тыс. до н. э. (14 — дольмен де Берсо, деп. Эр и Луар, Франция; 15, 16 — менгиры ля Пьер-о-Фе и лез Юбле, деп. Эр и Луар, Франция); 17 — петроглиф в Шенль (Аоста, Италия); 18 — петроглиф в Лангедоке (Валь-де-Лангедок, Франция); 19–23 — на плитках мегалитических гробниц V–IV тыс. до н. э. регион Бретань (Франция) (по: Ковалев, Мунхбаяр, 2015; Domogalla, 2016; Bruneau, Belezza, 2013; Arcà et al., 2016; Twohig, 1986)

до н. э. (Барненез, регион Бретань), а самые поздние — к середине III тыс. до н. э. (Монт-Бего, депар. Приморские Альпы) (Twohig, 1981; Arcà et al., 2016; Lumley, Echassoux, 2012. Р. 234–249; Huet, 2017. Р. 108–111) (рис., 14–23). Не ведая об аналогиях, западные ученые называли их «маскоидами». То, что это не «маскоиды», а полнофигурные изображения, доказывает обнаружение при раскопках свайного поселения среднего неолита (дендродата 3857–3817 гг. до н. э.) Бодман-Людвигсхафен на Боденском озере настенной росписи с семью подобными фигурами в ряд: у всех были моделированы женские груди (Domogalla, 2016; Schlichterle, 2016) (рис., 12). Эти изображения к тому же покрыты пятнами наподобие рисунков из Монголии. В отличие от большинства чумурчских, европейские фигуры лишены таких признаков антропоморфности, как ноги, на них отсутствует «наложенный» человекоподобный силуэт. Дополнение антропоморфных признаков к изображениям сверхъестественных существ в чумурчском искусстве связано с новым культурным контекстом, в котором оказались пришельцы с далекого Запада.

Интересно, что изображения «бесполого» антропоморфа в параболическом контуре найдены в Западном Тибете, а именно в Ладаке (Индия), на местонахождении Домкхар (Bruneau, 2015. Fig. 7; Bruneau, Belezza, 2013. Fig. V.45) (рис., 13). Одна из двух изображенных рядом друг с другом фигур имеет хорошо проработанный силуэт антропоморфного туловища с ногами, проходящими поверх нижней перекладины контура, а также заполнение округлыми пятнами. Фигура антропоморфа заканчивается выше контура уплощенной «головой» (?). Вероятно, эти изображения являются свидетельством широкого распространения чумурчских религиозных представлений в Центральной Азии.

Литература

Ковалев, Мунхбаяр, 2015 — Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч. Чумурчский ритуальный комплекс Харчулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчский культурный феномен. Ч. II.

Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост., науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 155–214.

Ковалев и др., 2020 — Ковалев А. А., Солодовников К. Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Зубова А. В. Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчешском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 78–95.

Кубарев, 2009а — Кубарев В. Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.

Кубарев, 2009б — Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 263 с.

Кубарев и др., 2005 — Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.

Молодин и др., 2019 — Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н., Ненахова Ю. Н. В поисках наскальных изображений на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 489–497.

Мөнхбаяр и др., 2019 — Мөнхбаяр Ч., Ковалев А. А., Буян-Орших Ц., Сүхбаатар Д. Монгол-Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Их хулагаш, Ямаатын голын археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи-2018. Улаанбаатар, 2019. Т. 70–86 (на монг. яз.).

Юй Цзяньцзюнь, 2015 — Юй Цзяньцзюнь. Аэргайкаогучжисин (Археологическое путешествие по Алтаю) // Дачжункау. 2015. № 7. С. 74–80. 于建军. 阿尔泰考古之行. 大众考古2015(7). 第74–80页. (на кит. яз.).

Arcà et al., 2016 — Arcà A., Daudry D., Fossati A., Raiteri L. Le incisioni rupestri di Chenal e La Barma (AO) e i percorsi della pietra verde, tra Piemonte occidentale, Valle d'Aosta e Bretagna // Bulletin d'études préhistoriques et archéologiques alpines. 2016. Vol. 27. P. 145–160.

Bruneau, 2015 — Bruneau L. Étude thématique et stylistique des pétroglyphes du Ladakh (Jammu et Cachemire, Inde): une nouvelle contribution à l'art rupestre d'Asie centrale pour l'Âge du Bronze // Eurasia Antiqua. 2015. Bd. 18. P. 69–88.

Bruneau, Belezza, 2013 — Bruneau L., Belezza J. V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh (Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the 'Western Tibetan Plateau Style') // Revue d'Études Tibétaines. 2013. No. 28, Décembre. P. 5–161.

Domogalla, 2016 — Domogalla S. Sensationsfund aus Ludwigshafen — Älteste Wandmalereien nördlich der Alpen // Bodman-Ludwigshafen. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bodenseepur.de/sensationsfund-aus-ludwigshafen-aelteste-wandmalereien-noerdlich-der-alpen/> (дата обращения: 31.01.2020).

Granö, 1912 — Granö J. G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal de la Société finno-ougrienné 1912. XXVIII. P. 1–67.

Huet, 2017 — Huet Th. Les gravures piquetées du Mont-Bego (Alpes-Maritimes). Organisation spatiale et sériation (VIe–IIe millénaire av. J.–C.). Paris: Société préhistorique française, 2017. Mémoire 63 de la Société préhistorique française. 166 p.

Lumley, Echassoux, 2012 — Lumley H., Echassoux A. La montagne sacrée du Bego. Préoccupations économiques et mythes cosmogoniques des premiers peuples métallurgistes des Alpes méridionales. Paris: CNRS Editions, 2012. 364 p.

Schlichterle, 2016 — Schlichterle H. Wandbilder in Neolithischen Pfahlbausiedlungen des Bodensees. Überlegungen zur Deutung von Bildern und Zeichen des südwestdeutschen Neolithikums // Höhlen, Kultplätze, sakrale Kunst. Kunst der Urgeschichte im Spiegel sprachdokumentierter Religionen / Hrsg. H. Strohm, G. Bosinski. München: Verlag Wilhelm Fink, 2016. S. 207–243.

Twohig, 1981 — Twohig E. Sh. The megalithic art of Western Europe. Oxford: Clarendon Press, 1981. 259 p.

Святылище чемурчекской культуры на северо-западе Монголии¹

В. И. Молодин², Д. В. Черемисин³, Ю. Н. Ненахова⁴, Н. Батболд⁵

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.127-130>

Петроглифические комплексы Центральной Азии — это, как правило, многослойные разновременные памятники, включающие многочисленные изображения разных эпох. Среди персонажей наскальных изображений, количество которых исчисляется тысячами, встречаются стилистически выраженные, хронологическая атрибуция которых вполне устоявшаяся. Особый интерес представляют территориально обособленные группы изображений, иногда сопровождаемые культурными напластованиями, квалифицируемые как святылища (Килуновская, 1990; Молодин, Ефремова, 2010).

В ходе исследования наскальных изображений Северо-Западной Монголии в 2019 г. (Батболд и др., 2019) авторами обнаружено небольшое скопление петроглифов на правом берегу р. Бага-Ойгур. Памятник получил наименование Бага-Ойгор (правый берег)–4, его координаты — N49°18'52.2", E088°25'48.4", высота 2364 м над уровнем моря.

¹ Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, советник директора, зав. Отделом археологии палеометалла, академик, д.и.н., проф. Адрес электронной почты: molodin@archaeology.nsc.ru.

³ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: cheremis@archaeology.nsc.ru.

⁴ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: nenaxoffurgut@mail.ru.

⁵ 210620, Монголия, Улан-Батор, Amariin gudamj 1. Институт археологии Монгольской академии наук, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: batboldnt@gmail.com.

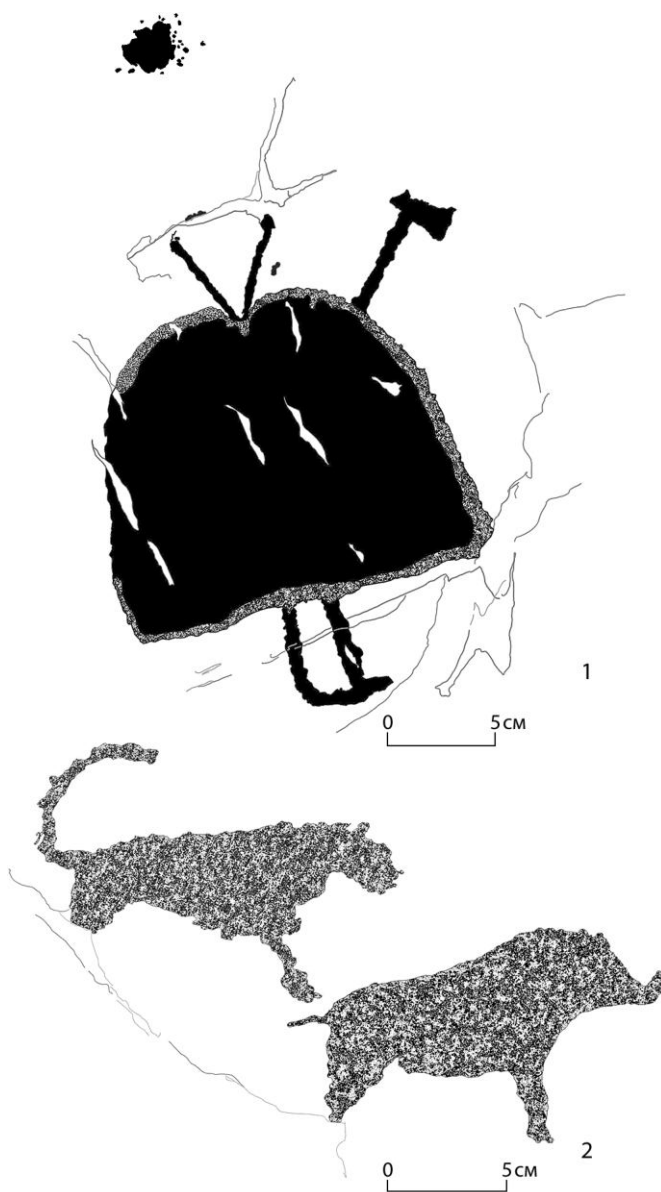

Рис. Прорисовки скальных изображений Буг-Ойгор (правый берег): 1 — антропоморфная фигура «чемурчекского» типа; 2 — бегущий к бивню

На валунах, лежащих на склоне береговой террасы, сконцентрировано несколько изящных композиций, выполненных в единой технике и манере. Среди сюжетов: фигуры животных (быков, оленей, кабанов и др.) и антропоморфных персонажей. Зафиксировано несколько композиций: сцены охоты, передвижение быков, барс, атакующий кабана (**рис., 2**). Для нескольких изображений на разных валунах зафиксирован единый прием выделения глубоким контуром абриса фигуры при полном заполнении силуэта фигуры неглубокой плотной выбивкой (**рис., 1**).

Антропоморфная фигура передана анфас «в накидке» с бронзовым проушным топором, поднятым вверх (**рис., 2**). Она аналогична серии подобных персонажей, известных в данном районе Монголии (*Кубарев, и др., 2005*. Рис. 69). Подобные изображения обнаружены А. А. Ковалёвым при раскопках погребальных конструкций чемурчекской культуры на стенках каменных ящиков и оград (*Ковалев, Мунхбаяр, 2015*). Особый интерес на анализированном изображении представляет топор. На территории соседней, российской, части Алтая подобные топоры известны в виде случайных находок (*Гришин, 1971; Кирюшин, Иванов, 1996*). Два таких топора, клиновидных по форме (*Кирюшин, 2002*. С. 24), сопоставимы с топорами майкопского типа (третья группа по классификации С. С. Кореневского — *Кореневский, 1974*). Приведенные аналогии позволяют позиционировать наличие данных предметов на территории Южной Сибири и прилегающих районов Центральной Азии в конце III тыс. до н. э. (*Кирюшин, 2002*. С. 25), что, в свою очередь, разрешает достаточно надежно датировать и анализируемое изображение, и, как следствие, сам памятник.

Спецификой комплекса является не только его пространственная локализация, но и сравнительно небольшая высота его расположения над уровнем поймы реки, что вообще-то не характерно для позиций петроглифов в этом районе Монголии (*Якобсон, 2000; Jacobson, 2001*).

Обособленность данного скопления изображений на фоне огромного количества петроглифических комплексов левого и правого берега р. Бага-Ойгур (см. *Jacobson et al., 2001*), единство стиля и техники нанесения петроглифов позволяют интерпретировать его как культовое место, вероятно святилище чемурчекской культуры эпохи бронзы.

Литература

- Батболд и др., 2019 — Батболд Н., Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н. Монгол-оросын хамтарсан хадны зураг судлах ангийн хайгуул судалчааны урьдчилсан ур дун // Монголын Ачхеолог. Улаанбаатар хот, 2019. Т. 190–199 (на монг. яз.).
- Гришин, 1971 — Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М.: Наука, 1971. 89 с. (САИ. Вып. ВЗ–12).
- Килуновская, 1990 — Килуновская М. Е. Наскальные святилища Южной Тувы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Изд-во ИА АН СССР, 1990. С. 198–205.
- Кирюшин, 2002 — Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. 294 с.

- Кирушин, Иванов, 1996 — Кирушин Ю. Ф., Иванов Г. Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. Вып. 7. С. 81–88.
- Ковалев, Мунхбаяр, 2015 — Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост., науч. ред. А. А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 155–214.
- Кореневский, 1974 — Кореневский С. С. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3. С. 14–32.
- Кубарев и др., 2005 — Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор: Изд-во ИАЭТ СО РАН; Юджин, 2005. 638 с.
- Молодин, Ефремова, 2010 — Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю — культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 264 с.
- Якобсон, 2000 — Якобсон Э. Петроглифы и естественная история: источники реконструкции и экологии культуры // АЭАЕ. 2000. № 1. С. 57–65.
- Jacobson, 2001 — Jacobson E. Tsagaan Salaa: Baga Oigor: The physical character of the complex and its Division // E. Jacobson, V. Kubarev, D. Tsevendorj. Monglie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa: Baga Oigor. Repertoire des Pétroglyphes D'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. Jascicule, № 6. P. 7–13.
- Jabson et al., 2001 — Jabson E., Kubarev V., Tsevendorj D. Monglie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa: Baga Oigor // Repertoire des Pétroglyphes D'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. Jascicule, № 6.

Сцены с «роженицами» в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона¹

О. С. Советова², О. О. Шишкина³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.130-132>

Исследования, которые мы проводим в Тепсейском археологическом микрорайоне, неизменно приводят к научным трудам Эльги Борисовны Вадецкой —

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-40089 «Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов».

² 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет, Институт истории и международных отношений, директор, д.и.н., доцент, проф. Адрес электронной почты: olgasovetova@yandex.ru.

³ 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет, Институт истории и международных отношений, кафедра всеобщей истории и международных отношений, ассистент. Адрес электронной почты: olgashishkina145@gmail.com.

выдающемуся ученому-археологу, которая активно использовала в своих трудах тепсейские материалы широкого хронологического диапазона от афанасьевских до таштыкских. Отдельный интерес исследовательницы занимали разнообразные предметы декоративно-прикладного искусства, в частности погребальные маски (Вадецкая, Гавриленко, 2003), изобразительные материалы (Вадецкая, 2000), в том числе и петроглифы (Вадецкая, 1986. С. 163).

Разумеется, исследовательница не могла обойти своим вниманием изобразительные материалы из окуневских могильников, среди которых ею был выявлен любопытный сюжет с «роженицей» (Черновая VIII, Сыда V и др.) (Вадецкая, 1970. С. 261. Рис. 1в). Позднее в наскальном искусстве Минусинской котловины было выявлено еще несколько аналогичных фигур; в частности, Ю. Н. Есиным уже было приведено девять подобных изображений (Есин, 2010. С. 112). Все фигуры объединяет общая поза (на корточках с широко расставленными ногами), но по ряду других признаков они различаются довольно существенно. В свое время Я. А. Шер обратил внимание на сюжет с роженицей, запечатленный на скалах Усть-Тубы III, представленной на фоне быка. Он назвал его «матерью-прародительницей» (Шер, 1980. С. 270–277). Ю. Н. Есиным эта фигура из-за отсутствия ступней была сопоставлена с рисунком на стенке гробницы каракольской культуры в с. Озерное, а по отсутствию рук, которое, по его мнению, является важным стилистическим признаком, — с серией антропоморфных изображений ранне-окуневского искусства Минусинской котловины (Есин, 2010. С. 114).

На Тепсее нами было зафиксировано еще два изображения рожениц. Одно из них — в Волчьем логу (Тепсей II) на большой плоскости со значительными утратами древней корки; сохранилось несколько фигур, свободно расположенных на поверхности скального выхода. Среди них изображение быка, ориентированного головой вверх, с передней рудиментарной ногой, подогнутой под живот; перевернутая лодка с «гребцами» и др. В центральной части удивительным образом сохранилась фигурка «роженицы» (рис., 1). Она небольшая, представлена в анфас, с ногами, слегка согнутыми в коленях, в ее верхней части с двух сторон обозначены небольшие отростки, а на голове торчащие волосы либо древовидный головной убор (?), рук нет. По сути, здесь представлена вариация на тему «роженица и бык», но «прическа» женского персонажа выделяет ее в ряду других фигур подобного плана. Такие «древовидные» головы встречаются у антропоморфных персонажей со многих памятников наскального искусства обширного ареала и имеют различную трактовку. У хакасов, например, березовая ветвь была оберегом беременных женщин. Исследователи нередко отмечают тождество символики *развилки дерева* и женского образа. Можно предположить также, что и некоторые сцены с быками, показанными, как полагают исследователи, у «мирового дерева» — вертикального столба с развилкой (Есин, Скобелев, 2020. Рис. 4, 8), можно трактовать как вариацию рассматриваемого сюжета: женщина (столб с развилкой) и бык.

Совсем другой стиль отличает еще одну фигуру «роженицы» (рис., 2), обнаруженную нами на юго-западном склоне горы (Тепсей IV). В настоящее время

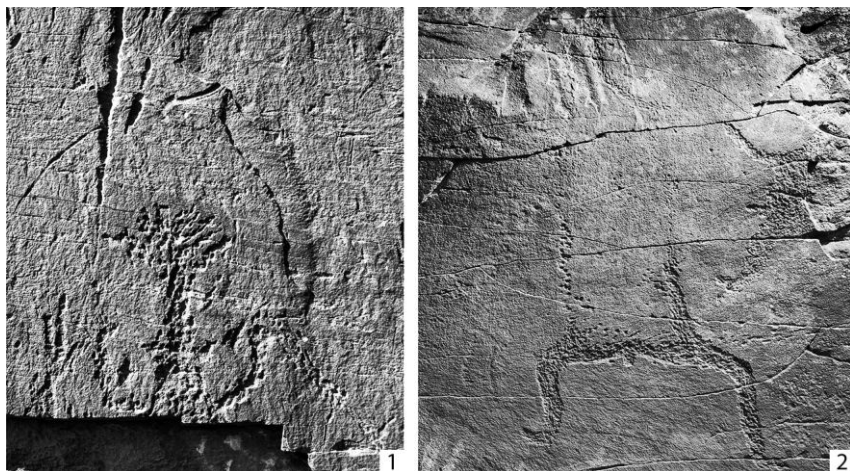

Рис. Фигуры «рожениц» в петроглиф х горы Тепсей: 1 — Тепсей II; 2 — Тепсей IV

хорошо видна лишь ее нижняя часть. Фигура изображена в характерной позе с разведенными ногами, с опущенными руками, немного разведенными и слегка согнутыми в локтях, с грудью, намеченной едва заметными выбоинами. Эта фигура в большей степени напоминает аналогичные фигуры с памятников наскального искусства Китая и других более отдаленных от рассматриваемого регионов.

Литература

- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая, 2000 — Вадецкая Э. Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Омск, 2000. С. 15–17.
- Вадецкая, Гавриленко, 2003 — Вадецкая Э. Б., Гавриленко Л. С. Технология изготовления масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы научно-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2003. Кн. II. С. 217–224.
- Есин, 2010 — Есин Ю. Н. Изображения «Богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3. С. 111–122.
- Есин, Скобелев, 2020 — Есин Ю. Н., Скобелев С. Г. Петроглифы эпохи поздней бронзы на горе Унук в Минусинской котловине // АЭАЕ. 2020. Т. 48, № 1. С. 72–80.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Солярный культ в отражении петроглифов Саймалы-Таша

К. И. Ташбаева¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.133-135>

Поклонение солнцу — источнику света, тепла, жизни на земле — у древнего населения было одной из ведущих форм религии. Эта тема нашла очень широкое отражение в петроглифах Саймалы-Таша — самого крупного скопления наскальных рисунков, расположенного высоко в горах на территории Кыргызстана.

Обозначений небесного светила много, и они разнообразные. Самые простые из них и наиболее распространенные — простое кольцо с точкой посередине или без него, кольцо с крестом внутри, крест или кольцо с 6, 8 и 12 лучами, отходящими от него и иногда заключенными в круг (**рис., 1–3**). Встречены сплошные диски «на ножках» или свастики и «очковидные» знаки.

«Очковидных» знаков, которые принято считать солярными символами, также большое количество. Они представляют собой два кольца, соединенных прямой линией. Нередко на одной плоскости изображены несколько или даже множество «очковидных» знаков разной величины (**рис., 4, 5**). Нередко они изображались в сочетании с животными, зигзагами.

Интерес представляют две большие плоскости, на которых изображено множество колец, соединенных друг с другом линией. Внутри колец посередине обозначена точка. Если кольцо с точкой посередине является одним из распространенных солярных символов, а здесь представлена целая их система, то, вероятно, можно предположить, что здесь изображено звездное небо или Вселенная по представлениям древних людей.

Помимо различных геометрических знаков, имеются и более сложные символы, когда рога быков, оленей или козлов обозначены в виде круга с точкой посередине, т. е. как бы изображается животное (**рис., 8**), несущее солнце, а значит, животное — символ этого божества. Имеется изображение и человека, несущего солнце в руках (**рис., 9**).

Еще более сложные символы — «солнцеголовые» фигуры людей, когда изображено туловище человека, но вместо головы большой диск с отходящими лучами, обозначенными глазами и ртом (**рис., 6, 7**). Известны одиночные фигуры, но имеются рисунки, где таких фигур две, три и более. Иногда «солнцеголовые» изображены с расставленными или поднятыми вверх руками. В интерпретации этих сюжетов нет единого мнения. Одни исследователи считают, что это изображение самого солнца, другие — что это солнечные божества, третьи относят их

¹ 720072, Кыргызстан, Бишкек, пр. Чуй, 265а. Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики, зав. отделом, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: kadichaty@gmail.com.

к солнцеподобным божествам. Во всяком случае, культ поклонения солнцу или солнечному божеству в петроглифах Саймалы-Таша отражен предельно четко.

Наиболее примечательна в этом плане композиция, где вверху изображено солнечное божество, а под ним — несколько пар людей с поднятыми руками и подогнутыми коленями. Люди все с «хвостами». Под ними проведена линия, вернее, «очковидный» знак, под которым расположено еще одно солнечное божество (рис., 10). Несомненно, здесь в наиболее яркой форме показано исполнение ритуала, своеобразного танца поклонения солнцу или солнечному божеству, а одновременно, возможно, изображена и вертикальная модель мира.

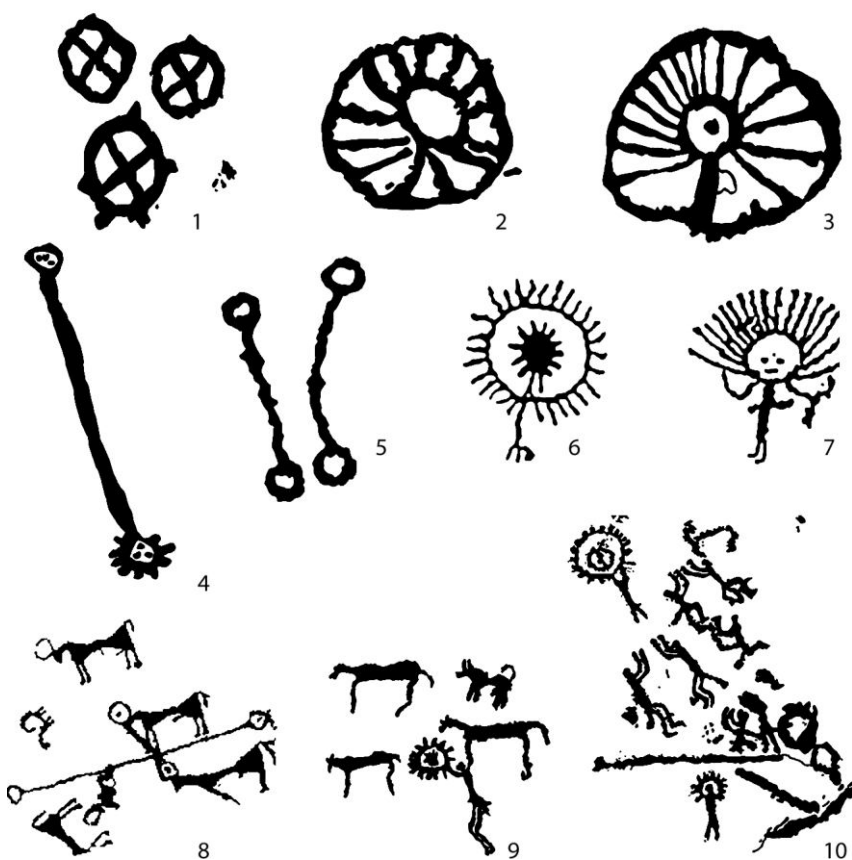

Рис. Соляные знаки, символы и обряд поклонения солнцу (составлено из собственных материалов автора)

Многие рисунки Саймалы-Таша с колесницами и солярными символами свидетельствуют о целой системе солярного культа у древнего населения Кыргызстана. В то же время часть сюжетов петроглифов Саймалы-Таша схожа с обрядами и культами, отраженными в древних письменных памятниках, таких как «Ригведа» и «Авеста». Они как бы иллюстрируют тексты древних эпосов, где главным богом был бог солнца Митра, которому поклонялись и индоарии в Передней Азии, и древние индийцы, и иранцы, распевавшие в его честь гимны; а по изображениям Саймалы-Таша в Кыргызстане и Тамгалы в Казахстане, ему поклонялось и древнее население Центральной Азии. Соответственно, древние культы и в целом духовная культура населения всей огромной Центральной Азии имела общие корни.

Звериный стиль в петроглифах Западного Тибета¹

А. В. Варёнов²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.135-138>

Петроглифы на территории Тибета открыты в 1985 г. в уезде Житу (Рутог), расположенном на западе региона (*Цзюнькуй, Цзяньлинь*, 1986). В нашей стране первая статья, специально посвященная петроглифам Тибета, увидела свет 20 лет спустя (*Черемисин и др.*, 2006). В ней авторы описали природные условия и кратко рассказали об основных памятниках наскального искусства автономного района, сопроводив свой труд несколькими иллюстрациями. Они отметили, что наиболее богат наскальными рисунками уезд Рутог (Житу), особенно вблизи населенного пункта Лурулангка.

Большое внимание было уделено местонахождению Жэньмудун (Жумудун), в частности первой группе петроглифов из пункта 1³. К сожалению, весьма подробное текстуальное описание наскальных рисунков из этого пункта у наших авторов плохо стыкуется с воспроизводимыми ими же изображениями. Например, упоминаются «две фигуры всадников с головами баранов» (Там же. С. 249). Несложно убедиться, что бараньи головы имеются не у самих всадников, а у их издохов животных (**рис., 1**).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

² 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: avvarenov@mail.ru.

³ Правильнее переводить использованный в китайской статье термин «янь мянь» не как «пункт» (что сделали отечественные авторы), а как «скальная плоскость».

Как очень важные Д. В. Черемисин с соавторами отмечает пункты (скальные плоскости. — А. В.) 8, 12 и 13 в той же группе 1, где «представлены различные животные, причем их позы и детали оформления <...> вызывают очень близкие аналогии с искусством ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии» (Там же. С. 250). К сожалению, рисунки этих петроглифов в русскоязычной статье не приводятся, а из описания «деталей оформления» сообщается только о «позе на цыпочках» и «спиралевидных украшениях (волютах) на теле». Это обстоятельство вынуждает нас вновь обратиться к первичным публикациям наскальных рисунков «в зверином стиле» из Жэньмудун.

На скальной плоскости (в пункте) 8 изображены горные козлы, як (или какой-то иной бык), баран и олени, тела многих из них украшены горизонтальной S-видной спиралью. Все животные даны в профиль, в статичной позе, с двумя ногами. У единственного оленя, показанного с четырьмя ногами, голова повернута назад (**рис., 2**).

На скальной плоскости (в пункте) 12 присутствует несколько групп животных. В верхней части плоскости несущаяся вскачь крупная собака преследует трех оленей, лопатки и бедра которых украшены спиральями (волютами). Олени показаны в движении, с четырьмя ногами, их рогатые головы развернуты назад. Ниже два более мелких пса по отдельности преследуют данного в профиль козла с двумя ногами, тело которого украшено горизонтальной S-видной спиралью, и обернувшегося назад небольшого оленя (?) с четырьмя показанными в движении ногами и волютами на бедре и лопатке. Две последние композиции сопровождают фигурки парящих птиц с распластанными в полете крыльями (**рис., 3**).

Изображения на скальной плоскости (в пункте) 13 сильно испорчены выбитой поверх древних рисунков и прокрашенной очень крупной (возможно, современной) буддийской надписью. Тем не менее можно разобрать собаку, преследующую обернувшегося назад, но стоящего на двух прямых ногах оленя, другого обернувшегося назад оленя с волютами в районе бедра и лопатки, с четырьмя ногами, переданными в движении, и нескольких козлов, тело одного из которых украшено горизонтальной S-видной спиралью (**рис., 4**).

Судя по палимпсестам на плоскостях 8, 12 и 13, изображения животных в статичной позе на двух ногах, с телами, украшенными горизонтальной S-видной спиралью, более ранние, чем животных с четырьмя ногами в движении и с волютами в районе бедра и лопатки (Чжан, 1986. С. 52). Поиск конкретных аналогий рисункам из Жэньмудуна среди наскальных изображений и мобильного искусства Южной Сибири, Центральной Азии и Китая и определение их даты — задача отдельного серьезного исследования. Попытки подступить к ее решению «с индийской территории», где в Ладакхе (Малом Тибете) встречены похожие петроглифы, предпринимались западными исследователями, датировавшими интересующие нас рисунки поздним бронзовым или ранним железным веком (Francfort et al., 1990. P. 13–15; 1992. P. 151–153).

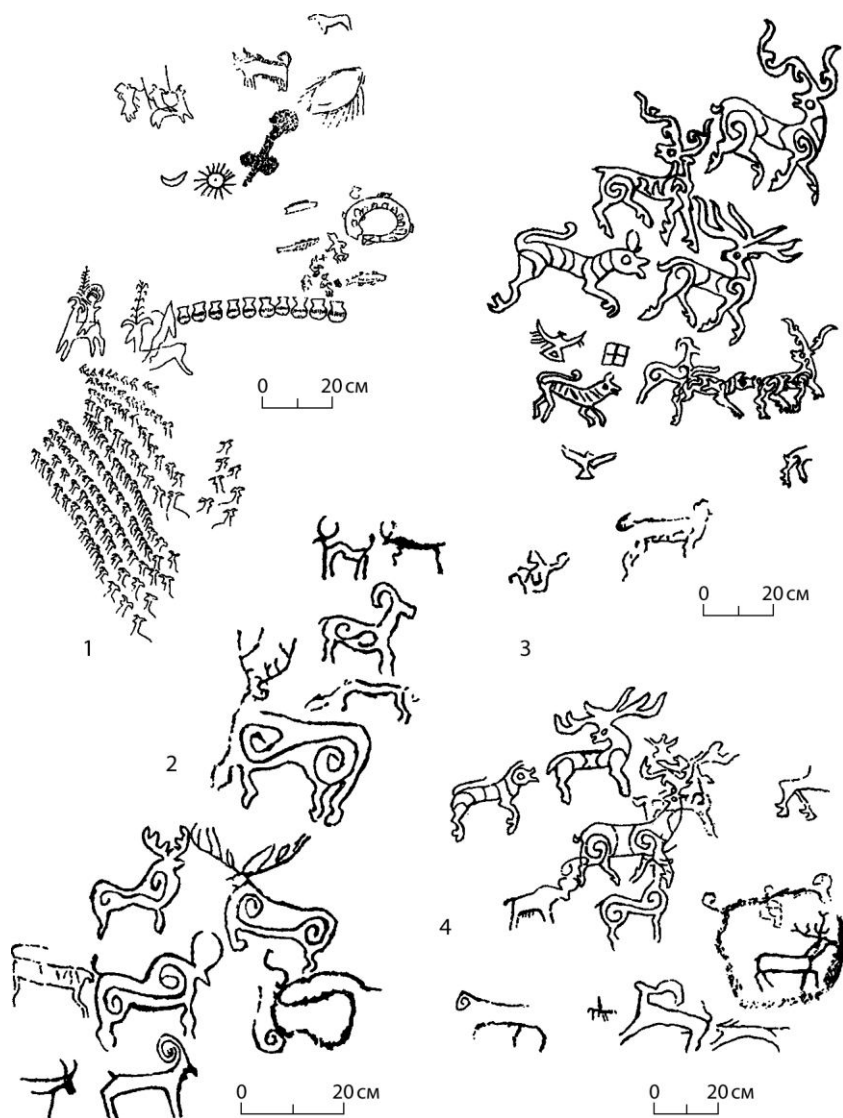

Рис. Петроглифы из 3 п дного Тибет с п мятник Жэньмудун (Римодонг) в уезде Житу (Рутог) в КНР. 1 — ск льн я плоскость (пункт) 1; 2 — ск льн я плоскость (пункт) 8; 3 — дет ль ск льной плоскости (пункт) 12; 4 — дет ль ск льной плоскости (пункт) 13. М шт бы р зные (м шт биров ние рисунков и компоновк т блицы выполнены А. В рёновым по: 1—4 — Цзюнькуй, Цзяньлинь, 1987. С. 46—47. Рис. 10; 12; 13; 15)

Литература

- Цзюнькуй, Цзяньлинь, 1987 — У Цзюнькуй, Чжан Цзяньлинь. Сицзан Житу сянь гудай яньхуа дяоча цзяньбао [仝君魁, 张建新. 西藏日土县古代岩画调查简报]. Краткий отчет о разведке древних петроглифов в уезде Житу в Тибете // Вэньу. 1987. № 2. С. 44–50 (на кит. яз.).
- Цзяньлинь, 1987 — Чжан Цзяньлинь. Житу яньхуа дэ чубу яньцзю [张建新. 日土岩画的初步研究]. Предварительное исследование петроглифов из уезда Житу // Вэньу. 1987. № 2. С. 51–54, 87 (на кит. яз.).
- Черемисин и др., 2006 — Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А. Петроглифы Тибета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 248–255.
- Francfort et al., 1990 — Francfort H.-P., Klodzinski D., Mascle G. Petroglyphes archaïques du Ladakh et du Zaskar // Arts Asiatiques. 1990. Vol. XLV. P. 5–27.
- Francfort et al., 1992 — Francfort H.-P., Klodzinski D., Mascle G. Archaic Petroglyphs of Ladakh and Zaskar // Rock Art in the Old World: papers presented in Symposium A of the AURA Congress, Darwin (Australia), 1988 / Ed. M. Lorblanchet. New Delhi: IGNCА, 1992. P. 147–192.

Писаница с реки Муданьцзян в КНР и погребальные росписи Когурё¹

А. В. Варёнов²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.138-141>

Исследуемая писаница расположена на правом берегу р. Муданьцзян, правом нижнем притоке р. Сунгари, близ дер. Цюньлитунь (Цзюнлицунь). Административно она относится к волости Чайхэ (ранее — большой бригаде Цюньли народной коммуны Чайхэ), уезд Хайлинь провинции Хэйлунцзян КНР. Памятник обнаружен в 1958 г. и повторно обследовался и копировался в 1960 и 1965 гг. (Хэйлунцзян, 1972). Размещаются рисунки на гранитной скале, обрывающейся к воде почти вертикальной стеной. Изображения нанесены красной краской на ровную плоскость светло-бурого цвета шириной 1,8 и высотой 1,2 м, обращенную на юг и находящуюся на высоте 23 м над уровнем реки. Сверху эта плоскость прикрыта скальным козырьком.

Композиционно писаницу можно разделить по горизонтали на две части: правую и левую, каждая из которых, в свою очередь, делится по вертикали на три яруса (рис. 1). Слева вверху помещен олень, под ним фигура животного, видимо

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

² 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Новосибирский государственный университет, к.и.н., доцент. Адрес электронной почты: avvarenov@mail.ru.

тоже оленя, и человека. Правая рука человека касается морды животного, слегка согнутая левая рука также протянута в его сторону. В самом низу левой половины композиции очень нечеткий рисунок, изображающий, как считают китайские исследователи, человека или медведя. Справа вверху две фигуры, сидящие под навесом или тентом (балдахин). Ниже, в центре правой части, похожее на оленя животное с раздутым брюхом, по мнению китайских археологов самка. В правом нижнем ярусе нарисована лодка. На ее левом конце сидит человек, который гребет или правит судном. Правее центра лодки стоит другой человек, держащий в руках, поднятых над головой, какой-то предмет, возможно вершу-плетенку или рыболовную сеть. Еще правее, слегка согнувшись, стоит еще один человек, видимо толкающий лодку шестом.

В технике росписи красной краской на Дальнем Востоке выполнен единственный памятник наскального искусства — Сукпайская писаница, расположенная на притоке р. Хор на юге Хабаровского края (Дьяков, 1978а; Шиповалов, 1999). В. И. Дьяков датирует ее серединой I тыс. до н. э. — серединой I тыс. н. э. (Дьяков, 1978б. С. 32). Однако по своему стилю рисунки Сукпая и Муданьцзяна различаются весьма значительно. Не похожи по стилю на муданьцзянскую и крашенные таежные писаницы Верхнего Приамурья (Мазин, 1986).

Весьма сложен вопрос о датировании писаницы с р. Муданьцзян. Нижнюю дату всей группы дает изображение домашнего оленя, прирученного не ранее рубежа эр (Василевич, 1969. С. 72–80). Вместе с тем наскальные рисунки на берегах р. Муданьцзян упомянуты в «Описании уезда Нинъань», составленном при маньчжурской династии Цин (1644–1912), где отмечается, что местные жители хотя и видели их, но не знают, следы какой это эпохи и каких людей. Данное свидетельство не позволяет отнести рассматриваемую композицию к этнографической современности.

Существенно уточнить хронологию наскальных рисунков из Цюньлитунь (Цзюньлициунь) позволяет поиск аналогий самому необычному для сибирских и центральноазиатских петроглифов элементу композиции — двум сидящим под балдахинами фигурам. Обычно так изображали хозяина могилы и его жену в погребальных росписях богатых захоронений раннесредневековых государств, соседних с Маньчжурской равниной. В когурёской гробнице Мичхон-вана, известной также как «Анак № 3» и датированной по нанесенной на стене иероглифической надписи 357 г. (Джарылгасинова, 1979. С. 43), помимо сидящих под балдахинами хозяина и хозяйки (рис., 2, 3), изображены надворные постройки и связанные с ними бытовые сцены: колодец, кухня, мясная кладовая, коровник, конюшня, каретный сарай (Фрески, 1979. С. 13–16). Этим росписи из Анака напоминают писаницу с р. Муданьцзян, где также отражены сцены повседневной хозяйственной жизни, хотя, возможно, и перенесенные по замыслу создателей наскальных рисунков в загробный мир: рыбная ловля, разведение домашних оленей и уход за ними. Благодаря когурёским аналогиям, наскальные рисунки из Цюньлитунь (Цзюньлициунь) можно отнести к раннему средневековью.

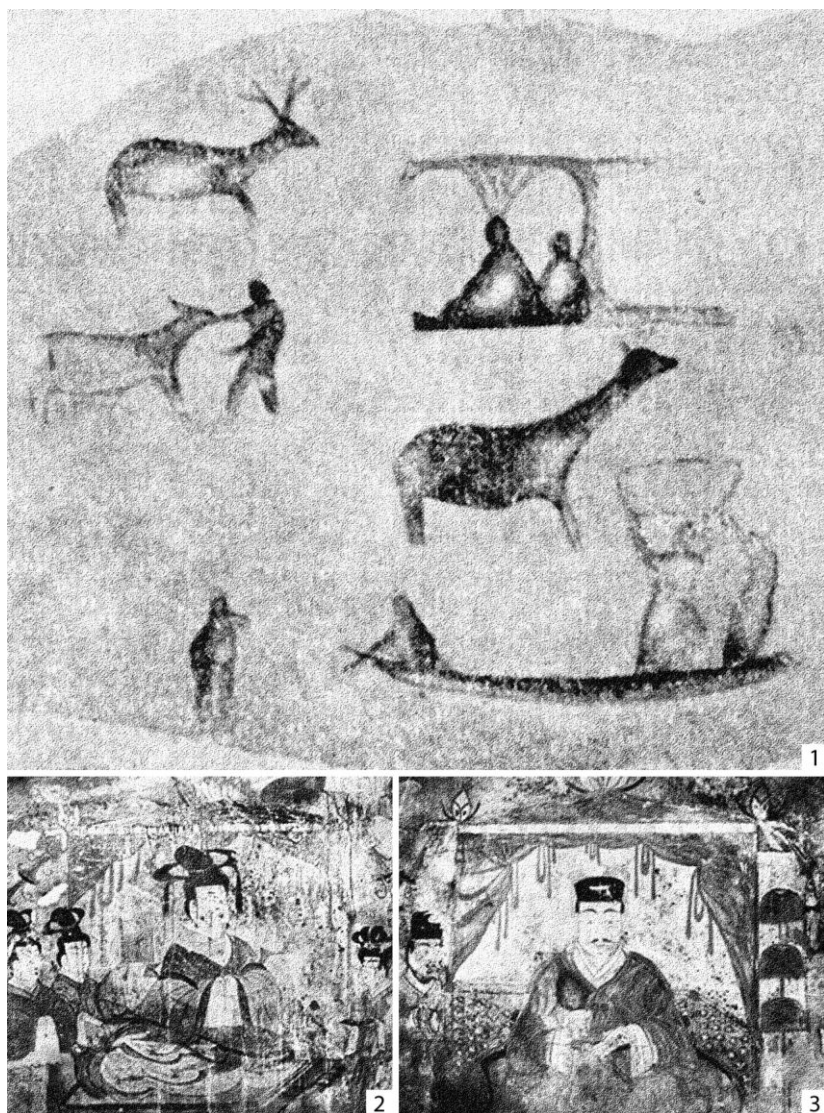

Рис. Пис ниц Цюньлитунь (Цюньлициунь) с р. Муд ньцзян в КНР и дет ли погреб льных росписей гробницы Мичхон-в н (Ан к № 3) в КНР. 1 — пис ниц Цюньлитунь (Цюньлициунь) с р. Муд ньцзян; 2 — жен хозяйин могилы Ан к № 3; 3 — хозяйин могилы Ан к № 3. М сшт бы р зные (м сшт биров ние рисунков и компоновк т блицы выполнены А. В. В рёновым по: 1 — Хэйлунцзян, 1972. С. 36; 2, 3 — Фрески, 1979. С. 10–11)

Литература

- Василевич, 1969 — Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Джарылгасинова, 1979 — Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»). М.: Наука, 1979. 182 с.
- Дьяков, 1978а — Дьяков В. И. Древние художники Сихотэ-Алиня // Дальний Восток. 1978. № 6. С. 125–130.
- Дьяков, 1978б — Дьяков В. И. Сукпайская писаница // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР / Отв. ред. А. И. Крушанов. Владивосток: Изд-во АН СССР; ДВНЦ, 1978. С. 31–32.
- Мазин, 1986 — Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
- Фрески, 1979 — Фрески периода Когурё. Пхеньян: Редакция альбомов управления по хранению памятников культуры КНДР, 1979. 96 с.
- Хэйлунцзян, 1972 — Хэйлунцзян шэн Хайлинь сянь Муданьцзян юань дэ гудай моя бихуа [黑龙江省海林县牡丹江右岸的古代摩崖壁画]. Древние наскальные росписи на правом берегу р. Муданьцзян в уезде Хайлинь провинции Хэйлунцзян // Каогу. 1972. № 5. С. 36 (на кит. яз.).
- Шиповалов, 1999 — Шиповалов А. М. Наскальные изображения на р. Сукпай // Традиционная культура востока Азии / Отв. ред. Д. П. Болотин, А. П. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 1999. Вып. 2. С. 194–200.

Стили петроглифического искусства Монгольского Алтая: движения ног животных¹

А. С. Гюнери²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.138-141>

Археологическая культура — это неотъемлемая часть этнической культуры³. И определяет ее непосредственно сам язык. В ситуации, когда неизвестно, какой язык был распространен на какой-либо территории, мы можем выяснить это с помощью стилистико-критических методов изучения материальной культуры. Непрерывность археологического стиля демонстрирует непрерывность языка. Когда прерывается археологический стиль, прерывается и этнос. «Чтобы в точности

¹ Исследование выполнено с участием проекта № 2018KBSOS011 и других исследовательских проектов, поддержанных Университетом Девятого Сентября.

² 35160, Турция, Измир. Центр Кавказской и Центрально-Азиатской археологии Университета Девятого Сентября, директор, проф. Адрес электронной почты: semihguneri@mail.ru.

³ Настоящая работа публикуется в авторской редакции. Редакционная коллегия не разделяет большинство высказанных в статье положений.

понять, в каких областях, в какой период и в каких условиях существовала культура и в какой период она прервалась, а потом и полностью исчезла, в первую очередь мы должны изучить изменения и трансформации стилистического развития культурного материала» (Güneri 2002; 2018). Если нам удастся определить коды / стили в петроглифах, мы сможем понять и саму культуру, и межкультурные связи в широком смысле. Художественные стили отражают сложно изменяемые привычки сообществ, объединенных идеологией, единым языком и судьбой. То есть стиль — это записанные коды этнической культуры. Несомненно, эти коды играют значительную роль для определения этничности культуры, с одной стороны, и для выяснения межкультурных связей, с другой. Так, общие художественные стили Монгольского Алтая связывают его невидимыми линиями с востока на запад, с юга на север — к культурным границам местных сообществ.

При поддержке Университета Девятого Сентября (Измир) в 2009–2017 гг. была проведена серия исследований петроглифов в Монголии, в Монгольском Алтае (Güneri, 2010; 2012; 2018). В ходе исследований, охвативших Монгольский Алтай и небольшую часть Центральной Монголии, скопированы и зафиксированы тысячи наскальных изображений. Были открыты и некоторые неизвестные ранее памятники. Создание полного каталога наскальных изображений не являлось главной целью исследований. В любом случае, необходимости создавать его не было. В конце концов, нет значимой разницы, сколько горных козлов одного и того же типа будет зафиксировано — 100 или 1000. Одна из главных задач нашей работы — с помощью петроглифов попытаться понять основные идеи художественных стилей главных культур Алтайских гор.

Художники Алтая — прекрасные созерцатели природы (Jacobson et al., 2001; Jacobson-Tepfer et al., 2010; Jacobson-Tepfer, 2012). Они очень внимательно наблюдали за движениями животных. Очевидно, что реакции животного лучше всего выражены в движениях его ног. Алтайские художники изображали ровно то, чему веками их учили предки. Поэтому следует классифицировать художников как «талантливых» и «бесталанных», а не «новаторов» и «традиционалистов». Кроме удачных композиционных решений, часто встречаются и простые зарисовки, но ни в одном, ни в другом случае стилистические черты практически никогда не меняются. Это означает, что художественные стили существовали в Северной Азии столетиями.

В процессе исследований в регионе Монгольского Алтая в Монголии мы обнаружили ряд особенностей в изображениях людей и животных. Одну из них, «движения ног животных», я опишу здесь: 1) ноги в движении; 2) задние ноги образуют лямбду (λ); 3) передние ноги образуют лямбду (λ); 4) задние и передние ноги образуют лямбду (λ); 5) ноги параллельны (**рис.**). Каждая из этих групп делится на подгруппы. Алтайский художник классического тюркского периода всегда адаптировал стиль, позаимствованный им из прошлого периода, к tradi-

	Модель	А	Б	В	Г	Д
1						
2						
3						
4						
5						

Рис. Движения ног животных в стилях петроглифического искусства Монгольского Алтая

циям своего времени. Он никогда не пробовал использовать непривычный ему стиль. Начиная с раннего бронзового века на Алтае не фиксируются отличные / «иностраные» стили. Стиль изображений ног животных в алтайских петроглифах позволяет выявить связи между культурами окуневской и карасукской, между ранним скифским периодом и пазырыкской культурой и, наконец, между таштыкской культурой и классическим тюркским периодом. Доступный археологический материал — это живой и подвижный свидетель культурных связей между ранними и поздними культурами Алтая.

Литература

- Güneri, 2002 — Güneri A. S. Cultural connections between Anatolia and Caucasus-Central Asia during the Late Bronze- Early Iron Age, in the light of the Sos Höyük Excavations, 1987 and Northeastern Turkey surveys carried out in 1985–1997 // *Revue Annuel le de l'Institut Français d'Etudes Anatolia Antiqua*. 2002. Vol. XI. P. 11–77.
- Güneri, 2010 — Güneri A. S. The archaeological cultures of the Turkic culture in Central Eurasia (OTAK) Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // *Древние культуры Евразии: Материалы междунаро конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама* / Ред. В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН, 2010. P. 264–270.
- Güneri, 2012 — Güneri A. S. The archaeological sources of the Turkic culture in Central Eurasia (OTAK) Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010–2011 / *Orta Asya'da Turk Kulturunun Arkeolojik Kaynaklari (OTAK) Projesi: Mogolistan Altay Daglari Bolgesi*

2009–2010–2011 Yili Calismalari // Proceedings of the Third International Congress of Eurasian Archaeology. Izmir, 2012. P. 42–188.

Güneri, 2018 — *Güneri A. S.* Turk-Altay Kurami, Kaynak Yayinlari. Istanbul, 2018.

Jacobson et al., 2001 — *Jacobson E., Kubarev V. D., Tseveendorj D.* Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa / Baga Oigor, Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, Fascicule. Paris: De Boccard, 2001. Vol. 2, No. 6. 256 p.

Jacobson-Tepfer, 2012 — *Jacobson-Tepfer E.* The Image of the wheeled vehicle in the Mongolian Altai: Instability and ambiguity // *The Silk Road*. 2012. Vol. 10. P. 1–28.

Jacobson-Tepfer et al., 2010 — *Jacobson-Tepfer E., Meacham J., Tepfer G.* Archaeology and landscape in the Mongolian Altai: An Atlas, Redlands. CA: ESRI Press, 2010. 209 p.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ: МЕТОДЫ, ОТКРЫТИЯ, КОНЦЕПЦИИ

Находка краниума человека европеоидного типа из погребения ранней бронзы в высокогорье Монгольского Алтая¹

К. Н. Солодовников², Ц. Турбат³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.145-148>

Антропологический состав населения ранних этапов бронзового века Монгольского Алтая характеризуется неоднородностью. Череп взрослого мужчины афанасьевской культуры из кургана 1 могильника Кургак гови отличается заметным морфологическим своеобразием на фоне всех исследованных афанасьевских краниологических материалов Южной Сибири и Центральной Азии. Тем не менее афанасьевская группа из трансграничных высокогорных районов Алтая, в которую включены измерительные данные этого черепа, в среднем также характеризуется протоевропеоидным комплексом признаков восточноевропейского происхождения (*Эрдэнэ и др.*, 2020). Среди единокультурных групп она наиболее сходна по краниометрическим и остеологическим характеристикам с серией из могильника Шатар-Чулу в Центральной Монголии, а обе они выделяются еще большей массивностью черепа и максимальными продольными размерами посткраниального скелета.

Небольшая краниологическая серия из курганов культуры хэмцэг (чемурчекской) в Монгольском Алтае (*Солодовников и др.*, 2019; *Эрдэнэ и др.*, 2020; *Кова-*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-59-94020).

² 626026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86. Тюменский научный центр СО РАН, с.н.с. Адрес электронной почты: solodk@list.ru.

³ 4200, Монголия, Улан-Батор. Институт археологии Монгольской Академии наук, Отдел археологии бронзового и железного веков, зав. отделом. Адрес электронной почты: turbat.tsagaan@gmail.com.

лев и др., 2020) характеризуется антропологическими особенностями местного азиатского населения с монголоидными особенностями. Судя по имеющимся материалам, население культуры хэмцэг морфологически наиболее сходно с группами серовской и глазковской культур позднего неолита и ранней бронзы Прибайкалья и Забайкалья, а также многими группами до- и постафанасьевского времени Южной и юга Западной Сибири.

Новые краниологические материалы происходят из исследованных Ц. Турбатым совместно с европейскими коллегами погребений энеолита — ранней бронзы в Цэнгэл сомоне Баян-Ульгийского аймака: мужской череп из ограды 31 могильника Тахилгат удзуур-5, женский — из ограды 1 могильника Алтан толгой-2. Культурная принадлежность этих погребений остается дискуссионной. Авторы раскопок причисляют их к афанасьевской культуре (Төрбат, 2014. С. 13; 2016). Сооружение 31 Тахилгат удзуур-5 А. А. Ковалёв с соавторами относит к «малым» чемурчекским ритуальным оградкам, а керамический сосуд из этого погребения — к одинов-крохалевской керамике, обнаруженной на ряде поселений Восточного Казахстана (Ковалев и др., 2020. С. 87–88). Следует отметить хронологическую близость по AMS-датам (Алтан толгой-1, ограда 1, скелет А — 2912–2640 cal BCE (4228±40 BP, COL-1531.1.1); Тахилгат удзуур-5, ограда 31 — 2873–2619 cal BCE (4133±35 BP, COL-1538.1.1)) и конструктивное сходство между собой прямоугольных каменных оград из вертикально установленных плит, ориентированных длинной осью по линии восток–запад, погребений, из которых происходят исследованные черепа.

Краниум женщины из Алтан толгой-2 характеризуется монголоидными особенностями и морфологически очень сходен с ранее исследованными черепами культуры хэмцэг (чемурчекской), например с женским из кургана 2 могильника Кургак гови (табл.). Череп из Тахилгат удзуур-5 очень сильно отличается от них выраженной европеоидной комбинацией признаков — резкая горизонтальная профилировка лицевого отдела, очень высокие переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения и сильно выступающий нос. В сочетании с крайне длинной и высокой массивной долихокранной мозговой коробкой, очень широким лбом, широким и относительно низким лицом, очень широкими и низкими резко хамеконхными орбитами это характеризует череп из Тахилгат удзуур-5 как протоевропеоидный (табл.).

Морфологические аналогии ему находятся в европеоидном ареале, однако, по предварительной оценке, сходство с древними группами Средней Азии и Закавказья существенно меньше, чем с населением неолита — бронзы юга Восточной Европы. Большие различия прослеживаются также с краниологическими сериями неолита — бронзы Центральной и Западной Европы, кроме некоторых

Табл. Индивидуальные кривомерные данные черепов энеолит — ранней бронзы Монгольского Алтая

Признак по Мартину и др.	Алтан толгой-2 огр. 1, ск. А ♀40–45	Тахилгат удзуур-5 огр. 31 ♂30–35	Признак по Мартину и др.	Алтан толгой-2 огр. 1, ск. А ♀40–45	Тахилгат удзуур-5 огр. 31 ♂30–35
	х	х		х	х
1. Продольный диаметр	178	202	48. Верхняя высота лица	65	71
8. Поперечный диаметр	140?	140?	72. Общий лицевой угол	84?	85?
17. Высотный диаметр от в.	129	150	74. Угол лобно-лицевой части	76?	74?
20. Высотный диаметр от р.	107	123	77. Носовой угол	150,1	138,6
5. Длина основания черепа	99	116	∠Zm'. Зигомассиллярный угол	146,1	128,0?
9. Носовая ширина лба	86,2	105,2	51. Ширина орбиты от mf.	40,2	44,6
10. Носовая ширина лба	110	126	51a. Ширина орбиты от d.	37,3	42,0
11. Ширина основания черепа	123??	134?	52. Высота орбиты	32,3	30,0
32. Угол профиля лба от п.	79?	82?	55. Высота носа	48,5	50,0
GM/FH. Угол профиля лба от g.	75?	72?	54. Ширина носа	24,8	25,8
29. Лобно-носовой хребт.	111	121	75(1). Угол выступа носа	17	30?
Sub.N. Высота изгиба лба	27,0	27,0	SC. Симметрическая ширина	5,7	7,2
Носовая дуга (1–6)	2	5	SS. Симметрическая высота	2,4	5,2
40. Длина основания лица	94	111	DC. Длина лица ширина	22,0	23,4
43. Верхняя ширина лица	104	115	DS. Длина лица высота	10,0	13,7
45. Скуловой диаметр	128?	141?	Ihz. Угол изгиба скуловой кости	22,1	18,8

групп культур шнуrowой керамики. Значительное морфологическое сходство черепа из Тахилгат удзуур-5 можно отметить со многими восточноевропейскими группами, начиная с серий энеолитического времени степной и лесостепной зон, некоторыми ямными, катакомбными, шнурокерамическими, посткатакомбными и др.

Сходен исследованный череп и с краниологическими материалами афанасьевской культуры, особенно из алтайского высокогорья по серийным и индивидуальным данным, в частности из могильника Бертек-33. Полученные данные находятся в определенном противоречии с результатами палеогенетического исследования. Для индивида, захороненного в ограде 31 Тахилгат удзуур-5, помимо митохондриальной гаплогруппы R1b1*, была определена Y-хромосомная Q-M242 (Hollard et al., 2014. P. 201) исходно восточноевразийского происхождения. Вероятно, это демонстрирует ограниченность применения неглубоко типированных однородительских ДНК-маркеров для этногенетических реконструкций.

Литература

- Ковалев и др., 2020 — Ковалев А. А., Солодовников К. Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Зубова А. В. Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчешском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 77–94.
- Солодовников и др., 2019 — Солодовников К. Н., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчешской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 79–81.
- Төрбат, 2014 — Төрбат Ц. Хэмцэгийн археологийн соёлын нэрийг нягтлах нь // Хүрэл, түрүү төмрийн үе ба Хүннүгийн өмнөх соёлын судалгааны асуудал (Эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхэтгэл). Улаанбаатар, 2014. Т. 9–19 (на монг. яз.).
- Төрбат, 2016 — Төрбат Ц. Неолит-энеолитийн шавар сав // Монголын эртний шавар сав: (Монголын археологийн өв цуврал зурагт цомог. VI боть.). Улаанбаатар: Түүх, археологийн хүрээлэн, 2016. Т. 24–31 (на монг. яз.).
- Эрдэнэ и др., 2020 — Эрдэнэ М., Солодовников К. Н., Тумэн Д. Баруун ба Төв Монголын хүрэл зэвсгийн эхэн үеийн краниологийн судалгаа // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 2020. Vol. 10, № 1 (533). Т. 106–112 (на монг. яз.).
- Hollard et al., 2014 — Hollard Cl., Keyser Chr., Giscard P.-H., Turbat Ts., Bayarkhuu N., Bemann J., Crube'zy E., Ludes B. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // Forensic Science International: Genetics. 2014. Vol. 12. P. 199–207.

К проблеме определения половой принадлежности по черепу древнего человека (на материалах афанасьевской культуры Минусинской котловины)¹

К. Н. Солодовников²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.149-150>

Данные физической антропологии имеют особое значение в исследовании вопросов происхождения и родства древних групп, выявления в этом роли автохтонного развития и миграционных процессов. На этапе накопления палеоантропологических данных насущной задачей является формирование серий краниометрических данных, прежде всего мужских черепов как имеющих наибольшее значение для межгруппового сравнения. При этом одной из важных проблем является диагностика пола по черепу, поскольку более уверенное определение половой принадлежности возможно с изучением морфологии часто небравшихся из могил костей посткраниального скелета, и в особенности тазовых. При фрагментарности скелетов увеличивается доля субъективизма в определении пола, что в условиях малочисленности материалов может существенно влиять на средние характеристики серий, результаты определения положения группы на межгрупповом фоне, и, в конечном итоге, на выводы этногенетического характера. Неоднократно отмечалось, что размеры, массивность и другие морфологические особенности женских черепов из погребений древних эпох часто соответствуют таковым у современных мужских. Довольно типична ситуация, когда черепа, ранее определяемые разными исследователями как мужские, с накоплением данных и уточнением внутригруппового масштаба полового диморфизма (а теперь и получением палеогенетических данных) переносятся в женскую группу, и в существенно меньшей мере — наоборот (Солодовников и др., 2018. Примеч. 2).

Примером такого рода является краниологическая серия афанасьевской культуры Минусинской котловины. В частности, известны краниометрические данные пяти черепов (трех женских и двух определенных как мужские) из коллективного погребения II кургана 10 могильника Тесь III (Георгиевская гора) (Дебец, 1948; Алексеев, 1961). Судя по результатам измерений и обводам, все они морфологически довольно сходны между собой, характеризуются некоторой грацильностью и слабо выраженным наружным рельефом по сравнению, напри-

¹ Работа выполнена по госзаданию, проект № АААА-А17-117050400143-4).

² 626026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86. Тюменский научный центр СО РАН, с.н.с. Адрес электронной почты: solodk@list.ru.

мер, с мужскими черепами алтайских афанасьевцев (Дебец, 1948; Герасимов, 1955. С. 536–538; Алексеев, 1961). По результатам проведенного анализа главных компонент некоррегированных краниометрических данных минусинских афанасьевцев эти черепа, в том числе и определяемые как мужские, на двухфакторном поле находятся среди женских из других погребений и могильников Минусинской котловины. При этом впервые изученные краниологические находки из могилы 3 ограда 4 могильника Тепсей VIII, могильников Саргов улус, Моисеиха и др. расположены в соответствии с определяемой половой принадлежностью. Вероятно, причиной того, что пол двух индивидов из коллективного погребения в кургане 10 могильника Тесь III был, по-видимому, ошибочно определен как мужской, является то, что у одного скелета отсутствовали кости таза, рук и ног, а второй представлен лишь черепом, в то время как скелеты других погребенных женщин более комплектные (Киселев, 1937. С. 88).

Полученные данные, помимо уточнения антропологического облика афанасьевского населения Минусинской котловины (Герасимов, 1955. Рис. 221), могут использоваться для палеосоциологических и исторических реконструкций. По аналогии с коллективной могилой 15 могильника Афанасьева Гора, где у двух погребенных женщин выявлена ДНК возбудителя чумы — бактерии *Yersinia pestis* (Rasmussen et al., 2015), можно предполагать инфекционное заболевание причиной относительной одновременности захоронения нескольких человек (женщин) в афанасьевском кургане 10 могильника Тесь III (Георгиевская гора).

Литература

- Алексеев, 1961 — Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.
- Герасимов, 1955 — Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 586 с. (Тр. ИЭ. Т. IV).
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Тр. ИЭ. Т. IV).
- Киселев, 1937 — Киселев С. В. Афанасьевские курганы у сел Сыды и Теси // СА. 1937. № 2. С. 86–91.
- Солодовников и др., 2018 — Солодовников К. Н., Кравченко Г. Г., Рыкун М. П. Морфологические особенности населения энеолита — ранней бронзы как результат адаптации к географическим и биоклиматическим условиям Алтайской горной страны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 120–135.
- Rasmussen et al., 2015 — Rasmussen S., Allentoft M. E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K.-G., Pedersen A. G., Schubert M., Dam A. V., Kapel C. M. O., Nielsen H. B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M. V., Gnani A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Pontén T., Foley R. A., Lahr M. M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Early divergent strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163, No. 3, October. P. 571–582.

Население Минусинской котловины в эпоху бронзы по данным краниоскопии (к вопросу о происхождении окуневской культуры)¹

А. В. Громов², А. А. Казарницкий³, Н. И. Лазаретова⁴, А. А. Хохлов⁵

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.151-153>

Проблема происхождения окуневской культуры на протяжении многих лет остается дискуссионной (Поляков, 2020), и немаловажную роль в этой дискуссии играют данные палеоантропологии. Смешанный характер ранних окуневских групп и определенная гомогенизация населения к позднему, черновскому этапу (Громов, 1997; 2002) используется как важный аргумент в пользу миграционной гипотезы, связывающей происхождение окуневской культуры с ямно-катакомбной культурной общностью (Лазаретов, Поляков, 2018). Ее крайним выражением стало предположение о военном походе в Сибирь носителей позднеямных и катакомбных культурных традиций (Поляков, 2020).

Пятичленная хронологическая дифференциация окуневских погребальных памятников, предпринятая И. П. Лазаретовым (Лазаретов, 2019), позволила выделить наиболее ранний уйбатский хронологический горизонт, антропологические материалы из которого получены только в последние годы — могильники Уйбат-Чарков и Итколь II, курганы 12 и 14.

Данная работа представляет собой результат исследования краниоскопических признаков окуневской краниологической серии, значительно увеличившейся в последнее время. Использована программа из пяти признаков (Kozintsev, 1992). Затылочный индекс исключен из-за наличия в группах деформированных черепов. Для сравнительного анализа подобран ряд сибирских серий эпохи бронзы и культур ямно-катакомбного круга. За исключением серии неолита Прибайкалья (Kozintsev, 1992) использованы данные авторов (рис.).

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00309.

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, с.н.с.
Адрес электронной почты: andrey.v.gromov@mail.ru.

³ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, с.н.с.
Адрес электронной почты: kazarnitski@mail.ru.

⁴ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.
Институт истории материальной культуры РАН, н.с.
Адрес электронной почты: natasha-lazaretova@yandex.ru.

⁵ 443099, Россия, Самара, ул. М. Горького, д. 65–67.
Самарский государственный социально-педагогический университет, д.и.н., проф.
Адрес электронной почты: khokhlov_aa@mail.ru.

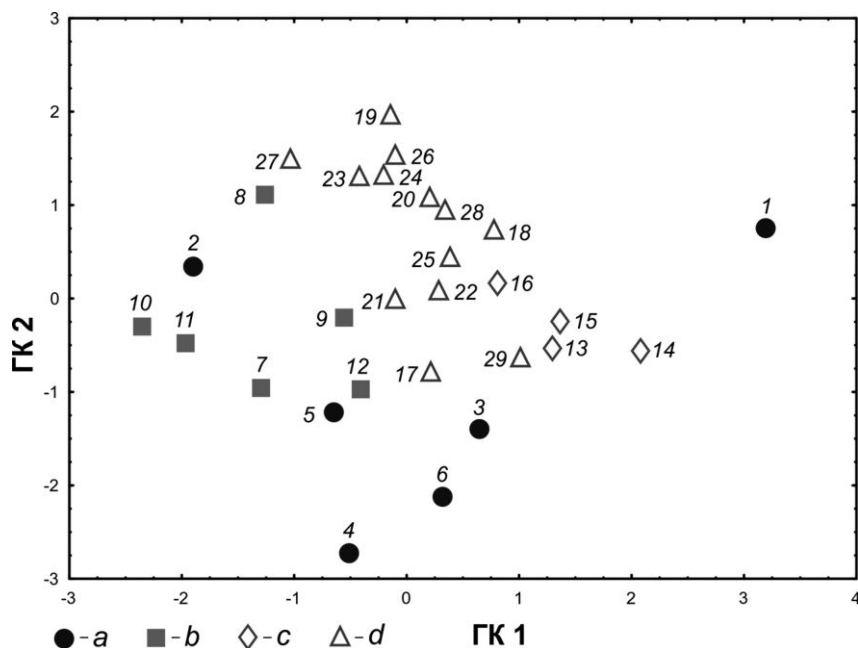

Рис. Результаты главных компонент серий эпох неолит и бронзы: *a* — окуневские группы; *b* — прочие сибирские группы; *c* — финские и идроновские группы; *d* — ямные и каткомбинные группы. *Выборки:* 1 — окуневская усть-турского хронологического горизонта; 2 — окуневская с-х зинского хронологического горизонта; 3 — окуневская из могильника Черновя VIII; 4 — окуневская из могильника Верхний Аскиз I; 5 — окуневская из могильника Итколь I; 6 — окуневская из могильника Итколь II черновского хронологического горизонта; 7 — латвийского неолита и бронзы; 8 — прибалтийского неолита; 9 — усть-тертский; 10 — одиновский; 11 — классический кротовский; 12 — из могильника Черноозерье I; 13 — финский; 14 — идроновский минусинский; 15 — идроновский верхнеприобский; 16 — идроновский северо-восточно-центральный хостинский; 17 — ямный волго-уральский; 18 — ямный приуральский (тмр-уткульский); 19 — ямный приспийский; 20 — ямный нижнедонский; 21 — полтвинский (волго-уральский); 22 — ренский каткомбинный приспийский; 23 — каткомбинный приспийский; 24 — каткомбинный приспийский с деформацией; 25 — каткомбинный волго-донский; 26 — каткомбинный нижнедонский, правый берег, с деформацией; 27 — каткомбинный нижнедонский, правый берег; 28 — каткомбинный нижнедонский, левый берег; 29 — ямный и каткомбинный Украины

Наиболее ярким признаком, характеризующим окуневское население, является низкая частота ПГУ II (около 30 %). Эта особенность позволила в свое время предположить общность происхождения предков окуневцев и американских индейцев (Козинцев и др., 2003). Однако ввод в научный оборот новых материалов эпохи бронзы позволил констатировать существование сибирского очага низкой

частоты ПГУ II, охватывавшего значительную территорию, как минимум от Барабинской лесостепи до Минусинской котловины (Громов, 1997; 2002). Тем удивительнее было обнаружить в суммарной серии погребений уйбатского хронологического горизонта частоту ПГУ II – 70.4 %, причем этот тип подглазничного узора одинаково часто встречается в сериях обоих памятников, составивших эту группу. Если отнести эту особенность на счет западных мигрантов, то идея о военном походе не выдерживает критики, т. к. половой диспропорции в данной серии не наблюдается ни по количеству индивидов, ни по частотам ПГУ II.

Результаты анализа главных компонент (рис.) подтверждают крайнее своеобразие серии самых ранних окуневцев, при довольно логичном разделении остальных исследованных групп на восточные и западные по происхождению. Первая главная компонента определяется двумя признаками — ПГУ II и ЗСШ. Именно частота последнего разделяет серии из двух последовательных хронологических горизонтов — уйбатского и тас-хазинского (где частота ЗСШ велика). Однако, как уже упоминалось (Громов, 1997), все случаи наличия этого шва в тас-хазинской серии припадают на один курган, где, видимо, были погребены родственники. Поэтому придавать большое значение этому признаку не стоит.

Таким образом, по данным краниоскопии, индивиды из погребений уйбатского хронологического горизонта отличаются от остальных окуневцев. Прежде всего, речь идет об очень высокой частоте ПГУ II. Не находят они прямых аналогий и среди серий культур ямно-катакомбного круга. Возможно, изучение данных краниометрии поможет более точно ответить на вопрос о происхождении этой своеобразной группы.

Литература

- Громов, 1997 — Громов А. В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 294–300.
- Громов, 2002 — Громов А. В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (03.00.14). СПб., 2002. 34 с.
- Козинцев и др., 2003 — Козинцев А. Г. Громов А. В., Моисеев В. Г. Новые данные о сибирских американоидах // ААЭ. 2003. № 3 (15). С. 146–154.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 28, № 4. С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 23, № 3. С. 41–69.
- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 3–6.
- Kozintsev, 1992 — Kozintsev A. G. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. 1992. Vol. 43 (3). P. 213–244.

О различиях антропологического типа населения разных этапов окуневской культуры¹

К. Н. Солодовников², И. П. Лазаретов³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.154-155>

Проводится исследование антропологических материалов яркого этнокультурного образования древности — окуневской культуры эпохи бронзы Минусинской котловины. Большинство впервые изученных черепов происходит из погребений раннего уйбатского этапа: Потрошилово (курган 5, 1959 г.), Уйбат-Тибик (курган 2, 1968 г.), Камышта-2 (курган 1, 2015 г.) и др. На основе новых и ранее опубликованных другими исследователями (Алексеев, 1961; Громов, 1997; и др.) материалов, в соответствии с их принадлежностью к выделенным этапам (Поляков, Лазаретов, 2019) и хронологическим горизонтам (Лазаретов, 2019), сформированы группы, представляющие население всех периодов развития окуневской культуры.

Дифференцированный подход к анализу краниологических материалов позволил выявить реальные антропологические различия между населением ранних и более поздних хронологических периодов существования культуры. Это дает возможность более обоснованно исследовать вопросы ее происхождения и формирования на антропологических материалах, и в частности определять территориальные истоки пришлого компонента сложения окуневской культуры (Поляков, 2020). Констатируется необходимость использования в решении данного вопроса всей совокупности палеоантропологических материалов окуневско-чемурчекской общности (Лазаретов, Поляков, 2018), в том числе чаа-хольской и каракольской культур Тувы и Горного Алтая соответственно.

Кроме этого, на черепках молодых людей из могильников Абаканская Управа (курган 4, 1898 г.) и Черновая XI (курган 1, 1999 г.) зафиксирована посмертная трепанация в области наружного затылочного бугра. Черепки с аналогичной трепанацией из могильников Итколь II и Разлив XI (Поляков и др., 2018. С. 133–134) также происходят из погребения заключительного этапа окуневской культуры (Лазаретов, 2019).

¹ Работа выполнена по госзаданию (проект № АААА-А17-117050400143-4).

² 626026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86. Тюменский научный центр СО РАН, с.н.с. Адрес электронной почты: solodk@list.ru.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: Lazaretov@narod.ru.

Литература

- Громов, 1997 — Громов А. В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 301–345.
- Лазаретов, 2019 — Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Святилище раннего бронзового века в Туве // Археологические вести. 2018. Вып. 24. С. 83–93.
- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 3–6.
- Поляков, Лазаретов, 2019 — Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. А. Ю. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Поляков и др., 2018 — Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8 (охранная археология). С. 123–139.

Сибирь в эпоху бронзы.

Окуневцы — одонтологическая характеристика¹

Г. А. Аксянова², Г. В. Рыкушина³

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.155-158>

Изучение морфологии зубной системы древних и современных популяций человека вошло в практику отечественных работ с середины 1960-х гг. благодаря всесторонней деятельности нашего учителя Александра Александровича Зубова и его школы. Он дал первую и наиболее подробную характеристику материалам из опорного для выделения отдельной окуневской культуры памятника Черновая VIII (раскопки Г. А. Максименкова, 1963 г.). Для одонтологического анализа из всей серии было отобрано 47 черепов удовлетворительной сохранности, независимо от пола и возраста. Данные по отдельным маркерам вошли

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

² 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а.
Институт этнологии и антропологии РАН, вед.н.с.
Адрес электронной почты: gaksyanova@gmail.com.

³ 119334, Россия, Москва, независимый исследователь.
Адрес электронной почты: o-bella-eva@yandex.ru.

в первую русскоязычную мировую сводку под названием Окуневский могильник (Зубов, 1973). С тем же именем серия подробно описана в специальной работе, которая включила и размеры коронок верхних моляров (Зубов, 1980). Очевидно, статья была готова задолго до факта ее публикации, так как в ней отсутствуют сравнительные материалы по археологическим культурам региона, статистический межгрупповой анализ и его визуализация.

Эту работу «опередили» две статьи, где окуневские материалы дополнительно представлены другими памятниками и среди последовательных культур бронзы и раннего железного века Хакасско-Минусинской котловины (Постникова, 1974; Рыкушина, 1977). Н. М. Постникова изучила серию в основном из местонахождения Сыда-школа с несколькими черепами из могильника Уйбат (N=24). Г. В. Рыкушина дополнила список материалами из могильников Красный Яр II, Лебяжье, Сыда V, Уйбат, Усть-Бюрь, Разлив X (N=38). Объединенные серии окуневской и тагарской культур вместе с краниологией представлены в монографии по антропологии карасукской культуры (Рыкушина, 2007). Окуневцев, согласно этим данным, характеризует умеренно высокий уровень всех восточных одонтологических особенностей, массивный тип коронки первых моляров, средняя степень редукции вторых моляров, отсутствие третьего моляра до 25 % выборки. К особенностям серии Черновая VIII надо отнести высокую частоту ямки Карабелли и вестибулярных стиллоидных бугорков на верхних молярах (особенно буккостия на M^2 , реже мезостия на M^3), наличие дополнительных бугорков $tam1$ и протостилида на M_2 и M_3 , а также вестибулярных отверстий на нижних молярах. Сам бугорок Карабелли на M^1 здесь отмечен с частотой, характерной для метисных групп (24 %). Однако в выборках других авторов присутствие его поднимается до высоких значений даже по европейским меркам.

Авторы указанных выше работ пришли к ряду обобщений. По данным одонтологии, серия Черновая VIII не является изолированной группой населения, а, вероятно, представляла собой часть большой панмиксной популяции. В расовом отношении она занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными группами, причем в сравнении с ее краниологической характеристикой оценивается как более монголоидная. Можно говорить «об общем налете архаизма» в ней, не вполне отчетливым (большая ширина коронок моляров, граница мезо- и макродонтизма по их модулю, редкий краудинг, до четверти случаев лабидодонтной формы прикуса, невысокий уровень редукции гипоконуса M^2 , высокая частота буккостия на том же зубе). В ряду носителей разных археологических культур своего региона окуневцы и по зубной морфологии далеки от групп с западной расовой доминантой, а именно от карасукцев и тагарцев, тем более андроновцев и афанасьевцев, уступая по уровню монголоидности только таштыкцам. Величина статистического «восточного» компонента в объединенной выборке немного превосходит величину «западного». Среди совре-

менных этнорасовых групп окуневцы находят близкие аналогии с киргизами, казахами и хакасами. И эти одонтологические параллели в промежуточном монголоидно-европеоидном пространстве Евразии соответствуют представлениям об Алтае-Саянском нагорье как зоне интенсивного смешения разных по происхождению и расовому составу местных и пришлых групп. Так, заметная доля монголоидного компонента у карасукцев обусловлена несомненным участием в их генезисе окуневского населения. Это подтвердил и кластерный анализ с участием многих изученных позднее локальных выборок разных культур Западной Сибири (Zubova, 2013. Р. 137).

В настоящее время объем сравнительных материалов значительно вырос (Чикишева, 2012; Zubova, 2012; 2014). Применение методов многомерной статистики к распределению комплекса ведущих зубных маркеров выявило сближение окуневцев с одиновско-кротовским населением ранней бронзы Барабинской лесостепи. В тот же кластер на удаленном расстоянии попадает серия каракольской культуры Горного Алтая, входящая в окуневский круг форм. Биологическую преемственность названных групп с автохтонным неолитическим населением, соответственно равнинной и горной зоны Сибири, демонстрирует кластерный анализ на основе уже размеров моляров. Одонтологические материалы подтверждают северное (северо-западное?) направление генетических связей окуневцев Хакасско-Минусинской котловины.

В наше время по одонтологии изучены еще три памятника окуневской культуры в Хакасско-Минусинской котловине: Верх-Аскиз-1, Уйбат-5, Итколь-1. Суммарная их выборка, так же как выше рассмотренная, имеет в своем составе небольшое преобладание восточного компонента над западным и в целом подобна ей типологически. Отметим, что здесь очень высоки локальные вариации частот признаков (Zubova, 2013. Tab. 5). Первые две серии на дендрограмме объединяются с серией елунинской культуры развитой бронзы равнинного Алтая. Ранее введенная в научный оборот выборка (Черновая VIII и др.) попадает в соседний субкластер. Она по-прежнему соединилась с более северными памятниками из Барабы (одиновская, кротовская и позднекротовская, усть-таргасская культуры) при максимальной близости к серии черноозерского варианта андроновской общности в Омском Прииртышье — Черноозерье-1 (Zubova, 2014. С. 149, 152, 190).

Литература

- Зубов, 1973 — Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 204 с.
- Зубов, 1980 — Зубов А. А. Характеристика зубной системы в черепной серии из Окуневского могильника // Палеоантропология Сибири / Отв. ред. А. П. Окладников, В. П. Алексеев. М.: Наука, 1980. С. 9–18.
- Зубова, 2012 — Зубова А. В. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 70–77.

- Зубова, 2014 — Зубова А. В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
- Постникова, 1974 — Постникова Н. М. Одонтологическая характеристика краниологических серий Минусинской котловины // Расогенетические процессы в этнической истории / Отв. ред. И. М. Золотарева. М.: Наука, 1974. С. 243–250.
- Рыкушина, 1977 — Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 57. С. 143–154.
- Рыкушина, 2007 — Рыкушина Г. В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый сад, 2007. 198 с.
- Чикишева, 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Zubova, 2013 — Zubova A. V. Dental affinities of the Irmen people, Western Siberia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. No. 3 (41). P. 132–139.

Сибирский компонент сложения антропологического состава населения андроновской культуры Среднего Енисея¹

К. Н. Солодовников²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.158-160>

Антропологическим маркером андроновской миграции в восточной части ареала является появление на территории юга Западной и Средней Сибири т. н. андроновского варианта протоевропейского типа (Дебец, 1948; Алексеев, 1961). Наряду с присутствием других европеоидных антропологических краниотипов, появление которых связано с андроновской экспансией на восток, в антропологическом составе андроновского (фёдоровского) населения Обь-Иртышья, преимущественно в женской части популяции, обнаруживается в разнообразных вариантах местный фенотипически промежуточный монголоидно-европеоидный компонент западносибирского происхождения. Его присутствие фиксируется на краниологических материалах Барнаульско-Новосибирского Приобья (Кирюшин, Солодовников, 2010) и у андроновского населения на запад вплоть до лесостепи Северного Казахстана. Однако особенно велика доля западносибирского антропологического компонента в составе населения Барабинской лесостепи, где суммарная женская андроновская серия по наиболее важным европеоидно-мон-

¹ Работа выполнена по госзаданию (проект № АААА-А17-117050400143-4).

² 626026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86. Тюменский научный центр СО РАН, с.н.с. Адрес электронной почты: solodk@list.ru.

голоидным признакам в среднем мало отличается от краниологических серий предшествующих археологических культур этого региона (Чикишева, 2012).

На территории другого андроновского фронта, Минусинской котловины, ситуация менее определена. Присутствие местного сибирского компонента в антропологическом составе в целом пришлого андроновского населения можно предполагать на основе повышенной вариабельности некоторых расово-дифференцирующих признаков суммарной минусинской краниологической серии (Чикишева, Поздняков, 2003; Чикишева, 2012. С. 112–118). Примесь сибирского антропологического компонента можно допускать также на некоторых черепах из погребений андроновского комплекса Соленоозерная (неопубликованные материалы Т. М. Савенковой и К. Н. Солодовникова), однако прямых свидетельств участия местного населения в формировании антропологического состава андроновского (фёдоровского) населения Минусинской котловины не найдено.

В этом контексте в Минусинском краеведческом музее были исследованы краниологические материалы из могильников Устье Бири IV и Потрошилово, которые являются одними из наиболее южных андроновских памятников, расположенных близ границы с территорией местного инокультурного окуневского населения. Большинство черепов из этих могильников выражено европеоидные, представленный на них антропологический тип характерен для андроновского (фёдоровского) населения обширных пространств юга Сибири и Казахстана.

Выделяются два морфологически сходных между собой черепа молодых женщин из могилы 14 Устье Бири IV и скелета 1 могилы 3 Потрошилово (раскопки 1986 г.). Первый из них привлек внимание уже авторов раскопок «хорошо заметной монголоидной примесью» (Леонтьев, Леонтьев, 2006. С. 70), несмотря на отсутствие носовых костей. Оба черепа характеризуются долихо-мезокранной высокой черепной коробкой и на фоне остальных краниологических материалов андроновской (фёдоровской) культуры Минусинской котловины выделяются уплощенным в горизонтальной плоскости на верхнем уровне абсолютно и относительно высоким лицом со средневысокими орбитами. Яркое морфологическое своеобразие им придает очень резкий общий и среднелицевой прогнатизм в сочетании, вероятно, с морфофизиологически обусловленной этим средней или резкой профилировкой лица на зигомаксиллярном уровне, а также фиксирующееся на одном из черепов низкое переносье. Такая комбинация признаков не характерна для населения окуневской культуры с преимущественно брахикранной невысокой черепной коробкой и ортогнатным широким лицевым отделом. Ближайшие морфологические аналогии данным андроновским черепахам можно усматривать в морфологически специфичной женской группе неолита Кузнецкой котловины (Чикишева, 2012) и, в меньшей степени, женской серии самусьского времени этой территории. Возможно, эти наблюдения отражают «цепной» характер андроновской миграции, в которую включались индивиды женского пола, происходящие из автохтонных групп с промежуточной территории Западной Сибири.

Литература

- Алексеев, 1961 — Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.
- Кирюшин, Солодовников, 2010 — Кирюшин Ю. Ф., Солодовников К. Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // АЭАЕ. 2010. № 4 (44). 2010. С. 122–142.
- Леонтьев, Леонтьев, 2006 — Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Могильник андроновской культуры Устье Бири IV // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Под ред. В. И. Соёнова, В. П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 66–78.
- Чикишева, 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Чикишева, Поздняков, 2003 — Чикишева Т. А., Поздняков Д. В. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // АЭАЕ. 2003. № 3. С. 132–148.

Палеоантропологические материалы из тагарского могильника Кошколь (материалы ЛОИА АН СССР из фонда Кабинета антропологии НИТГУ)

М. П. Рыкун¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.160-162>

Богатейшие археологические источники, полученные при раскопках поселений и могильников скифского времени Южной Сибири, с уникальными и своеобразными погребальными традициями и сопроводительным инвентарем, давно привлекали специалистов. Особенно активно исследования на территории Хакасии проводились в 1970–90-х гг. Сибирской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР. Под руководством одного из блестящих археологов — Эльги Борисовны Вадецкой — были открыты, раскопаны и введены в научный оборот многочисленные археологические памятники тагарской культуры (Вадецкая, 1981; 1985; 1986).

¹ 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, д. 36. Томский государственный университет, факультет исторических и политических наук, кабинет антропологии, зав. кабинетом. Адрес электронной почты: m_rykun@mail.ru.

Эта территория и материалы уже с 1940-х гг. находились в центре внимания антропологов, немало сделавших в изучении антропологического состава и происхождения носителей тагарской культуры (*Дебец*, 1948; *Алексеев*, 1961; 1975; 1986; *Козинцев*, 1977; *Медникова*, 1995; *Чикишева*, 2012; и др.). Сложные процессы трансконтинентального переселения и локально-территориальные межпопуляционные взаимодействия древнего населения привели к эпохальным изменениям антропологической картины в Северной Евразии. По мнению Т. А. Чикишевой, на основе устойчивой типологической комбинации признаков произошло сложение северной и южной антропологических формаций, ареалы распространения которых не были изолированы в пространственно-географическом и культурно-историческом отношении (*Чикишева*, 2012. С. 182).

Решение проблем динамики антропологического состава древнего населения региона сопряжены с репрезентативностью палеоантропологических материалов. В связи с этим очевидна актуальность введения в научный оборот палеоантропологических материалов носителей тагарской культуры с территории степной части Хакасии. Накопленные Сибирской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР материалы, хранящиеся в кабинете антропологии ТГУ, пока остаются за пределами их анализа. В настоящее время выявлены необработанные палеоантропологические материалы носителей тагарской культуры из курганных групп, обнаруженных в Шарыповском районе Красноярского края: Балалык-I (раскопки 1985 г. С. В. Красниенко, М. Н. Пшеницыной), Сопки I (раскопки 1985–1986 гг. А. В. Субботина, Э. Б. Вадецкой, Е. А. Кириллова), Кошколь (раскопки 1987 г. С. В. Красниенко, Е. Л. Кириллова). Проведена идентификация шифров, соотношение курганов и могил по некрополям.

Предварительные половозрастные определения выполнены только по одному могильнику Кошколь (раскопки 1987 г.), относящемуся к сарагашенскому этапу тагарской культуры (*Красниенко, Субботин*, 1999; *Субботин*, 2014). В фондах Кабинета антропологии ТГУ (№ 5853; 5854; 5863–5893) в наличии имеются материалы из курганов 1 (могилы 1, 2, 3), 2 (могилы 4, 5), 3 (могилы 1, 2) и 4 (могилы 1, 2, 3). Это разрозненные, часто фрагментированные черепа и кости посткраниального скелета. Сохранившихся целых черепов мало, а для формирования полной краниологической серии требуется работа по их реставрации. Идентификация черепов и соотношение их с посткраниальными скелетами только начались, но на предварительном этапе работы очевидно, что большинство из них принадлежит мужской части населения в возрасте до 50 лет. Подростковая (10–14 лет), юношеская (18–20 лет) и детская (*infantis I*) возрастные категории представлены в незначительном количестве. Выявлены маркеры физиологического стресса, патологии и травмы, что, безусловно, связано с особенностями жизнедеятельности ранних кочевников. Особый интерес представляют

преднамеренные повреждения костей верхних и нижних конечностей, возможно связанные с особенностями погребальной обрядности населения Южной Сибири в раннем железном веке. По-видимому, на сарагашенском этапе тагарской культуры практиковалось бальзамирование трупов с целью сохранения умерших от разложения до момента захоронения в групповых могилах под курганами (Вадецкая, 1985). Работы над формированием коллекций названных могильников предполагается продолжить, так как они позволят уточнить антропологические особенности тагарского населения и выявить их специфику.

Литература

- Алексеев, 1961 — Алексеев В. П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. И. Дулов. Новосибирск: Наука, 1961. С. 377–385.
- Алексеев, 1975 — Алексеев В. П. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 109–119.
- Алексеев, 1986 — Алексеев В. П. Палеоантропология степей Евразии в скифское время // А. И. Мартынов, В. П. Алексеев. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1986. С. 38–63.
- Вадецкая, 1981 — Вадецкая Э. Б. Работы Сибирской экспедиции // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 168.
- Вадецкая, 1985 — Вадецкая Э. Б. Мумия и куклы в погребальной обрядности Западной и Южной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным / Отв. ред. Э. Л. Львова. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. С. 36–38.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
- Вадецкая, Субботин, 1987 — Вадецкая Э. Б., Субботин А. В. Раскопки тагарского могильника Сопки I // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 227.
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.
- Козинцев, 1977 — Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 142 с.
- Красниенко, Субботин, 1999 — Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: ИИМК РАН, 1999. 112 с.
- Медникова, 1995 — Медникова М. Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: Наука, 1995. 216 с.
- Субботин, 2014 — Субботин А. В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- Чикишева, 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени (по материалам каменской культуры)¹

Н. А. Лейбова²

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.163-165>

Изученные серии каменской культуры лесостепного Алтая происходят из шести могильников (в скобках указано число изученных индивидов): Рогозиха-1 — VI–IV в. до н. э. (39), Обьездное-1 — V–IV вв. до н. э. (40), Камень-2 (49) и Кирилловка-3 (37) — V–III вв. до н. э., Новотроицкое-1, 2 (65) — V–III вв. до н. э., Масляха-1 (57) — III–II вв. до н. э. В большинстве выборок каменской культуры наблюдаются низкие частоты лопатообразности I¹ (**табл.**). К значению этого показателя в Рогозихе-1 (50,0 %) мы должны относиться критически. К сожалению, как это обычно и бывает при работе с ископаемым материалом, данные эти получены на малом числе наблюдений. Частота встречаемости бугорка Карабелли варьирует от 20,0 до 43,2 %, при этом серии распадаются на две группы: с низким значением, характерным, скорее, для монголоидных серий (17,6–26,1%) в выборках Кирилловка-3, Камень-2, Рогозиха-1, Обьездное-1; и с высоким (41,0–43,2 %) — в Масляхе-1 и Новотроицком-1, 2. Дистальный гребень тригониды во всех сериях был зафиксирован в единичных случаях. Только серия из Рогозихи-1 демонстрирует повышение частоты его встречаемости до 17,4 %. Коленчатая складка метакониды также зафиксирована во всех сериях. Единственная группа с низким значением — Кирилловка-3 (4,5 %). В Рогозихе-1 вновь наблюдается уже значение, типичное для монголоидных групп. Шестибугорковые первые нижние моляры в единичных случаях были описаны в сериях из Масляхи-1, Новотроицкого-1, 2, Рогозихи-1 и Кирилловки-3. Степень редукции гипоконуса M² у представителей каменской культуры крайне низкая. По степени редукции M₁ серии вновь распадаются на две группы. Первую образуют Масляха-1, Новотроицкое-1, 2, Рогозиха-1 и Кирилловка-3 — они относятся к матуризованному варианту с низкими частотами M₁4 (5,9–10,0 %). Во вторую группу входят Камень-2 и Обьездное-1 — 28 и 26,5 %, т. е. их можно отнести к кругу грацильных типов. Частота встречаемости M₂4 варьирует незначительно и не выходит за пределы значений, характерных для европеоидных популяций. Во всех изученных

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 19-09-00205).

² 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32.

Институт этнологии и антропологии РАН, Центр физической антропологии, с.н.с.
Адрес электронной почты: leibova.natalia@iea.ras.ru.

сериях в единичных случаях были зафиксированы бугорки *tami* (1–2 случая на серию).

В результате исследования был сделан вывод, что серии каменной культуры неоднородны по своему антропологическому составу и относятся к различным одонтологическим вариантам. Серии из могильника Камень-2 и Объездное-1 демонстрируют довольно гармоничный грацильный комплекс. В противоположность им серии из могильников Масляха-1 и Новотроицкое-1, 2 относятся к матуризованному кругу типов с наименьшими частотами маркеров восточного одонтологического ствола. Значения частот всех одонтологических признаков в этих выборках настолько близки, что позволяют сделать вывод о том, что все три могильника были оставлены единым в антропологическом отношении населением. Другой матуризованный вариант представлен у населения, захороненного в могильниках Рогозиха-1 и Кирилловка-3. В отличие от серий из Масляхи-1 и Новотроицкого-1,2, матуризованность сопровождается повышением частот восточных фенотипов, причем в выборке из Рогозихи-1 настолько, что ее одонтокомплекс тяготеет к восточному одонтологическому стволу.

По археологическим данным влияние местного компонента в формировании населения каменной культуры прослеживается очень слабо. По данным одонтологии такая связь все же улавливается. Отмечается определенный вклад носителей тагарской культуры и андроновцев лесостепного Алтая. В то же время население каменной культуры демонстрирует широкий круг связей с кочевниками Западного Казахстана, Юго-Западного и Восточного Приаралья, с представителями финального этапа алды-бельской культуры ранних кочевников Тувы. По всей видимости, именно последние были носителями восточного одонтологического комплекса, черты которого проявляются в серии из Рогозихи-1.

Выводы, полученные на одонтологическом материале, вполне согласуются с результатами краниологических исследований (Рыкун, 2013). По данным одонтологии подтверждается антропологическая неоднородность населения каменной культуры лесостепного Алтая скифского времени. Изученные выборки, за исключением Рогозихи-1, могут быть отнесены к представителям западного одонтологического ствола с разной долей восточного компонента в сериях. Однако, в отличие от краниологических исследований, по данным одонтологии практически не фиксируется сходство с синхронным пазырыкским населением Горного Алтая. Выявлены существенные различия и с населением каменной культуры Новосибирского Приобья, представленного материалами из могильника Быстровка-3. В его морфокомплексе наиболее отчетливо проявляется близость к представителям окуневской культуры (Кишкурно, 2018).

Табл. Одонтологические характеристики населения каменской культуры (VI–II вв. до н. э.)

	Рого- зиха-1	Объезд- ное-1	Ка- мень-2	Кирил- ловка-3	Ново- троиц- кое-1, 2	Масля- ха-1
shov I ¹ (2+3)	50.0 (3/6)	10.0 (1/10)	20.0 (2/10)	28.6 (2/7)	9.1 (1/11)	9.1 (1/11)
shov I ² (2+3)	50.0 (2/4)	12.5 (1/8)	33.3 (4/12)	58.3 (7/12)	19.0 (4/21)	15.0 (3/20)
cara M ¹ (2–5)	22.2 (4/18)	26.1 (6/23)	20.0 (2/10)	17.6 (3/17)	41.0 (16/39)	43.2 (16/37)
Hy M ² (3+3)	20 (5/25)	14.3 (4/28)	16.7 (6/36)	10.0 (2/20)	16.7 (7/42)	18.4 (9/49)
M ₁ 6	2.9 (1/34)	0.0	0.0	10.0 (3/30)	5.0 (3/60)	4.2 (2/48)
M ₁ 4	5.9 (2/34)	26.5 (9/34)	28.1 (9/32)	10.0 (3/30)	10.0 (6/60)	8.3 (4/48)
M ₂ 6	3.1 (1/32)	0.0	0.0	0.0	4.2 (2/48)	0.0
M ₂ 4	71.9 (23/32)	75.9 (22/29)	87.5 (35/40)	85.7 (18/21)	81.3 (39/48)	86.4 (38/44)
M ₂ 3	0.0	3.4 (1/29)	2.5 (1/40)	0.0	2.0 (1/48)	0.0
tami M ₁	0.0	3.0 (1/33)	3.4 (1/29)	6.5 (2/31)	3.6 (2/56)	2.4 (1/42)
dtc M ₁	17.4 (4/23)	3.8 (1/26)	9.1 (2/22)	10.7 (3/28)	5.1 (2/39)	5.4 (2/37)
dw M ₁	30.8 (4/13)	26.7 (4/15)	25.0 (3/12)	4.5 (1/22)	16.1 (5/31)	17.2 (5/29)
ISC	182	708	702	45	160	143

Литература

- Кишкурно, 2018 — Кишкурно М. С. Происхождение носителей каменской культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III–I вв. до н. э.) // *Camera praehistorica*. 2018. № 1. С. 134–147.
- Рыкун, 2013 — Рыкун М. П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 284 с.

Результаты трасологического исследования посмертных трепанаций черепов из раннетесинских склепов¹

Е. Н. Учанева², А. А. Малютина³, В. С. Бусова⁴, Е. Ю. Гиря⁵,
Н. И. Лазаретова⁶

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.166-167>

Научная группа специалистов провела исследования посмертных трепанаций на черепах из раннетесинских склепов Минусинской котловины. Все обследованные индивиды были погребены в трех склепах: Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло, которые датируются III-I вв. до н. э. Коллекции хранятся в фондах МАЭ РАН (Кунсткамера), куда они были переданы авторами раскопок (А. И. Поселянин, Н. Ю. Кузьмин).

В общей сложности исследованы черепа 283 индивидов. Посмертные нарушения свода черепа зафиксированы у 63,6 % умерших (191 череп). Трасологическое изучение следов трепанации выявило признаки, характеризующие как способы выполнения этой операции, так и состояние костной ткани в момент

¹ Исследования проведены в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по темам государственного задания № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» и № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, н.с. Адрес электронной почты: ucha.89@mail.ru.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория. Адрес электронной почты: kostylanya@yandex.ru.

⁴ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, м.н.с. Адрес электронной почты: kulturnijkarman@gmail.com.

⁵ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория, с.н.с., к.и.н. Адрес электронной почты: kostionki@yandex.ru.

⁶ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, н.с. Адрес электронной почты: natasha-lazaretova@yandex.ru.

ее обработки. Анализ всей совокупности наблюдений показал, что трепанирование производилось постмортально при весьма свежем состоянии костной ткани и, скорее всего, без сплошного удаления мягких тканей.

В результате трасологического анализа было установлено, что для трепанаций использовались металлические (бронзовые) инструменты с желобчатым и прямым лезвием. Техника исполнения преимущественно укладывается в схему трепанирования путем очерчивания формы и размеров отверстий кольцом зарубок, надрубов, в результате которых извлекался фрагмент кости черепа. Данная операция проводилась чаще в области височных и теменных костей, реже — на затылке. В большинстве случаев трепанации имели подовальную форму.

Одновременно с этим была проведена работа в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова и Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова. Проводился поиск металлических инструментов, с помощью которых могли совершаться подобные операции. Благодаря полученным трасологическим данным и проведенной аналитической работе были подобраны орудия, которые предположительно могли использоваться для трепанаций. Среди таких орудий выделяется два основных типа: долотовидные металлические топоры-тесла с тесловидным (желобчатым) краем и такие же изделия с прямым краем, которые чаще всего соотносят с деревообработкой. Большей частью — это находки на поверхности (подъемный материал) и по внешнему виду относятся к более раннему этапу тагарской культуры, что не исключает использование подобных полифункциональных орудий тесинцами.

Исходя из полученных данных, мы пришли к выводу, что трепанирование черепа в III–I вв. до н. э. было популярной манипуляцией при подготовке тел умерших к погребению в склепах на территории Минусинской котловины. Все процессы были достаточно стандартизированы, древние специалисты хорошо разбирались в строении черепа и специфике работы с органическими материалами (кость и мягкие ткани), а для самих хирургических манипуляций использовались долотовидные инструменты из бронзы с прямым или скругленным лезвием (Гиря и др., 2020).

Литература

Гиря и др., 2020 — Гиря Е. Ю., Учанева Е. Н., Малютина А. А., Бусова В. С., Лазаретова Н. И. Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) // ПАЖМИ. 2020. № 1. С. 135–171.

Антропологические останки из захоронений по обряду кремации с территории могильника Пинчуга-6 (предварительные итоги)

А. В. Дедик¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.168-170>

Исследованные костные останки происходят с территории могильника Пинчуга-6, расположенного на правобережной террасе в нижнем течении р. Ангара (Красноярский край) и датируемого второй четвертью I тыс. н. э. Памятник изучен экспедицией Сибирского федерального университета в 2018–2019 гг. под руководством П. В. Мандрыки и П. О. Сенотрусовой. За это время было вскрыто около 600 кв. м площади и выявлено 12 погребений, совершенных по обряду трупосожжения на стороне. Прах вместе с сопроводительным инвентарем помещали в грунтовые ямы овальной формы разных размеров. Среди погребального инвентаря отмечены: железные ножи, плоские и трехлопастные наконечники стрел, круглые нашивки, металлопластика, стеклянные и каменные бусы. Комплекс вещей находит аналогии в материалах позднего этапа кулайской культуры, фоминских и таштыкских древностях. Помимо найденных погребений в двух случаях было зафиксировано компактное размещение нескольких небольших ям с кремированными останками. Вокруг этих ям и между ними прослежены фрагменты обожженных костей человека и различных изделий. Найденные предметы в ямах и возле них типологически однородны и в некоторых случаях представляют собой обломки одного изделия. Данное обстоятельство позволило рассматривать эти комплексы как единые сложные погребальные объекты.

На сегодняшний день исследованы все обнаруженные погребения (**табл.**): в ходе анализа достоверно определялась возрастная категория индивидов — взрослый или ребенок. При наличии в погребениях костей, которые не могли принадлежать одному человеку, делалось заключение о коллективном захоронении. Фрагментарность обнаруженных кремированных останков не позволила определить пол погребенных. Определение биологического возраста происходило в пределах категорий, принятых в отечественной науке (*Пежемский, 2003. С. 255*). Поскольку возраст погребенных устанавливался по одному или двум признакам, достоверность полученных определений очень сильно снижалась. При таких обстоятельствах возраст индивидов устанавливался в достаточно широких категориях.

¹ 660041, Россия, Красноярск, Свободный пр., д. 79. Сибирский федеральный университет, Лаборатория археологии Енисейской Сибири, специалист. Адрес электронной почты: ejara.ru@mail.ru.

Табл. X Характеристики антропологических останков с территории могильника Пинчуг -6

№ п/п	№ погребения	Год	Кол-во захороненных	Биологический возраст
1	1	2018	1	Неопределим
2	2		3	Lacteus – Infantilis primus (от 0,6 до 3 лет)
				Infantilis I (до 7 лет)
				Adultus – Maturus II (25–55 лет)
3	3		3	Maturus (35–55 лет)
				Senilis (с рше 55 лет)
		Неопределим		
4	4	3	Natus (новорожденный)	
			Lacteus (до 1 год)	
			Infantilis primus (до 3 лет)	
5	5	2019	1	Взрослый
6	6		1	Взрослый
7	7		1	Juvenilis I – Maturus II (от 16/18 до 55 лет)
8	8		3	Natus (новорожденный)
				Infantilis primus (до 3 лет)
				Juvenilis II – Maturus I (от 20 до 45 лет)
9	9		1	Infantilis (от 3 до 12/13 лет)
10	10		1	Juvenilis II – Maturus II (от 20 до 55 лет)
11	11		2	Infantilis (от 3 до 12/13 лет)
				Juvenilis II – Maturus II (от 20 до 55 лет)
12	12	1	Lacteus – Infantilis primus (от 0,6 до 3 лет)	

По результатам анализа установлено, что из 12 погребений пять являются коллективными захоронениями, в которых захоронено от двух до трех человек. Всего были идентифицированы 18 индивидов. Также анализ показал различную представительность отдельных частей скелета в погребениях. Фрагменты черепа были обнаружены в 83,3 % погребений, зубов — в 75,0 %, фрагменты длинных костей — 100 %, ребер — в 50,0 %, позвонков — в 41,6 %, тазовых костей — в 16,6 %. В итоге, среди идентифицированных останков представлены кости всех отделов скелета. Это свидетельствует о том, что в грунтовую яму после сжигания попадали все оставшиеся части скелета. Определенной выборочности, связанной

с какими-либо ритуальными действиями, обнаружено не было. Наличие маленького процента фрагментов ребер, тел позвонков и тазовых костей по сравнению с остальными частями скелета, возможно, связано с тем, что губчатое строение этих костей делает их наиболее уязвимыми в процессе горения. Данное обстоятельство подтверждается и другими антропологическими материалами (Алексеева, 1975. С. 266; Широбоков, 2014. С. 258).

Таким образом, в ходе изучения антропологических останков из захоронений по обряду кремации можно получить частичные палеодемографические данные о той или иной палеопопуляции, представление о типе погребения (одиночное или коллективное). Также в некоторых случаях удастся проследить особенности ритуального характера — полное или частичное захоронение. Информативная ценность такого источника, конечно, невелика. Однако в условиях отсутствия погребений, выполненных по обряду ингумации, для территории Нижнего Приангарья в финале раннего железного века любая полученная информация представляет собой огромный интерес.

Литература

- Алексеева, 1975 — Алексеева Т. И. Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры // СА. 1975. № 1. С. 264–270.
- Пежемский, 2003 — Пежемский Д. В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9–12 июня 2003 г.): тезисы докладов. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии СО РАН, 2003. С. 255.
- Широбоков, 2014 — Широбоков И. Г. Трупосожжения как источник информации о населении культуры каменных могильников с оградками // Тр. IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдилов и др. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 427–429.

К вопросу о генезисе одного своеобразного морфологического типа

И. Р. Газимзянов¹

<https://doi.org/10.31600/978-5-907298-16-3.170-172>

В практике каждого исследователя при обработке палеоантропологической коллекции (в нашем случае — краниологической) встречаются индивиды с комплексом признаков, которые трудно соотнести с тем или иным «традиционным»

¹ 420141, Россия, Казань, ул. Ю. Фучика, д. 52, кв. 28. Независимый исследователь. Адрес электронной почты: g-ilgizar@yandex.ru.

краниотипом. Как правило, это комплексы «смешанного» типа, сочетающие в себе признаки больших рас, например монголоидной и европеоидной. Если в серии (статистически представительной) данные черепа — «смешанного» типа с «противоречивыми» признаками — единичны, то исследователь обычно относит их к проявлениям индивидуальной изменчивости, которая, как известно, в группе может сильно варьировать. В случае, когда в серии такие черепа преобладают и составляют существенный компонент, возникает «тонкий момент» интерпретации данного факта как с морфологической точки зрения, так и исторической, если антропологические данные выступают в роли инструмента реконструкции этногенетического прошлого. Яркий тому пример — генезис уральского антропологического типа.

В моей исследовательской практике с такой ситуацией, когда хорошо выделяется явно «смешанный» морфологический компонент неясного генезиса, я сталкивался несколько раз. Так, при анализе золотоордынских серий с территории Среднего и Нижнего Поволжья встречаются черепа, которые характеризуются специфическим сочетанием краниологических признаков: широкое и высокое лицо, уплощенное в горизонтальной плоскости, сопровождается хорошо профилированным переносьем и сильно выступающим носом. По мнению Л. Т. Яблонского, подобная морфологическая комбинация встречается как у средневекового населения степей Нижнего Поволжья, так и в золотоордынских городских группах (Яблонский, 1987. С. 218; Газимзянов, 2000. С. 204). Однако вопрос о генезисе данного краниокомплекса в своих работах Л. Т. Яблонский оставил открытым, отметив лишь, что он явно смешанного характера (Яблонский, 1987. С. 219).

Несколько иной краниокомплекс был выявлен нами при внутригрупповом анализе обобщенной серии гунно-сарматского времени с территории Горного Алтая (Газимзянов, 2018а). На позднем (верх-уймонском) этапе развития булан-кобинской культуры в антропологическом составе горных алтайцев хорошо выделяется морфологический компонент, который описывается «своеобразным» сочетанием признаков: мезодолихокранная черепная коробка сопровождается широким и более низких пропорций уплощенным лицом в сочетании с хорошо профилированным и выступающим носом (Там же. С. 151–152). Генетические истоки данного несколько «архаичного» компонента нам пока не совсем ясны.

Аналогичный морфологический компонент, но в более смягченной форме отмечается нами также и в составе населения кушнаренково-караякуповской археологической культуры, памятники которой в раннесредневековое время занимали лесостепную зону Урало-Поволжского региона и, судя по археологическим данным, были оставлены угорскими племенами, принявшими впоследствии участие в этногенезе современных венгров (Газимзянов, 2018б). В отличие от ранних кочевников позднего этапа булан-кобинской культуры Горного Алтая, для них характерна мезобрахикранная черепная коробка, относительно широкое и умеренно профилированное лицо низких пропорций, высокое переносье и сильное выступание носовых костей (Там же. С. 68).

Данный краниокомплекс — широколицый европеоидный — хорошо известен и описан в антропологической литературе как один из вариантов протоевропейской расы, который был широко распространен, преимущественно в антропологическом составе древнего населения степей Евразии (Дебец, 1948; Алексеев, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984; Шевченко, 1986; Багашев, 2000; Балабанова, 2000; Чикишева, 2012). Автор не претендует на детальный разбор проблемы генезиса широколицых европеоидных форм, а на основе использования оригинальных и литературных палеоантропологических данных делает попытку выявить истоки, время и территорию формирования антропологических особенностей древневенгерских племен как носителей в основном широколицего европеоидного типа.

Литература

- Алексеев, 1967 — Алексеев В. П. Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.
- Алексеев, Гохман, 1984 — Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Багашев, 2000 — Багашев А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Балабанова, 2000 — Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Газимзянов, 2000 — Газимзянов И. Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 189–216.
- Газимзянов, 2018а — Газимзянов И. Р. Новые данные по краниологии населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 137–162.
- Газимзянов, 2018б — Газимзянов И. Р. Древние венгры в антропологическом аспекте // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 66–72.
- Гинзбург, Трофимова, 1972 — Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Тр. ИЭ. Т. 4).
- Чикишева, 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Шевченко, 1986 — Шевченко А. В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР / Отв. ред. И. И. Гохман, А. Г. Козинцев. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
- Яблонский, 1987 — Яблонский Л. Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М. С. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

Список сокращений

АВЕС	— Археология восточноевропейской степи. Саратов
АГЭ	— Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул
АмГУ	— Амурский государственный университет
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	— Археологические открытия. Москва
АРЭМ	— Архив Российского этнографического музея
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БГУ	— Бурятский государственный университет
БНЦ	— Бурятский научный центр
БПЛА	— беспилотный летательный аппарат
ВАС	— Всероссийский археологический съезд
ВИЕТ	— Вопросы истории естествознания и техники. Москва
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ГУ	— Государственный университет
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург
ДВНЦ	— Дальневосточный научный центр. Владивосток
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия
ИАТ	— Институт археологических технологий
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет

ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
ИЭ	— Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
ИЭРЖ УО РАН	— Институт экологии растений и животных УО РАН
КемГУ	— Кемеровский государственный университет
КНДР	— Корейская Народно-Демократическая Республика
КН МОН	— Комитет науки Министерства образования и науки
КНР	— Китайская Народная Республика
КОРГО	— Красноярское отделение РГО
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Ленинград
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Санкт-Петербург
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МОКНСМ	— Министерство образования, культуры, науки и спорта Монголии
МРС	— мелкий рогатый скот
МТЭ	— Монголо-Тибетская экспедиция
МЭ	— Материалы по этнографии. Ленинград
НА ИИМК РАН. РО	— Научный архив ИИИМК РАН. Рукописный отдел. Санкт-Петербург
НА ИИМК РАН. ФО	— Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел. Санкт-Петербург
НГПУ	— Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИТГУ	— Национальный исследовательский Томский государственный университет
НОА	— Научно-отраслевой архив
ОАК	— Отчеты Императорской Археологической комиссии
ПАЖМИ	— Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. Санкт-Петербург
РА	— Российская археология

РАН	— Российская академия наук
РАЭСК	— Российская археолого-этнографическая конференция
РГО	— Русское географическое общество
РИЦ НГУ	— редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета
РНФ	— Российский научный фонд
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СА	— Советская археология
САИПК	— Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
СамГПУ	— Самарский государственный педагогический университет
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург
СО РАН	— Сибирское отделение РАН
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
Т.	— том
ТГУ	— Томский государственный университет
Тр.	— труды
УИВ	— Уральский исторический вестник
УО РАН	— Уральское отделение РАН
Уч. зап.	— Ученые записки
ФИЦ ТюмНЦ СО РАН	— Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр СО РАН
ФИЦ УУХ СО РАН	— Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
ФНИ ГАН	— Фундаментальные научные исследования Государственных академий наук
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
Ч.	— часть
АЕ	— Archäologie in Eurasien. Berlin; Mainz
AMS	— Accelerator mass spectrometry
AURA	— Australian Rock Art Research Association
BAR, IS	— British Archaeological Reports, International Series
IGNCA	— Indira Gandhi National Centre for the Arts

Научное издание

**Археологические памятники
Южной Сибири и Центральной Азии:
от появления первых скотоводов
до эпохи сложения государственных
образований**

Материалы Междунородной научной конференции,
посвященной 85-летию доктор исторических наук
Эльги Борисовны Введенской (1936–2018)
и 90-летию доктор исторических наук
Глеба Алексеевича Мокшанцева (1930–1986)

Художественный редактор и верстка *И. Н. Лицук*
Корректор *Л. А. Виноградова*

Подписано в печать 05.04.2021. Формат 60×90 1/16
Бумага мелованная. Печать офсетная. Печ. л. 22
Тираж 300 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-7950. E-mail: spbcolor@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В сборнике материалов представлены работы участников Международной научной конференции, состоявшейся 19–21 апреля 2021 г. в Санкт-Петербурге, в Институте истории материальной культуры РАН. Конференция была посвящена 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986). Материалы сборника хронологически охватывают обширный период от неолита до I тыс. н. э., а географически — пространство евразийской горностепной полосы, включающее Центральную Азию и Южную Сибирь, что отражает основные направления научных интересов Э. Б. Вадецкой и Г. А. Максименкова.

